

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
15 ноября 2023 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

№ 3 (2023)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА

1. Высокая стоимость юридических услуг не может быть поводом к сокращению объема прав реабилитированного лица на возмещение причиненного ему имущественного вреда.

Постановлением Ленинского районного суда г. Курска от 23 декабря 2019 г. частично удовлетворено ходатайство М. о возмещении имущественного вреда в порядке реабилитации. Постановлено взыскать с Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации в пользу М. 330 000 руб. в возмещение сумм, выплаченных адвокатам Б. и Р. за оказанную ему юридическую помощь.

Апелляционным постановлением Курского областного суда от 1 июня 2020 г. постановление оставлено без изменения.

Председатель Верховного Суда в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении М. ввиду новых обстоятельств.

Президиум Верховного Суда 29 марта 2023 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Постановлением старшего следователя следственного отдела по Центральному административному округу г. Курска следственного управления Следственного комитета России по Курской области от 15 февраля 2018 г. прекращено уголовное преследование М., обвиняемого по части 3 статьи 290, части 1 статьи 291² УК РФ, в части предъявленного обвинения в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 290 УК РФ, на основании пункта 2 части 1 статьи 24, пункта 2 части 1 статьи 27 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления. За М. признано право на реабилитацию.

По приговору мирового судьи судебного участка № 8 судебного района Центрального округа г. Курска от 6 сентября 2018 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, М. по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 291² УК РФ, оправдан на основании пункта 1 части 2 статьи 302

---

¹ Далее – Верховный Суд.

УПК РФ в связи с неустановлением события преступления. За М. признано право на реабилитацию и возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

Постановлением Ленинского районного суда г. Курска от 23 декабря 2019 г. ходатайство М. о возмещении имущественного вреда в порядке реабилитации удовлетворено частично. Постановлено взыскать с Министерства финансов Российской Федерации за счет казны Российской Федерации в пользу М. 330 000 руб. в возмещение сумм, выплаченных адвокатам Б. и Р. за оказанную ему юридическую помощь.

При этом суд, установив, в частности, что М. наряду с оплатой за фактически оказанные адвокатом Б. услуги произвел Коллегии адвокатов адвокатской палаты Курской области ежемесячную оплату в твердой денежной сумме на общую сумму 185 000 руб., а также в размере 42 000 руб., признал, что доказательств оказания ему услуг на эти суммы не представлено.

Апелляционным постановлением Курского областного суда от 1 июня 2020 г. постановление Ленинского районного суда г. Курска от 23 декабря 2019 г. о частичном удовлетворении ходатайства реабилитированного М. о возмещении расходов, связанных с оплатой юридических услуг, оставлено без изменения.

М. обратился в Конституционный Суд Российской Федерации² с жалобой, в которой оспаривал, в частности, конституционность положений пункта 4 части 1 статьи 135 УПК РФ, полагая, что данная норма позволяет суду при рассмотрении вопроса о возмещении реабилитированному лицу имущественного вреда уменьшать сумму такого возмещения – вопреки доказанному в судебном заседании размеру действительно понесенных этим лицом расходов на оплату юридических услуг, а также в отсутствие доказательств, подтверждающих выводы о необходимости снижения заявленного реабилитированным лицом размера возмещения.

23 сентября 2021 г. Конституционный Суд вынес постановление № 41-П, в котором признал пункт 4 части 1 статьи 135 УПК РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации, указав, что эта норма, предусматривая возмещение реабилитированному имущественного вреда с отнесением к его составу сумм, выплаченных за оказание реабилитированному юридической помощи, не предполагает отказа лицу, пострадавшему от незаконного или необоснованного уголовного преследования, в полном возмещении расходов на оплату полученной им юридической помощи адвоката, если не доказано, что часть расходов, предъявленных к возмещению, обусловлена явно иными обстоятельствами, нежели получение такой помощи непосредственно в связи с защитой реабилитированного от уголовного преследования, и при этом добросовестность его требований о таком возмещении не опровергнута.

---

² Далее – Конституционный Суд.

19 октября 2021 г. Конституционный Суд вынес определение № 2128-О по жалобе гражданина М., в соответствии с которым для разрешения жалобы заявителя в части оспаривания конституционности пункта 4 части 1 статьи 135 УПК РФ не требуется вынесения предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления, поскольку данный вопрос был разрешен в постановлении Конституционного Суда от 23 сентября 2021 г. № 41-П.

При этом Конституционный Суд подчеркнул, что постановление от 23 сентября 2021 г. № 41-П, а значит, и выраженные в нем правовые позиции и выводы сохраняют свою силу. Выявленный в нем конституционно-правовой смысл положений пункта 4 части 1 статьи 135 УПК РФ имеет общеобязательное значение, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

Относительно содержания правовых позиций, выраженных в этом постановлении применительно к пункту 4 части 1 статьи 135 УПК РФ, Конституционный Суд отметил, в частности, что высокая стоимость помощи, полученной от адвоката, не может как таковая быть поводом к сокращению объема прав реабилитированного на возмещение причиненного ему вреда, конституционно гарантированное каждому потерпевшему от незаконного привлечения к уголовной ответственности. Незаконное или необоснованное уголовное преследование само по себе может мешать потерпевшему быть осмотрительным и умеренным в расходах на оплату юридической помощи, а потому значительные затраты на услуги адвоката при защите конституционных прав и ценностей от такого преследования нельзя считать беспочвенными. Нельзя считать правильным и снижение размера возмещения, присуждаемого реабилитированному, на том основании, что он вместо отдельных услуг ежемесячно или поквартально оплачивал серией платежей длительно получаемую юридическую помощь. Несправедливо также снижение суммы возмещаемых затрат до размеров, которые представляются достаточными представителям причинителя вреда, особенно после реабилитации лица, пострадавшего от неправомерного уголовного преследования. Расходы, на которые лицо решается в обстановке такого преследования, нельзя считать безосновательными даже при некотором их превышении над средними, например, величинами адвокатского вознаграждения по месту ведения уголовного дела.

Поскольку Конституционный Суд указал, что правоприменительные решения по делу М., основанные на положениях пункта 4 части 1 статьи 135 УПК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в постановлении от 23 сентября 2021 г. № 41-П, подлежат пересмотру в установленном порядке, то Президиум Верховного Суда возобновил производство по делу по ходатайству М. о возмещении вреда реабилитированному ввиду новых обстоятельств, постановление Ленинского районного суда г. Курска от 23 декабря 2019 г. и апелляционное

постановление Курского областного суда от 1 июня 2020 г. в отношении М. отменил и передал дело в тот же суд для производства нового судебного разбирательства в порядке статьи 399 УПК РФ.

*Постановление Президиума Верховного Суда
№ 162-П22*

2. Наказание по части 4 статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации с учетом положений части 1 статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации не может превышать 5 лет 4 месяцев лишения свободы.

По приговору Верховного Суда Республики Дагестан от 14 августа 2014 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Д., судимый 23 апреля 2010 г. по пункту «в» части 2 статьи 158, пункту «а» части 3 статьи 158 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком на 2 года, осужден: по части 4 статьи 222 УК РФ к 200 часам обязательных работ в местах, определяемых органом местного самоуправления, на основании пункта 3 части 1 статьи 24, части 8 статьи 302 УПК РФ Д. от этого наказания освобожден, уголовное преследование в отношении его прекращено в связи с истечением срока давности; по части 3 статьи 30, пункту «б» части 4 статьи 158 УК РФ к лишению свободы на 3 года со штрафом в размере 50 000 руб. с ограничением свободы на 6 месяцев, с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по пунктам «а», «в» части 2 статьи 158 УК РФ к лишению свободы сроком на 2 года с ограничением свободы на 6 месяцев, с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по пункту «а» части 3 статьи 226 УК РФ к лишению свободы сроком на 5 лет со штрафом в размере 25 000 руб. с ограничением свободы на 6 месяцев, с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по пункту «в» части 4 статьи 162 УК РФ к лишению свободы сроком на 9 лет со штрафом в размере 60 000 руб. с ограничением свободы на 1 год, с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по пунктам «ж», «з» части 2 статьи 105 УК РФ к лишению свободы сроком на 14 лет с ограничением свободы на 1 год, с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по части 4 статьи 150 УК РФ к лишению свободы сроком на 6 лет с ограничением свободы на 6 месяцев, с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре.

На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Д. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 17 лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 100 000 руб. с ограничением свободы

на 2 года, с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре.

В соответствии с частью 5 статьи 74 УК РФ условное осуждение Д. по приговору от 23 апреля 2010 г. отменено, на основании статьи 70 УК РФ к назначенному лишению свободы присоединен 1 год лишения свободы и определено 18 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 100 000 руб. с ограничением свободы на 2 года, с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда от 4 декабря 2014 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе адвокат А. ссылаясь на суровость назначенного Д. наказания, полагая, что судом не в полной мере учтено в качестве смягчающего наказание обстоятельства активное способствование раскрытию и расследованию преступления, а также влияние наказания на условия жизни семьи – наличие матери, страдающей различными заболеваниями. Просил изменить приговор и апелляционное определение и смягчить наказание.

Президиум Верховного Суда 1 марта 2023 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе, изменил обжалуемые судебные решения в отношении Д. по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела усматривается, что суд первой инстанции обстоятельством, смягчающим наказание Д. по всем преступлениям, за которые он осужден, в том числе и по преступлению, предусмотренному частью 4 статьи 150 УК РФ, признал активное способствование следствию в раскрытии, расследовании преступлений и изобличении соучастника.

Обстоятельств, отягчающих наказание Д., судом не установлено.

Согласно положениям части 1 статьи 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» части 1 статьи 61 УК РФ (к которым относится активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию соучастников), и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Таким образом, Д. за преступление, предусмотренное частью 4 статьи 150 УК РФ, с учетом положений части 1 статьи 62 УК РФ могло быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет 4 месяца.

Между тем по приговору суда Д. назначено наказание в виде 6 лет лишения свободы, что превышает установленные законом пределы.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда указанное нарушение уголовного закона устранено не было.

В связи с изложенным Президиум Верховного Суда приговор и апелляционное определение в отношении Д. изменил, назначенное наказание по части 4 статьи 150 УК РФ смягчил до 5 лет 3 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 6 месяцев.

На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 30, пунктом «б» части 4 статьи 158, пунктами «а», «в» части 2 статьи 158, пунктом «а» части 3 статьи 226, пунктом «в» части 4 статьи 162, пунктами «ж», «з» части 2 статьи 105, частью 4 статьи 150 УК РФ, путем частичного сложения наказаний Д. назначено 16 лет 10 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 2 года, со штрафом в размере 100 000 руб., с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений и обязанности, указанных в постановлении.

В соответствии со статьей 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по приговору от 23 апреля 2010 г. Д. назначено 17 лет 9 месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы сроком на 2 года, со штрафом в размере 100 000 руб., с установлением в соответствии со статьей 53 УК РФ ограничений и обязанности, указанных в постановлении.

*Постановление Президиума Верховного Суда
№ 151-П22*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

3. Использование одним из собственников общего имущества многоквартирного дома (в том числе фасада здания для размещения наружного блока кондиционера) осуществляется в соответствии с решением общего собрания собственников помещений этого дома.

Управляющая компания обратилась в суд с иском к К. о возложении обязанности демонтировать наружный блок кондиционера, установленный на фасаде многоквартирного дома с внешней стороны принадлежащей ответчику квартиры, и восстановить после демонтажных работ целостность фасада многоквартирного дома с приведением его в первоначальное состояние в соответствии с конструкцией и цветом фасада.

Удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что отсутствие согласования размещения внешнего блока кондиционера на фасаде здания с собственниками помещений в многоквартирном доме является нарушением требований действующего законодательства и прав собственников, соответствующие действия ответчика по размещению блока кондиционера препятствуют исполнению обязанностей истца как управляющей организации, ответственной за содержание общего имущества дома, по соблюдению правил содержания и ремонта жилых домов.

Отменяя определение суда апелляционной инстанции и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, кассационный суд общей юрисдикции указал, что на установку кондиционеров не требуется получения соответствующих разрешений компетентных органов, при этом сам по себе факт размещения ответчиком кондиционера на карнизе фасада здания не означает осуществление им действий, затрудняющих реализацию прав владения, пользования и в установленных законодательством пределах распоряжения собственниками помещений общим имуществом в многоквартирном доме или препятствующих этому, поскольку в результате такой установки общее имущество жильцов жилого дома не уменьшилось, а иные негативные последствия в виде повышенного шума, вибрации и прочего не установлены, в связи с чем вывод суда о том, что фасад здания относится к общему имуществу собственников помещений в многоквартирном доме и поэтому установка наружного блока кондиционера может осуществляться только при наличии согласия собственников, не может быть принят во внимание.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала вывод суда кассационной инстанции не соответствующим нормам права в связи со следующим.

Согласно пункту 1 статьи 246 ГК РФ распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников.

В соответствии с пунктом 1 статьи 290 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) собственникам квартир в многоквартирном доме принадлежат на праве общей долевой собственности общие помещения дома, несущие конструкции дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование за пределами или внутри квартиры, обслуживающее более одной квартиры.

В силу пункта 3 части 1 статьи 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, а именно: крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и другое оборудование (в том числе конструкции и (или) иное оборудование, предназначенные

для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к помещениям в многоквартирном доме), находящееся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения.

При рассмотрении данного дела судами был установлен факт размещения ответчиком внешнего блока кондиционера на фасаде (карнизе фасада) многоквартирного жилого дома, являющемся его ограждающей конструкцией и в силу приведенных норм закона относящемся к общему имуществу собственников помещений в этом доме.

Частью 4 статьи 36 ЖК РФ закреплено, что по решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании таких собственников, объекты общего имущества в многоквартирном доме могут быть переданы в пользование иным лицам в случае, если это не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц.

Согласно правовой позиции, изложенной в пункте 39 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного Президиумом Верховного Суда 4 декабря 2013 г., лицо, обладающее равными с другими собственниками правами владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом многоквартирного дома, вправе реализовать данное право лишь в случае достижения соглашения между всеми участниками долевой собственности.

Органом управления многоквартирного дома, к компетенции которого относится принятие решений о пользовании общим имуществом собственников помещений в этом доме, является общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме (часть 1 и пункт 3 части 2 статьи 44 ЖК РФ).

Таким образом, действия собственника помещения в многоквартирном доме, выражающиеся в несоблюдении установленного порядка пользования общим имуществом и в размещении на общем имуществе многоквартирного дома личного оборудования без соответствующего на то решения общего собрания собственников помещений в доме, противоречат приведенным требованиям закона и подлежат признанию нарушающими права общей долевой собственности, принадлежащие всем собственникам помещений в многоквартирном доме, что не было учтено судом кассационной инстанции.

С учетом изложенного Судебная коллегия отменила кассационное определение и направила дело на новое рассмотрение в кассационный суд общей юрисдикции.

Определение № 5-КГ22-150-К2

4. Условие договора управления многоквартирным домом о размере платы за ремонт (содержание) общего имущества должно соответствовать решению, принятому на общем собрании собственников помещений в этом доме.

Н. обратился в суд с иском к управляющей компании о признании незаконными действий по применению в одностороннем порядке размера платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме, установленного органом местного самоуправления, возложении обязанности производить начисления платы за содержание жилого помещения с 16 сентября 2020 г. в соответствии с решением внеочередного общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, оформленным протоколом от 21 сентября 2020 г., в размере 13 руб. 44 коп. за 1 кв.м до принятия собственниками соответствующего решения в порядке, установленном действующим законодательством.

В обоснование требований истец указал, что является собственником $\frac{1}{2}$ доли в праве собственности на квартиру, расположенную в многоквартирном доме, управление которым осуществляет ответчик. Несмотря на имеющееся решение внеочередного общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, которым с 16 сентября 2020 г. утвержден размер платы за содержание жилого помещения в размере 13 руб. 44 коп. за 1 кв.м, ответчик незаконно, по мнению истца, применяет тариф, утвержденный постановлением местной администрации от 15 июня 2020 г., в размере 20 руб. 87 коп. за 1 кв.м.

Удовлетворяя исковые требования Н., суд первой инстанции указал на то, что в случае, когда собственниками помещений в многоквартирном доме принято решение об установлении ставки платы за содержание и ремонт жилого помещения, применению подлежит ставка, утвержденная решением общего собрания собственников. Применение ставки платы за ремонт и содержание жилья, установленной органом местного самоуправления, возможно только в том случае, если на состоявшемся общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме решение об установлении размера такого платежа не принято.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что размер платы за содержание общего имущества многоквартирного дома и перечень работ, выполняемых в целях надлежащего содержания общего имущества многоквартирного дома, являются существенными условиями договора управления. Полагая, что решение об установлении платы за содержание и ремонт жилого помещения в меньшем размере, чем предусмотрено договором управления, принято общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме без учета обстоятельств, способных повлиять на объем и качество работ в целях поддержания многоквартирного дома в надлежащем техническом состоянии, что противоречит существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, а также посягает на публичные интересы – интересы неопределенного круга лиц по обеспечению безопасности жизни и здоровья граждан, проживающих в многоквартирном

доме, суд счел, что имеются основания для признания данного решения в части ничтожным в силу положений пункта 2 статьи 168 ГК РФ.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно указав, что существенное отличие размера платы, установленного решением общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, от размера платы, определенного органом местного самоуправления (более чем на 35%), подтверждает невозможность содержания и ремонта общего имущества дома в соответствии с установленными требованиями при внесении платы по тарифу, утвержденному собственниками, и, как следствие, причинение убытков управляющей организации, которая в силу закона обязана обеспечить надлежащее оказание услуг по содержанию общего имущества дома.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда не согласилась с постановлениями суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции по следующим основаниям.

В соответствии со статьей 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

Как следует из части 1 статьи 39 ЖК РФ, собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме. Доля обязательных расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, бремя которых несет собственник помещения в таком доме, определяется долей в праве общей собственности на общее имущество в таком доме указанного собственника (часть 2 статьи 39 ЖК РФ).

Плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя плату за содержание жилого помещения, в том числе плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме (часть 2 статьи 154 ЖК РФ).

Согласно части 7 статьи 156 ЖК РФ размер платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме, в котором не созданы товарищество собственников жилья либо жилищный кооператив или иной специализированный потребительский кооператив, определяется на общем собрании собственников помещений в таком доме. Размер платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме определяется с учетом предложений управляющей организации и устанавливается на срок не менее чем один год.

В пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в

многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» разъяснено, что управляющая организация не вправе в одностороннем порядке изменять порядок определения размера платы за содержание жилого помещения и начислять плату за содержание жилого помещения в размере, превышающем размер такой платы, определенный в соответствии с заключенным договором управления многоквартирным домом (часть 7 статьи 156, части 1, 2, 3 и 8 статьи 162 ЖК РФ, пункт 1 статьи 310, пункт 1 статьи 432, статьи 450–453 ГК РФ).

Поскольку порядок определения и размер платы за содержание общего имущества дома, а также перечень работ, выполняемых в целях надлежащего содержания общего имущества многоквартирного дома, являются условиями договора управления (статья 162 ЖК РФ), при этом изменение условий договора управления о размере платы за содержание общего имущества возможно исключительно по решению общего собрания собственников помещений дома, то условие договора управления о размере платы за содержание общего имущества должно соответствовать решению, принятому на собрании собственников дома. В ином случае оно может быть оспорено по правилам недействительности сделок (статья 168, пункт 1 статьи 181³, статья 181⁵ ГК РФ).

Между тем управляющая компания данным правом не воспользовалась, решение внеочередного общего собрания собственников помещений многоквартирного дома, оформленное протоколом от 21 сентября 2020 г., управляющей организацией в установленном законом порядке обжаловано не было. Управляющей компанией по данному спору сделано заявление о ничтожности решения собрания в части. При этом бремя доказывания ничтожности принятого решения, включая экономическое обоснование правомерности принятых общим собранием тарифов, суды ошибочно возложили на собственников многоквартирного дома.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила состоявшееся по делу постановления суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 45-КГ23-2-К7

5. Поскольку абонентские почтовые ящики относятся к общему имуществу многоквартирного дома, такое имущество подлежит содержанию управляющей организацией в надлежащем техническом состоянии, обеспечивающем выполнение им основного назначения.

Б. обратился в суд с иском к муниципальному унитарному предприятию (далее – МУП), органу жилищно-коммунального хозяйства, региональному оператору капитального ремонта многоквартирных домов о возложении обязанности по выполнению работ по текущему и капитальному ремонту, указав, что является собственником квартиры, расположенной в многоквартирном доме, который нуждается в текущем и капитальном

ремонте. С 2016 года многоквартирный дом находится на обслуживании МУП, не выполняющим свои обязанности по надлежащему содержанию и ремонту жилого дома. В связи с этим Б. просил возложить на МУП обязанность провести текущий ремонт общего имущества многоквартирного жилого дома за счет денежных средств, поступивших от собственников помещений жилого дома в качестве платы за содержание жилья, в том числе заменить существующие почтовые ящики на новые современные и функциональные ящики.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования удовлетворены частично.

Отказывая в удовлетворении требований Б. в части возложения на МУП обязанности по выполнению работ по замене почтовых ящиков, суд, ссылаясь на условия договора управления многоквартирным домом, на минимальный перечень услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2013 г. № 290, пришел к выводу о том, что абонентские почтовые ящики не входят в состав общего имущества, в связи с чем их обслуживание, содержание, ремонт и замена возможны только в качестве дополнительной услуги, которая должна быть включена в договор управления.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала обжалуемые судебные постановления в части отказа Б. в удовлетворении требований о возложении на управляющую организацию обязанности по выполнению работ по замене почтовых ящиков ошибочными, дело в этой части направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Из системного толкования положений частей 1, 1¹ и 2³ статьи 161, пункта 2 статьи 162 ЖК РФ следует, что требования, которые предъявляются к выполнению работ по управлению и техническому обслуживанию дома, все текущие и неотложные работы и услуги в отношении общего имущества многоквартирного дома считаются предусмотренными в договоре в силу правил содержания дома как объекта недвижимости и должны осуществляться управляющими компаниями независимо от того, упоминаются ли в договоре соответствующие конкретные работы и услуги.

Согласно части 1 статьи 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в частности помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения

в данном доме оборудование (технические подвалы), крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения.

Правительство Российской Федерации во исполнение полномочий, возложенных на него частью 3 статьи 39 и частью 1² статьи 161 ЖК РФ, постановлением от 13 августа 2006 г. № 491 утвердило Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме, регулирующие отношения по содержанию общего имущества, принадлежащего на праве общей долевой собственности собственникам помещений в многоквартирном доме.

В силу подпунктов «д» и «ж» пункта 2 данных правил в состав общего имущества включается не только механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в многоквартирном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного жилого и (или) нежилого помещения (квартиры), но и иные объекты, предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства многоквартирного дома. При этом указанный перечень общего имущества не является исчерпывающим.

Во исполнение пункта 3 указанных правил в целях обеспечения благоприятных и безопасных условий проживания граждан, надлежащего содержания и пользования общим имуществом многоквартирного дома, а также обеспечения контроля за состоянием указанного имущества приказом Минрегиона России от 1 июня 2007 г. № 45 утверждено положение о разработке, передаче, пользовании и хранении инструкции по эксплуатации многоквартирного дома.

Согласно подразделу 3.15 Рекомендаций по содержанию и ремонту иных объектов общего имущества в многоквартирном доме, являющихся приложением к указанному положению, в нем содержатся рекомендации по содержанию и ремонту абонентских почтовых шкафов как объектов общедомового имущества.

В статье 2 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» предусмотрено, что под абонентским почтовым шкафом понимается специальный шкаф с запирающимися ячейками, устанавливаемый в жилых домах, а также на доставочных участках, предназначенный для получения адресатами почтовых отправлений.

Абонентские почтовые шкафы устанавливаются строительными организациями на первых этажах многоэтажных жилых домов. Расходы на приобретение и установку абонентских почтовых шкафов включаются в смету строительства этих домов. Обслуживание, ремонт и замена абонентских почтовых шкафов возлагаются на собственников жилых домов или жилищно-эксплуатационные организации, которые обеспечивают сохранность жилых домов и надлежащее их использование,

и осуществляются за счет собственников жилых домов (статья 31 названного федерального закона).

Таким образом, действующее законодательство предусматривает обязательное установление на первых этажах многоквартирных жилых домов абонентских почтовых шкафов, которые являются общим имуществом многоквартирного дома в силу требований части 1 статьи 36 ЖК РФ, подпункта «д» пункта 2 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491.

Поскольку абонентские почтовые ящики относятся к общему имуществу многоквартирного дома, такое имущество подлежит содержанию управляющей организацией в надлежащем техническом состоянии, обеспечивающем выполнение им основного назначения.

При ненадлежащем состоянии абонентского почтового шкафа в подъезде многоквартирного дома он подлежит восстановлению (ремонту либо замене) управляющей организацией в счет установленной платы за содержание жилых помещений, вносимой собственниками помещений в многоквартирном доме.

Определение состава общего имущества многоквартирного дома регулируется федеральным законодательством. Отсутствие в договоре управления многоквартирным домом упоминания в составе общего имущества абонентского почтового шкафа не освобождает управляющую организацию от обязанности по восстановлению (ремонту либо замене) почтовых ящиков в случае их ненадлежащего технического состояния.

Определение № 51-КГ23-3-К8

Разрешение споров, возникающих из договорных и внедоговорных отношений

6. Предмет агентского договора может быть определен сторонами как путем перечисления конкретных действий, которые принципал поручает совершить агенту, так и путем передачи агенту общих полномочий на совершение юридических или фактических действий.

З. (принципал) обратился в суд с иском к Б. (агент) о признании агентских договоров незаключенными, указав, что его доверенным лицом, действовавшим на основании нотариально удостоверенной доверенности, от имени З. были подписаны агентские договоры с ответчиком, согласно которым последний принял на себя обязательство совершить от имени и за счет З. фактические действия, способствующие заключению им договоров купли-продажи движимого имущества, объектов недвижимого имущества и земельного участка, принадлежащих истцу на праве собственности.

О существовании агентских договоров истец узнал после того, как Б. обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований

кредиторов должника 3. требований ответчика о взыскании агентского вознаграждения.

По мнению истца, договоры не являются заключенными, поскольку их стороны не пришли к соглашению по всем существенным условиям, а именно в них отсутствует указание на то, какие конкретные действия должен совершить агент, договоры и приложения к ним содержат одинаковый перечень имущества, при этом указание на движимое имущество с его наименованием и другими идентифицирующими признаками отсутствует, определена только единая цена продажи всего имущества, кроме того, на земельном участке расположено недвижимое имущество, не отраженное в агентских договорах (гараж на пять автомобилей и дымовая труба), тогда как земельный участок в силу действующего законодательства не может быть продан без расположенных на нем объектов недвижимости.

Удовлетворяя требования 3., суд первой инстанции с учетом положений статей 432, 1005, 1006 ГК РФ исходил из того, что предмет спорных агентских договоров не определен: не указано, какие конкретные фактические действия должен совершить агент в рамках исполнения своих обязанностей по договорам, какие полученные от принципала документы должен возвратить.

С выводами суда первой инстанции и их обоснованием согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с существенными нарушениями норм права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пленум Верховного Суда в пункте 1 постановления от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» разъяснил, что договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (пункт 3 статьи 154 и пункт 1 статьи 432 ГК РФ). Соглашение сторон может быть достигнуто путем принятия (акцепта) одной стороной предложения заключить договор (оферты) другой стороны (пункт 2 статьи 432 ГК РФ), путем совместной разработки и согласования условий договора в переговорах, иным способом, например, договор считается заключенным и в том случае, когда из поведения сторон явствует их воля на заключение договора (пункт 2 статьи 158, пункт 3 статьи 432 ГК РФ).

Существенными условиями, которые должны быть согласованы сторонами при заключении договора, являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах существенными или необходимыми для договоров данного вида (например, условия, указанные в статьях 555 и 942 ГК РФ).

Существенными также являются все условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение

(абзац второй пункта 1 статьи 432 ГК РФ), даже если такое условие восполнялось бы диспозитивной нормой (пункт 2 названного выше постановления Пленума Верховного Суда).

По смыслу пункта 1 статьи 1005 ГК РФ предметом агентского договора является совершение агентом за вознаграждение по поручению другой стороны (принципала) юридических и фактических действий от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала.

В случаях, когда в агентском договоре, заключенном в письменной форме, предусмотрены общие полномочия агента на совершение сделок от имени принципала, последний в отношениях с третьими лицами не вправе ссылаться на отсутствие у агента надлежащих полномочий, если не докажет, что третье лицо знало или должно было знать об ограничении полномочий агента (пункт 2 статьи 1005 ГК РФ).

С учетом указанных правовых норм, принципал вправе поручить агенту осуществление любых действий, которые могут быть определены договором, как путем полного перечисления поручаемых действий, так и с передачей агенту общих полномочий, учитывая, что в момент заключения договора не всегда возможно определить конкретный характер возможных действий.

Положения главы 52 «Агентирование» ГК РФ не содержат императивных предписаний, устанавливающих обязательное перечисление в агентском договоре поручаемых агенту конкретных действий.

По данному делу предмет агентских договоров определен сторонами как совершение агентом от имени и за счет принципала за вознаграждение фактических действий, способствующих заключению принципалом договоров купли-продажи движимого имущества, объектов недвижимого имущества и земельного участка под объектами недвижимого имущества, принадлежащих З. на праве собственности. В приложениях к договорам указан перечень движимого имущества, объектов недвижимого имущества и земельного участка под объектами недвижимого имущества, состоящий из 37 пунктов, движимое имущество обозначено как оборудование, расположенное в объектах недвижимости и на земельном участке.

При этом из установленных судами обстоятельств не следует, что сторона принципала заявляла о необходимости конкретизировать перечень действий, поручаемых агенту.

При таких обстоятельствах вывод суда о незаключенности агентского договора является ошибочным.

Кроме того, судами не обсуждался вопрос, какой из сторон были подготовлены проекты агентских договоров. Не высказали судебные инстанции свою позицию и относительно того, предусматривали ли исследуемые договоры совершение агентом также юридических действий, а если нет, то могли ли данные договоры по совершению исключительно фактических действий являться именно агентскими договорами, с учетом

того, что по смыслу статьи 1005 ГК РФ фактические действия агента носят вспомогательный характер.

С учетом изложенного вывод суда о том, что стороны не согласовали существенные условия агентских договоров, признан Судебной коллегией не соответствующим приведенным нормам права, разъяснениям Пленума Верховного Суда и установленным по делу обстоятельствам.

Определение № 4-КГ22-57-К1

7. При определении начала течения срока исковой давности следует исходить из того, что действия ответчика по признанию долга, которые прерывают течение срока исковой давности, должны быть ясными и недвусмысленными. Уплата обязанным лицом какой-либо суммы, относящейся к предполагаемому долгу, по умолчанию не означает признание им остальной части долга.

А. обратилась в суд с иском к супругам Б.В. и Б.П. о взыскании уплаченного ответчикам аванса, процентов за пользование чужими денежными средствами и возмещении убытков, указав, что 3 августа 2014 г. между ней и Б.В. заключен предварительный договор купли-продажи гаража и земельного участка.

Основной договор купли-продажи по условиям предварительного договора должен быть заключен до 1 мая 2016 г. После подписания предварительного договора купли-продажи указанных объектов истец ежемесячно выплачивала ответчикам сумму, эквивалентную 1000 долларов США, и по состоянию на март 2015 г. выплатила сумму, эквивалентную 8000 долларов США.

Впоследствии истец сообщила ответчикам об отсутствии финансовой возможности выплатить оставшуюся часть цены и попросила вернуть уплаченные ранее денежные средства. Б.В. указала, что переданные денежные средства потрачены, вернуть их она не имеет возможности, и предложила возратить сумму аванса после продажи недвижимости третьему лицу.

8 апреля 2020 г. истцу стало известно, что ответчики продали земельный участок и гараж третьему лицу, однако деньги ей не возвратили.

9 июня 2020 г. истец направила ответчикам претензию о возврате денежных средств.

7 октября 2020 г. ответчики возвратили истцу только часть аванса и возместили расходы истца на устройство канализации.

Разрешая спор, суд первой инстанции, руководствуясь положениями статей 395, 1102 и 1107 ГК РФ, установив, что 7 октября 2020 г. ответчиками истцу переведено 480 291,14 руб. с указанием назначения платежа – частичный возврат долга по предварительному договору купли-продажи от 3 августа 2014 г. и компенсация расходов на проект канализации и работы

по ее устройству, пришел к выводу о наличии оснований для частичного удовлетворения иска.

Довод ответчиков о пропуске срока исковой давности судом отклонен со ссылкой на то, что при наличии соглашения о возврате аванса после продажи имущества третьему лицу о нарушении своего права истец могла узнать не ранее марта 2020 года – с момента продажи ответчиками объектов недвижимости третьему лицу.

Судом апелляционной инстанции такие выводы относительно срока исковой давности признаны правильными.

Кассационный суд посчитал выводы судов об исковой давности ошибочными, сославшись на то, что А. является стороной предварительного договора от 3 августа 2014 г., приняла на себя обязательства внести по нему оплату до 1 мая 2016 г. и согласовала условие о заключении основного договора в срок до этой даты, в связи с чем о нарушении своего права должна была знать с 1 мая 2016 г., а в суд с иском обратилась 8 июля 2020 г.

Определив начало течения исковой давности таким образом, кассационный суд общей юрисдикции указал, что уплата ответчиками 7 октября 2020 г. части долга не могла являться основанием для перерыва течения срока исковой давности по другой части долга и другим платежам, требования о взыскании которых заявлены истцом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда, не согласившись с выводами кассационного суда общей юрисдикции о начале течения срока исковой давности по требованиям о возврате уплаченных А. денежных средств, отменила кассационное определение и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с пунктом 1 статьи 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Пунктом 1 статьи 450 названного кодекса установлено, что изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено данным кодексом, другими законами или договором.

Исследовав и оценив доказательства, суд первой инстанции установил, что соглашением сторон обязанности по предварительному договору от 3 августа 2014 г. были прекращены, при этом стороны согласовали возврат уплаченных истцом денежных сумм после продажи ответчиками имущества третьим лицам за счет полученных от продажи денежных средств.

Применяя положения пункта 1 статьи 200 ГК РФ, суд первой инстанции исчислял срок исковой давности с того момента, когда истцу стало или должно было стать известно о нарушении ответчиками этого соглашения.

Кроме того, из разъяснений, данных в пункте 20 постановления Пленума Верховного Суда от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской

Федерации об исковой давности», следует, что течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга.

К действиям, свидетельствующим о признании долга, в целях прерыва течения срока исковой давности, в частности, могут относиться: признание претензии; изменение договора уполномоченным лицом, из которого следует, что должник признает наличие долга, равно как и просьба должника о таком изменении договора (например, об отсрочке или о рассрочке платежа); акт сверки взаимных расчетов, подписанный уполномоченным лицом. Ответ на претензию, не содержащий указания на признание долга, сам по себе не свидетельствует о признании долга. Признание части долга, в том числе путем уплаты его части, не свидетельствует о признании долга в целом, если иное не оговорено должником.

Из приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда следует, что в случае признания ответчиком долга срок исковой давности прерывается и начинает течь заново, поскольку истец, добросовестно полагаясь на такое признание, вправе, не обращаясь в суд, ожидать исполнения ответчиком своих обязанностей.

В силу этого действия ответчика по признанию долга должны быть ясными и недвусмысленными. Молчание ответчика или его бездействие не могут считаться признанием долга.

Из этого же следует, что уплата ответчиком какой-либо суммы, относящейся к предполагаемому долгу, по умолчанию не означает признание им остальной части долга.

Вместе с тем, уплачивая часть долга, ответчик может заявить об отсутствии у него долговых обязательств в остальной части либо, напротив, совершить действия по признанию и остальной части долга.

Установление факта признания остальной части долга или отсутствия такого признания относится к исследованию и оценке доказательств, а также к установлению фактических обстоятельств дела.

Исследовав и оценив доказательства, в частности объяснения Б., данные ею сотрудникам полиции, а также указание о назначении платежа в размере 480 291,14 руб. как частичной уплаты долга, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, посчитал факт признания ответчиками остальной части долга установленным.

Данные обстоятельства кассационный суд общей юрисдикции не учел, в связи с чем неправильно применил положения норм материального права об исковой давности и разъяснения Пленума Верховного Суда.

Определение № 127-КГ23-1-К4

8. Нормы гражданского законодательства о неосновательном обогащении не подлежат применению к регулируемым специальными нормами отношениям между участниками долевой собственности по владению и пользованию земельными участками.

20 апреля 2020 г. П. с соистцами обратились в суд с иском к обществу о взыскании неосновательного обогащения в размере стоимости арендной платы за землю и процентов за пользование чужими денежными средствами, ссылаясь на то, что истцам принадлежат 313/696 доли в праве общей долевой собственности на 28 земельных участков сельскохозяйственного назначения, а ответчику – остальные доли в праве собственности на эти участки. Ответчик длительное время использовал эти земельные участки в своей хозяйственной деятельности, на что истцы согласия не давали, при этом договор аренды сторонами не заключался, плата за землю не вносилась.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции сослался на то, что общество (ответчик), являясь сельскохозяйственной организацией и участником долевой собственности на спорные земельные участки, пользовалось ими в соответствии с разрешенным видом их использования. Также суд исходил из отсутствия доказательств как получения ответчиком прибыли от использования общего имущества, так и несения истцами каких-либо расходов по его содержанию, кроме того, суд указал на то, что соглашение о пользовании земельными участками, находящимися в долевой собственности, сторонами не достигнуто.

Отменяя решение суда первой инстанции и частично удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции пришел к выводам о том, что общество пользовалось земельными участками истцов в отсутствие соответствующего решения общего собрания участников долевой собственности, а потому с ответчика в пользу истцов подлежит взысканию неосновательное обогащение в размере арендной платы, определенной экспертным путем.

При этом суд апелляционной инстанции сослался на то, что отсутствие раздела или выделения земельных участков в счет земельных долей не является основанием для безвозмездного пользования ответчиком имуществом истцов. Суд апелляционной инстанции также исходил из того, что при определении размера неосновательного обогащения не учитываются расходы ответчика на содержание общего имущества.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций ошибочными.

Согласно пункту 1 статьи 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 этого же кодекса.

Между тем по данному делу истцами заявлено требование о взыскании с ответчика неосновательного обогащения, которое определено как доход, полученный последним посредством экономии арендной платы

за пользование земельными участками сельскохозяйственного назначения, находящимися в долевой собственности сторон.

Порядок владения и пользования имуществом, находящимся в долевой собственности, урегулирован положениями статьи 247 названного кодекса.

Согласно пункту 1 указанной статьи владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом.

Участник долевой собственности имеет право на предоставление в его владение и пользование части общего имущества, соразмерной его доле, а при невозможности этого вправе требовать от других участников, владеющих и пользующихся имуществом, приходящимся на его долю, соответствующей компенсации (пункт 2 статьи 247 ГК РФ).

Статьей 248 этого же кодекса предусмотрено, что плоды, продукция и доходы от использования имущества, находящегося в долевой собственности, поступают в состав общего имущества и распределяются между участниками долевой собственности соразмерно их долям, если иное не предусмотрено соглашением между ними.

Кроме того, статьей 249 ГК РФ предусмотрено, что каждый участник долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению.

Правоотношения сторон по владению и пользованию имуществом, находящимся в долевой собственности, прямо урегулированы нормами права, поэтому требования истцов о применении к спорным правоотношениям норм законодательства о неосновательном обогащении не основаны на законе.

Более того, пунктом 3 статьи 3 ЗК РФ предусмотрено, что имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами.

Оборот земель сельскохозяйственного назначения регулируется Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон об обороте сельскохозяйственных земель) (пункт 6 статьи 27 ЗК РФ).

В соответствии с пунктом 1 статьи 12 этого закона к сделкам, совершаемым с долями в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения, применяются правила ГК РФ. В случае, если число участников долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения превышает пять, правила ГК РФ применяются с учетом особенностей, установленных данной статьей, а также статьями 13 и 14 этого же закона.

Без выделения земельного участка в счет земельной доли такой участник долевой собственности по своему усмотрению вправе завещать свою земельную долю, отказаться от права собственности на земельную долю, внести ее в уставный (складочный) капитал сельскохозяйственной организации, использующей земельный участок, находящийся в долевой собственности, или передать свою земельную долю в доверительное управление либо продать или подарить ее другому участнику долевой собственности, а также сельскохозяйственной организации или гражданину – члену крестьянского (фермерского) хозяйства, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности. Участник долевой собственности вправе распорядиться земельной долей по своему усмотрению иным образом только после выделения земельного участка в счет земельной доли.

С учетом приведенных выше положений истцы, являясь участниками долевой собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения, не могли самостоятельно распорядиться спорными земельными участками путем передачи их в аренду без выделения соответствующих участков в счет земельных долей. До выделения земельных участков, если иное не предусмотрено соглашением между участниками долевой собственности, истцы имеют право на доходы (прибыль) от использования земли соразмерно их долям.

Таким образом, принадлежность земельных участков к землям сельскохозяйственного назначения предопределяет необходимость применения при разрешении данного спора положений ГК РФ о порядке владения и пользования имуществом, находящимся в общей долевой собственности, а также положений Закона об обороте сельскохозяйственных земель, что судом апелляционной инстанции не учтено.

Кассационный суд общей юрисдикции ошибки суда апелляционной инстанции в применении норм права не устранил.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 37-КГ22-4-К1

9. Сообщение произведения в эфир, переработка и использование произведения в составе сложного объекта являются самостоятельными способами использования результатов интеллектуальной деятельности.

П. и Р. обратились в суд с иском к федеральному телевизионному каналу (далее – телеканал) о запрете совершать действия по неправомерному использованию музыкального произведения, включая текст песни и музыкальное сопровождение, возложении обязанности прекратить неправомерное использование музыкального произведения путем удаления всех материалов, содержащих музыкальное произведение, в том числе

в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», взыскании в пользу каждого истца компенсации и судебной неустойки за каждый день просрочки исполнения обязанности прекратить неправомерное использование данного музыкального произведения.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу, что включение музыкальных произведений в состав телепередачи не является самостоятельным способом их использования. Сообщение музыкальных произведений в эфир в составе телепередачи подразумевает факт включения данных произведений в состав телепередачи, следовательно, разрешение на такое использование предоставляется в соответствии с договором с Российским авторским обществом (далее – РАО). Поскольку между телеканалом (вещатель) и РАО заключен лицензионный договор и спорное произведение из реестра РАО не исключено, то ответчик получил разрешение на его использование.

С учетом того, что ответчик приобрел права на телепередачу как результат интеллектуальной деятельности у общества (лицензиар) на основании лицензионного договора, суд отказал в удовлетворении исковых требований Р., предъявленных к телеканалу, поскольку последний является обладателем исключительных прав на телепередачу, автором (организатором) создания которой он (телеканал) не является, а потому в силу статьи 1240 ГК РФ не относится к субъектам нарушения авторских прав, допущенного при создании сложного объекта.

С такими выводами согласился суд апелляционной инстанции, дополнительно указав, что телеканал вправе получать разрешение на использование спорного музыкального произведения с выплатой вознаграждения через организацию по управлению правами на коллективной основе, получившую государственную аккредитацию на осуществление деятельности в этой сфере коллективного управления.

Кассационный суд общей юрисдикции решение суда и апелляционное определение оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда с выводами судебных инстанций не согласилась, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно пункту 1 статьи 1270 ГК РФ автору произведения или иному правообладателю принадлежит исключительное право использовать произведение в соответствии со статьей 1229 данного кодекса в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на произведение), в том числе способами, указанными в пункте 2 этой статьи. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на произведение.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1240 ГК РФ лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (кинофильма, иного

аудиовизуального произведения, театрально-зрелищного представления, мультимедийного продукта, базы данных), приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности.

Лицензионный договор, предусматривающий использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, заключается на весь срок и в отношении всей территории действия соответствующего исключительного права, если договором не предусмотрено иное.

Условия лицензионного договора, ограничивающие использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, недействительны (пункт 2 статьи 1240 ГК РФ).

При использовании результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта за автором такого результата сохраняются право авторства и другие личные неимущественные права на такой результат (пункт 3 статьи 1240 ГК РФ).

В силу пункта 1 статьи 1263 ГК РФ аудиовизуальным произведением является произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеofilмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации.

При публичном исполнении либо сообщении в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции, аудиовизуального произведения авторы музыкального произведения (с текстом или без текста), использованного в аудиовизуальном произведении, сохраняют право на вознаграждение за указанные виды использования их музыкального произведения (пункт 3 статьи 1263 ГК РФ).

Как разъяснено в пункте 113 постановления Пленума Верховного Суда от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», возможность организации эфирного или кабельного вещания самостоятельно определять содержание радио- и телепередач (статья 1329 ГК РФ) подразумевает самостоятельность такой организации в выборе предлагаемых ею программ, но не предполагает права этой организации свободно использовать произведения любым способом (в том числе путем переработки, использования в составе сложного объекта) и в любой форме без согласия правообладателя.

Сообщение произведения в эфир, переработка и использование произведения в составе сложного объекта являются самостоятельными способами использования произведения (статья 1270 ГК РФ) и требуют получения соответствующего разрешения у правообладателя.

Приведенные правовые нормы и разъяснения Пленума Верховного Суда предусматривают, что лицо, организовавшее создание сложного объекта (в том числе телепередачи) и/или распространяющее такой сложный объект, не освобождено от обязанности соблюдения требований статьи 1240 ГК РФ по заключению лицензионных договоров или договоров об отчуждении исключительного права с обладателями исключительного права на все результаты интеллектуальной деятельности, включенные в такой объект (телепередачу), несоблюдение которой является нарушением исключительного права правообладателя и служит основанием для привлечения нарушителя к предусмотренной законом ответственности.

Включение произведения в состав сложного объекта (телепередачи) при его создании предшествует последующему сообщению в эфир этой телепередачи, указанные этапы являются последовательными по отношению друг к другу и представляют собой самостоятельные способы использования результатов интеллектуальной деятельности.

В силу пункта 1 статьи 1244 ГК РФ организация по управлению правами на коллективной основе может получить государственную аккредитацию на осуществление деятельности в следующих сферах коллективного управления: 1) управление исключительными правами на обнародованные музыкальные произведения (с текстом или без текста) и отрывки музыкально-драматических произведений в отношении их публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции (подпункты 6–8¹ пункта 2 статьи 1270); 2) осуществление прав авторов музыкальных произведений (с текстом или без текста), использованных в аудиовизуальном произведении, на получение вознаграждения за публичное исполнение либо сообщение в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции, такого аудиовизуального произведения (пункт 3 статьи 1263).

Между тем при разрешении данного спора суды исходили из того, что имело место не публичное исполнение, сообщение в эфир или по кабелю музыкального произведения, а использование его при создании сложного объекта и последующее сообщение в эфир этого сложного объекта.

При таких обстоятельствах ссылка на положения статьи 1244 ГК РФ и на наличие лицензионного договора между телеканалом и РАО признана Судебной коллегией ошибочной.

Определение № 5-КГ22-117-К2

10. При разрешении вопроса о снижении размера неустойки на основании статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации суду необходимо учитывать, что неустойка должна стимулировать должника

к исполнению обязательства, делая его неисполнение невыгодным для должника, и что для отношений по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств законодателем в целях защиты прав потерпевших специально установлен повышенный размер неустойки.

К. в интересах несовершеннолетнего М. обратилась в суд с иском к Российскому Союзу Автостраховщиков (далее – РСА) о взыскании компенсационной выплаты, неустойки, штрафа и судебных расходов, ссылаясь на то, что 19 мая 2020 г. Н., управляя автомобилем, совершила наезд на пешехода – несовершеннолетнего М., 2014 года рождения, причинив ему тяжкий вред здоровью. Гражданская ответственность причинителя вреда по договору ОСАГО на момент происшествия застрахована не была.

Страховая организация, уполномоченная РСА на осуществление компенсационных выплат, отказала истцу в выплате, ссылаясь на недостаточность представленных документов.

В досудебном порядке требования истца ответчиком добровольно не удовлетворены.

Суд первой инстанции, исследовав и оценив доказательства, признал обращение истца в страховую компанию надлежащим, а отказ в компенсационной выплате незаконным, и взыскал с РСА в пользу К. компенсационную выплату в размере 75 000 руб. и неустойку за период с 16 сентября по 24 ноября 2020 г. в размере 52 500 руб., а также неустойку за период с 25 ноября 2020 г. по дату фактического исполнения решения суда в размере 1 % от компенсационной выплаты в 75 000 руб. за каждый день просрочки с учетом взысканной суммы неустойки 52 500 руб.

Кроме того, с РСА в пользу К. взысканы штраф и судебные расходы, а также взыскана государственная пошлина в бюджет городского округа.

Соглашаясь с выводами суда первой инстанции о незаконности отказа в компенсационной выплате и об обязанности ответчика уплатить неустойку по день фактического исполнения решения суда, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения статьи 333 ГК РФ, ограничил размер подлежащей уплате на будущее время неустойки пределом в 22 500 руб., в связи с чем изменил и размер взысканной с ответчика государственной пошлины.

С определением суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала выводы суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции об ограничении размера неустойки не соответствующими нормам действующего законодательства по следующим основаниям.

По смыслу положений статьи 309, пункта 1 статьи 329, пункта 1 статьи 330 ГК РФ неустойка как обеспечение исполнения обязательства

должна стимулировать должника к исполнению обязательства, делая его неисполнение невыгодным для него.

Если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку (пункт 1 статьи 333 названного кодекса).

Как разъяснено в пункте 85 постановления Пленума Верховного Суда от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», применение статьи 333 ГК РФ об уменьшении судом неустойки возможно лишь в исключительных случаях, когда подлежащие уплате неустойка, финансовая санкция и штраф явно несоразмерны последствиям нарушенного обязательства. Уменьшение неустойки, финансовой санкции и штрафа допускается только по заявлению ответчика. В решении должны указываться мотивы, по которым суд пришел к выводу, что уменьшение их размера является допустимым.

На основании подпункта «а» статьи 7 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) страховая сумма, в пределах которой страховщик при наступлении каждого страхового случая (независимо от их числа в течение срока действия договора обязательного страхования) обязуется возместить потерпевшим причиненный вред, составляет в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, 500 тыс. руб.

Согласно пункту 2 статьи 12 названного закона размер страховой выплаты в части возмещения необходимых расходов на восстановление здоровья потерпевшего определяется в соответствии с нормативами и в порядке, которые установлены Правительством Российской Федерации, в зависимости от характера и степени повреждения здоровья потерпевшего в пределах страховой суммы, установленной подпунктом «а» статьи 7 данного федерального закона.

В соответствии с пунктом 1 статьи 19 Закона об ОСАГО рассматривать требования о компенсационных выплатах, осуществлять компенсационные выплаты и реализовывать право требования, предусмотренное статьей 20 указанного закона, могут страховщики, действующие за счет профессионального объединения страховщиков на основании заключенных с ним договоров.

К отношениям между лицами, указанными в пункте 2 статьи 18 Закона об ОСАГО, и профессиональным объединением страховщиков по поводу компенсационных выплат по аналогии применяются правила, установленные законодательством Российской Федерации для отношений между выгодоприобретателем и страховщиком по договору обязательного страхования.

В силу пункта 2 статьи 19 Закона об ОСАГО компенсационные выплаты осуществляются в части возмещения вреда, причиненного жизни

или здоровью каждого потерпевшего, в размере не более 500 тыс. руб. с учетом требований пункта 7 статьи 12 данного закона.

За несоблюдение профессиональным объединением страховщиков срока осуществления компенсационной выплаты пунктом 4 статьи 19 Закона об ОСАГО установлена неустойка (пени) за каждый день просрочки в размере одного процента от определенного в соответствии с указанным законом размера компенсационной выплаты по виду причиненного вреда. При этом общий размер неустойки (пени), подлежащей выплате профессиональным объединением страховщиков, не может превышать определенный в соответствии с Законом об ОСАГО размер компенсационной выплаты по виду причиненного вреда.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда № 1 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда 4 марта 2015 г., разъяснено, что в силу указания, сделанного в пункте 21 статьи 12 Закона об ОСАГО, размер неустойки (пени) рассчитывается от установленной статьей 7 Закона об ОСАГО предельной страховой суммы по виду возмещения вреда каждому потерпевшему (вопрос № 2).

В данном случае согласно пункту 2 статьи 19 Закона об ОСАГО размер компенсационной выплаты по виду причиненного вреда не может превышать 500 000 руб. Соответственно, предельный размер неустойки за просрочку компенсационных выплат в данном случае составляет также 500 000 руб.

Таким образом, снижая предельный размер неустойки с 500 000 руб. до 75 000 руб. (52 500 руб.+22 500 руб.), в том числе неустойки на будущее время до 22 500 руб., суд апелляционной инстанции не учел, что данная неустойка специально установлена законодателем в таком размере, а ее предел связан не с суммой компенсационной выплаты по конкретному случаю, а с предельным размером компенсационной выплаты по виду причиненного вреда. При этом суд апелляционной инстанции не привел каких-либо исключительных обстоятельств для снижения неустойки на основании статьи 333 ГК РФ и не привел мотивов, по которым он посчитал установленную законодателем неустойку чрезмерной или неразумной.

Кроме того, из обстоятельств дела следует, что предельная сумма неустойки, определенная судом апелляционной инстанции, соответствует 30 дням просрочки компенсационной выплаты в 75 000 руб. ($75\,000 \times 1\% \times 30$), в то время как с момента вынесения решения суда до вынесения апелляционного определения прошло более пяти месяцев, то есть суд апелляционной инстанции фактически прекратил взыскание неустойки на будущее время.

Кассационный суд общей юрисдикции допущенные судом апелляционной инстанции нарушения не исправил.

Поскольку судом первой инстанции при принятии решения о взыскании неустойки на будущее время, а также при определении размера государственной пошлины установлены все необходимые обстоятельства дела и не допущено каких-либо существенных нарушений норм

материального или процессуального права, а у суда апелляционной инстанции отсутствовали основания для отмены или изменения решения суда в этой части, Судебная коллегия отменила апелляционное и кассационное определения в данной части, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 58-КГ22-10-К9

Разрешение споров, связанных с защитой нематериальных благ

11. Наличие в высказывании оценочных суждений, выражающих субъективное мнение автора, не исключает содержание в нем утверждений о фактах, по отношению к которым автор высказывает свое мнение и соответствие действительности которых можно проверить.

М. обратилась в суд с иском к А. и обществу о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что она работает врачом в городской поликлинике, и 19 июня 2018 г. в 13 час. 16 мин. в сети «Интернет» на сайте <https://prodoctorov.ru>, принадлежавшем ответчику, был размещен анонимный негативный отзыв об истце как о враче. 2 октября 2018 г. А. пришла на прием и лично сообщила, что данный отзыв написала она. Истец просила признать распространенные в отношении ее сведения не соответствующими действительности, порочащими ее честь, достоинство и деловую репутацию, обязать А. опровергнуть данные сведения, а общество удалить эти сведения с сайта, также просила взыскать компенсацию морального вреда с А. в размере 150 000 руб., с общества – 3 000 000 руб.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции сослался на то, что содержащиеся в тексте отзыва высказывания представляют собой субъективное мнение пациента, которое сформировалось под влиянием несогласия с осуществляемой М. деятельностью врача и качеством оказанных медицинских услуг. Кроме того, суд указал, что истцом не представлено доказательств, подтверждающих распространение этих сведений А.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции, который также исходил из того, что негативная информация в отзыве выражена в форме субъективных суждений (мнения-оценки автора отзыва), при этом указал, что эмоциональная составляющая мнения автора не влияет на оценку размещенных на сайте сведений, поскольку они могут быть как положительными, так и отрицательными.

Суд апелляционной инстанции указал, что истец правом на проведение лингвистической экспертизы на предмет установления характера спорных сведений, а также оценки их восприятия не воспользовалась.

С выводами судов первой и апелляционной инстанций согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда, руководствуясь положениями части 3 статьи 17, части 1 статьи 23, части 1 статьи 29 Конституции Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 150, пунктов 5 и 8 статьи 152 ГК РФ, статьи 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», правовыми позициями Конституционного Суда, содержащимися в постановлениях от 25 мая 2021 г. № 22-П, от 9 июля 2013 г. № 18-П, разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», указала следующее.

При рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации одним из юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению, является характер распространенной информации, то есть установление того, является ли эта информация утверждением о фактах либо оценочным суждением, мнением, убеждением.

При этом наличие в каком-либо высказывании субъективной оценки само по себе не исключает присутствия в нем утверждений о факте. Так, выражение негативного отношения к нарушению другим лицом закона, к совершению им нечестного поступка, к нарушению деловой этики и т.д. может не исключать, а, напротив, содержать утверждение о том факте, по отношению к которому высказывается мнение.

Однако при рассмотрении дела это судами учтено не было.

Из обжалуемых судебных постановлений следует, что согласно размещенному на сайте общества отзыву врач М. отказывалась принимать пациента, заявляла о том, что ее рабочее время закончилось, испортила («запоролала») больничный лист, указав ошибочную дату его закрытия, а также назначила пациенту лекарства вопреки информации о наличии у пациента аллергии. В отзыве также указывается, что истец во время приема вела себя неэтично по отношению к пациенту, нарушала деловую этику.

Отказывая в удовлетворении требований о признании данной информации не соответствующей действительности, суды первой и апелляционной инстанций указали, что перечисленные в отзыве высказывания являются эмоциональным выражением субъективного мнения пациента о враче и об оказанной им медицинской помощи.

При этом суды не дали оценки тому, могут ли содержащиеся в исследуемом отзыве высказывания, в том числе о нарушении истцом графика приема пациентов, о неправильном оформлении листа нетрудоспособности, о назначении лекарств вопреки представленным пациентом сведениям об аллергии, о нарушении врачебной этики, быть проверены на предмет соответствия действительности.

Вместо этого, отказывая в иске, суд первой инстанции сослался только на то, что оспариваемые фразы не подлежат проверке на соответствие действительности, поскольку являются субъективным мнением пациента о враче М., а суд апелляционной инстанции указал также на отсутствие доказательств, которые могли бы послужить основанием для удовлетворения иска, и на то, что истец не воспользовалась правом на заявление ходатайства о проведении судебной лингвистической экспертизы.

Судебная коллегия также отметила, что по смыслу статьи 79 ГПК РФ при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в области оценочной деятельности, суд назначает экспертизу по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе. Если при рассмотрении дела возникли вопросы, для разъяснения которых требуются специальные знания, и согласно положениям ГПК РФ экспертиза не может быть назначена по инициативе суда, то при отсутствии ходатайства или согласия на назначение экспертизы со стороны лиц, участвующих в деле, суд разъясняет им возможные последствия непроведения экспертизы.

Между тем в материалах дела отсутствуют данные о том, что в ходе рассмотрения дела М. разъяснялось ее право заявить ходатайство о проведении лингвистической экспертизы, а равно не имеется данных и о том, что судом по собственной инициативе с учетом положений статей 56, 57, 79 ГПК РФ ставился на обсуждение сторон спора вопрос о назначении такой экспертизы и обсуждался ли вопрос об истребовании дополнительных доказательств с учетом предусмотренного законодательством об охране здоровья особого порядка предоставления сведений, содержащих врачебную тайну, исключающего возможность самостоятельного получения их сторонами.

Определение № 5-КГ22-147-К2

Разрешение споров, связанных с социальными, трудовыми и пенсионными отношениями

12. Инвалиды боевых действий (инвалиды войны), нуждающиеся в улучшении жилищных условий и вставшие на учет до 1 января 2005 г., имеют право на получение за счет средств федерального бюджета безвозмездной субсидии на приобретение жилья в рамках специального правового регулирования, предусмотренного Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах». Расчет размера безвозмездной субсидии на приобретение жилья с учетом членов семьи указанной категории граждан в рамках специального правового регулирования не предусмотрен.

Г. 28 июня 2021 г. обратился в суд с иском к Министерству труда и социального развития субъекта Российской Федерации о перерасчете размера

безвозмездной субсидии на приобретение жилья, ссылаясь на то, что 30 марта 2021 г. ответчиком Г. как инвалиду боевых действий в Афганистане выдано свидетельство о предоставлении безвозмездной субсидии на приобретение жилья в размере 571 932 руб.

По мнению Г., ответчиком был неверно определен размер безвозмездной субсидии на приобретение жилья исходя из общей площади жилого помещения только на Г. (18 квадратных метров) без учета совместно проживающих с ним пятерых членов семьи (супруги и детей, 1987, 1994, 1996 и 1997 годов рождения), которые вместе с Г. 1 апреля 1998 г. были поставлены местной администрацией на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий ввиду отсутствия собственного жилья, и они, так же как и Г., имеют право на обеспечение жильем за счет средств федерального бюджета.

Разрешая спор и принимая решение об удовлетворении исковых требований Г. о перерасчете размера безвозмездной субсидии, выделенной на приобретение жилья, суд первой инстанции исходил из того, что, поскольку супруга и четверо сыновей Г. администрацией муниципального образования субъекта Российской Федерации были в установленном порядке признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий и до 1 января 2005 г. поставлены на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий в качестве членов семьи Г., ответчиком допущено нарушение прав Г. при выделении ему денежных средств на приобретение жилья в форме безвозмездной субсидии без учета членов семьи.

При этом суд первой инстанции полагал, что при разрешении вопроса о праве Г. на получение безвозмездной субсидии на приобретение жилья с учетом членов его семьи подлежат применению статьи ЖК РФ, регламентирующие порядок принятия на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставления указанной категории граждан жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда по договору социального найма.

Суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции правильными.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала на неправильное толкование и применение судами норм права, регулирующих спорные отношения.

Правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации установлены Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (далее также – Федеральный закон «О ветеранах»).

Подпунктом 2 статьи 4 Федерального закона «О ветеранах» к инвалидам Великой Отечественной войны и инвалидам боевых действий (далее также – инвалиды войны) отнесены военнослужащие, ставшие

инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при защите Отечества или исполнении обязанностей военной службы на фронте, в районах боевых действий в периоды, указанные в данном законе.

Подпунктом 4 пункта 1 статьи 14 Федерального закона «О ветеранах» предусмотрено, что такая мера социальной поддержки, как обеспечение за счет средств федерального бюджета жильем, предоставляется инвалидам боевых действий, нуждающимся в улучшении жилищных условий и вставшим на учет до 1 января 2005 г., которое осуществляется в соответствии с положениями статьи 23² данного закона. Инвалиды боевых действий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жильем в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации.

Согласно пункту 1 статьи 23² Федерального закона «О ветеранах» Российская Федерация передает для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации в том числе полномочия по обеспечению жильем в соответствии со статьями 14, 16 и 21 этого федерального закона категорий граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и вставших на учет до 1 января 2005 г.

Средства на реализацию передаваемых органам государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий по предоставлению мер социальной поддержки такой категории граждан, как инвалиды боевых действий, предусматриваются в федеральном бюджете в виде субвенций. Объем субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации по обеспечению жильем инвалидов боевых действий определяется исходя из числа лиц, имеющих право на указанные меры социальной поддержки, общей площади жилья 18 квадратных метров и средней рыночной стоимости 1 квадратного метра общей площади жилья по субъекту Российской Федерации, устанавливаемой федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации. Субвенции зачисляются в установленном для исполнения федерального бюджета порядке на счета бюджетов субъектов Российской Федерации. Порядок расходования и учета средств на предоставление субвенций устанавливается Правительством Российской Федерации (приведенное правовое регулирование следует из пункта 2, подпункта 3 пункта 3, пунктов 4, 5 статьи 23² Федерального закона «О ветеранах»).

Форма предоставления мер социальной поддержки по обеспечению жильем в соответствии со статьями 14, 16 и 21 Федерального закона «О ветеранах» категорий граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и вставших на учет до 1 января 2005 г., в том числе инвалидов боевых действий, в силу положений пункта 6 статьи 23² данного федерального закона определяется нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

Предоставление субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях реализации мер социальной

поддержки по обеспечению жильем в соответствии с федеральными законами «О ветеранах» и «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, вставших на учет до 1 января 2005 г., а также вставших на учет ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, членов семей погибших (умерших) инвалидов и участников Великой Отечественной войны осуществляется в порядке, определенном Правилами предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2005 г. № 614 (пункт 1 данных правил).

Законодательством субъекта Российской Федерации, где проживает и поставлен на регистрационный учет администрацией муниципального образования Г., установлено, что формой предоставления меры социальной поддержки по обеспечению жильем нуждающихся в улучшении жилищных условий и вставших на учет до 1 января 2005 г. инвалидов боевых действий является предоставление им безвозмездной субсидии на приобретение жилья.

Исходя из подлежащего применению правового регулирования мера социальной поддержки по обеспечению жильем за счет средств федерального бюджета в форме безвозмездной субсидии на приобретение жилья предоставляется инвалидам боевых действий (инвалидам войны), нуждающимся в улучшении жилищных условий и вставшим на учет до 1 января 2005 г. В целях реализации мер социальной поддержки по обеспечению жильем указанной категории граждан из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации предоставляются субвенции на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации. Субъектами Российской Федерации данные полномочия реализуются в пределах поступивших из федерального бюджета денежных средств, размер которых определен исходя из числа лиц, имеющих право на меры социальной поддержки, общей площади жилья 18 квадратных метров и средней рыночной стоимости 1 квадратного метра общей площади жилья по субъекту Российской Федерации, устанавливаемой федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации (Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации). Инвалиды боевых действий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жильем в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации.

Таким образом, в соответствии с Федеральным законом «О ветеранах», Правилами предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2005 г. № 614, право на

получение за счет средств федерального бюджета меры социальной поддержки в форме безвозмездной субсидии на приобретение жилья имеют инвалиды боевых действий (инвалиды войны), нуждающиеся в улучшении жилищных условий и вставшие на учет до 1 января 2005 г. Расчет размера безвозмездной субсидии на приобретение жилья с учетом членов семьи указанной категории граждан названными нормативными правовыми актами не предусмотрен.

Судами не принято во внимание, что мера социальной поддержки по обеспечению жильем за счет средств федерального бюджета предоставлена Г. не на общих основаниях в соответствии с жилищным законодательством, а в форме безвозмездной субсидии на приобретение жилья как нуждающемуся в улучшении жилищных условий и вставшему на учет до 1 января 2005 г. инвалиду боевых действий в рамках реализации им права на обеспечение жильем, закрепленного Федеральным законом «О ветеранах», то есть в рамках специального правового регулирования. Следовательно, при решении вопроса о порядке, условиях и размере предоставления Г. безвозмездной субсидии на приобретение жилья применению подлежали нормы указанного федерального закона, которыми при обеспечении жильем инвалида боевых действий в такой форме учет членов его семьи не предусмотрен.

Судебная коллегия также обратила внимание на то, что в нарушение положений абзаца второй части 3 статьи 40 ГПК РФ и разъяснений, изложенных в пункте 23 постановления Пленума Верховного Суда от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», судом первой инстанции не был разрешен вопрос о привлечении к участию в деле в качестве соответчика Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, которое в соответствии с Положением о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2013 г. № 1038, и Правилами предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, является главным распорядителем и получателем средств федерального бюджета, предусмотренных на реализацию переданных субъектам Российской Федерации полномочий по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, а также органом, на который возложена функция по контролю за реализацией субъектами Российской Федерации переданных полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем указанной категории граждан.

При таких обстоятельствах вывод судебных инстанций о возложении на Министерство труда и социального развития субъекта Российской Федерации обязанности произвести перерасчет размера безвозмездной

субсидии, выделенной Г. на приобретение жилья, признан Судебной коллегией основанным на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделан с существенным нарушением норм процессуального права, в связи с чем не может быть признан соответствующим закону.

Определение № 20-КГ22-20-К5

13. Положения части 6 статьи 43 Федерального закона «О полиции», предусматривающие возможность взыскания с виновных лиц в порядке регресса сумм ежемесячной денежной компенсации, выплаченных сотруднику территориальным органом МВД России, не подлежат применению в случае, если вред здоровью сотрудника, приведший впоследствии к его увольнению со службы, установлению инвалидности вследствие военной травмы, исключившей возможность дальнейшего прохождения им службы в полиции, был причинен в период действия Закона Российской Федерации «О милиции».

Территориальный орган МВД России 4 июня 2020 г. обратился в суд с иском к А. о взыскании в порядке регресса сумм ежемесячной денежной компенсации в размере 282 613 руб. 11 коп., выплаченных сотруднику К. за период с 29 марта 2019 г. по 30 июня 2020 г.

В обоснование исковых требований истец указывал, что 7 ноября 2008 г. А. причинил вред здоровью сотруднику милиции К., находившемуся при исполнении своих должностных обязанностей.

Вступившим в законную силу приговором суда от 19 августа 2009 г. А. признан виновным в причинении вреда здоровью сотруднику милиции К.

К. уволен из органов внутренних дел с 18 января 2019 г. по пункту 1 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в связи с болезнью – на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел).

В связи с увольнением по болезни, установлением инвалидности вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы, К. территориальным органом МВД России выплачивается ежемесячная денежная компенсация на основании части 6 статьи 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции»).

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования территориального органа МВД России о взыскании с А. в порядке регресса сумм ежемесячной денежной компенсации, выплаченных К., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что имеются необходимые условия для возложения на А., причинившего вред сотруднику милиции К., обязанности по данному

требованию, а именно: выплата территориальным органом МВД России К. ежемесячных сумм в счет возмещения вреда здоровью, противоправность деяния А., причинная связь между противоправным деянием А. и наступлением вреда, причиненного К. при исполнении служебных обязанностей, вина А. в причинении вреда К.

Суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции правильными.

Суды первой и апелляционной инстанций отклонили доводы А., приведенные в возражениях на иск и в апелляционной жалобе, о том, что часть четвертая статьи 29 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (далее – Закон Российской Федерации «О милиции»), действовавшего на момент причинения вреда здоровью сотруднику милиции К. (7 ноября 2008 г.), не предусматривала возможность последующего взыскания суммы выплаченной сотруднику милиции ежемесячной денежной компенсации с виновных лиц. По мнению судебных инстанций, поскольку К. был признан негодным к службе и уволен со службы в органах внутренних дел 18 января 2019 г. в период действия Федерального закона «О полиции», в соответствии с которым ему и производились выплаты в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, и после того, как Закон Российской Федерации «О милиции» утратил силу с 1 марта 2011 г. в связи с принятием Федерального закона «О полиции», имеются основания для взыскания с виновного лица А. выплаченной К. суммы ежемесячной денежной компенсации на основании части 6 статьи 43 Федерального закона «О полиции».

Кассационный суд общей юрисдикции, соглашаясь с выводами судебных инстанций, сослался на положения статей 1064, 1081, 1084 ГК РФ и оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установив нарушения ими норм материального и процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала, что выводы кассационного суда общей юрисдикции основаны на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения, а также сделаны с существенным нарушением норм процессуального права ввиду следующего.

Оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций и делая вывод о правильном применении судами норм материального и процессуального права, кассационный суд общей юрисдикции не рассмотрел довод кассационной жалобы А. о том, что судами первой и апелляционной инстанций не был применен к спорным отношениям закон, подлежащий применению, – Закон Российской Федерации «О милиции», действовавший на дату совершения А. противоправного деяния в отношении сотрудника милиции К. (7 ноября 2008 г.), а применен закон, не подлежащий применению, – Федеральный закон «О полиции», вступивший в силу с 1 марта 2011 г.

Часть третья статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции», действовавшего до 1 марта 2011 г., предусматривала, что при получении сотрудником милиции в связи с осуществлением служебной деятельности телесных повреждений, исключающих для него возможность дальнейшего прохождения службы, ему выплачивается единовременное пособие в размере пятилетнего денежного содержания из средств соответствующего бюджета с последующим взысканием этой суммы с виновных лиц.

В случае причинения увечья или иного повреждения здоровья сотруднику милиции в связи с осуществлением им служебной деятельности денежная компенсация в размере, превышающем сумму назначенной пенсии по указанным в статье 29 основаниям, выплачивается за счет средств соответствующего бюджета либо средств организаций, заключивших с милицией договоры (часть четвертая статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции»).

Из содержания положений статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции» следует, что ее частью четвертой не было предусмотрено последующего взыскания выплаченной сотруднику милиции суммы денежной компенсации с виновных лиц. Такая возможность устанавливалась частью третьей данной статьи, однако эта норма касалась только взыскания с виновных лиц выплаченного сотруднику милиции единовременного пособия и предполагала наличие причинно-следственной связи между виновными действиями лица, направленными на причинение вреда сотруднику милиции при осуществлении им служебной деятельности, и невозможностью в связи с этим дальнейшего прохождения данным сотрудником службы в милиции.

С 1 марта 2011 г. введен в действие Федеральный закон «О полиции», согласно части 6 статьи 43 которого при установлении гражданину Российской Федерации, уволенному со службы в полиции, инвалидности вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением своих служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, ему выплачивается ежемесячная денежная компенсация с последующим взысканием выплаченных сумм указанной компенсации с виновных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Размер ежемесячной денежной компенсации исчисляется исходя из размера оклада месячного денежного содержания и размера ежемесячной надбавки к окладу месячного денежного содержания за стаж службы (выслугу лет), принимаемых для исчисления пенсий, с применением следующих коэффициентов: 1) в отношении инвалида I группы – 1; 2) в отношении инвалида II группы – 0,5; 3) в отношении инвалида III группы – 0,3.

Действие приведенной нормы в силу части 2 статьи 56 Федерального закона «О полиции» распространяется на сотрудников органов внутренних дел, не являющихся сотрудниками полиции.

Таким образом, частью 6 статьи 43 Федерального закона «О полиции» установлено последующее взыскание с виновных лиц выплаченных в пользу

сотрудника полиции сумм ежемесячной денежной компенсации в отличие от не предусматривающей такой возможности ранее действовавшей нормы части четвертой статьи 29 Закона Российской Федерации «О милиции», в соответствии с которой выплата денежной компенсации сотруднику милиции производилась за счет средств соответствующего бюджета либо средств организаций, заключивших с милицией договоры.

Часть 1 статьи 54 Конституции Российской Федерации провозглашает, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

Статьей 4 ГК РФ, закрепляющей общий принцип действия гражданского законодательства во времени, определено, что акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом.

По отношению, возникшим до введения в действие акта гражданского законодательства, он применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие (пункт 2 статьи 4 ГК РФ).

Исходя из приведенных нормативных положений во взаимосвязи с правовой позицией Конституционного Суда (в частности, выраженной в пункте 5 его постановления от 21 января 2010 г. № 1-П) общим принципом существования закона во времени является его действие на будущее время, придание закону обратной силы относится к исключительному праву законодателя, при этом недопустимо придание обратной силы нормам, ухудшающим положение лиц, на которых распространяется их действие.

Федеральный закон «О милиции» не содержит положений о распространении действия его норм в части взыскания с виновных лиц выплаченных в пользу сотрудника полиции сумм ежемесячной денежной компенсации на отношения, возникшие до введения в действие данного закона (1 марта 2011 г.), то есть законодателем не придана обратная сила нормам этого закона, устанавливающим последующее взыскание с виновных лиц выплаченных органом внутренних дел сумм ежемесячной денежной компенсации сотруднику полиции, уволенному со службы вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением своих служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы в милиции.

Поскольку А. причинен вред участковому уполномоченному отдела внутренних дел К. при исполнении служебных обязанностей 7 ноября 2008 г., то есть в период действия Закона Российской Федерации «О милиции», часть четвертая статьи 29 которого не предусматривала последующее взыскание с виновных лиц сумм ежемесячной денежной компенсации, выплаченных органом внутренних дел сотруднику милиции, а в части 6 статьи 43 Федерального закона «О милиции» установлена такая ответственность виновных лиц за причинение вреда сотруднику милиции,

то исходя из конституционного принципа недопустимости придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность, часть 6 статьи 43 Федерального закона «О полиции» не подлежала применению к спорным отношениям, возникшим в момент причинения вреда сотруднику милиции – 7 ноября 2008 г.

При таких обстоятельствах вывод кассационного суда общей юрисдикции о том, что судами первой и апелляционной инстанций были правильно применены к спорным отношениям нормы материального права, сделан без учета нормативных положений, определяющих действие закона во времени.

Судебная коллегия признала ошибочной ссылку кассационного суда общей юрисдикции, согласившегося с выводами судов первой и апелляционной инстанций о наличии оснований для возложения на А. ответственности по требованию о взыскании в пользу территориального органа МВД России в порядке регресса выплаченных К. ежемесячных сумм в счет возмещения вреда здоровью, только на нормы ГК РФ, так как в данном случае к спорным отношениям положения статей 1064 (общие основания ответственности за причинение вреда), 1081 (право регресса к лицу, причинившему вред), 1084 (возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных либо иных обязательств) ГК РФ следовало применять во взаимосвязи с нормами специального законодательства – нормами Закона Российской Федерации «О милиции» и Федерального закона «О полиции», что кассационным судом общей юрисдикции сделано не было.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия отменила судебное постановление кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое кассационное рассмотрение.

Определение № 18-КГ22-168-К4

14. Если стороны срочного трудового договора к моменту окончания срока его действия не выразили намерения прекратить трудовые отношения и работник продолжает работу после истечения срока действия трудового договора, такой трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок.

Г. 22 января 2021 г. обратился в суд с иском к акционерному обществу «Первый канал» (далее также – общество, работодатель) о признании срочного трудового договора заключенным на неопределенный срок, признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, об оплате за время вынужденного прогула, о компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований Г. указал, что 19 ноября 2018 г. между ним и обществом был заключен трудовой договор, по условиям которого Г. принят на работу в дирекцию программ на должность первого выпускающего отдела эфира. В связи с творческим характером выполняемой

работы трудовой договор был заключен на срок с 19 ноября по 31 декабря 2018 г. После 31 декабря 2018 г. работодателем составлялись дополнительные соглашения к данному трудовому договору, касающиеся определения срока его действия. Дополнительным соглашением от 1 января 2019 г. срок трудового договора установлен с 19 ноября 2018 г. по 31 декабря 2019 г., дополнительным соглашением от 1 января 2020 г. срок трудового договора установлен с 19 ноября 2018 г. по 31 декабря 2020 г.

Приказом генерального директора общества от 30 декабря 2020 г. Г. уволен с работы 31 декабря 2020 г. на основании пункта 2 части 1 статьи 77 ТК РФ (в связи с истечением срока трудового договора).

По мнению Г., его увольнение по данному основанию является неправомерным, поскольку условие о срочном характере трудового договора, заключенного между ним и обществом 19 ноября 2018 г., с 1 января 2019 г. утратило силу, так как после истечения срока действия этого трудового договора (31 декабря 2018 г.) он не был прекращен и Г. продолжил работу в той же должности, в том же структурном подразделении общества, а дополнительные соглашения, устанавливающие новый срок окончания трудового договора, оформлены работодателем и подписаны Г. уже после того, как закончился первоначальный срок его действия, в связи с чем трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок.

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований Г. о признании срочного трудового договора заключенным на неопределенный срок, признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, об оплате за время вынужденного прогула, о компенсации морального вреда, суд первой инстанции исходил из того, что занимаемая Г. должность отнесена к должностям творческих работников, с которыми может быть заключен срочный трудовой договор по соглашению сторон, установленные законом условия для признания срочного трудового договора с Г. заключенным на неопределенный срок отсутствуют, а потому не имеется оснований для признания незаконным увольнения Г. по пункту 2 части 1 статьи 77 ТК РФ в связи с истечением срока трудового договора.

Суд первой инстанции также указал на то, что поскольку работодатель своевременно потребовал расторжения срочного трудового договора, то условие о срочном характере трудового договора не утратило силу. Суд первой инстанции не установил нарушения работодателем требований статьи 58 ТК РФ (срок трудового договора) при составлении дополнительных соглашений к трудовому договору об изменении срока его окончания, отметив, что Г. в момент заключения дополнительных соглашений знал о срочном характере его трудовых отношений с обществом.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права, и они выразились в следующем.

Трудовые договоры могут заключаться как на неопределенный срок, так и на определенный срок не более пяти лет (срочный трудовой договор), если иной срок не установлен ТК РФ и иными федеральными законами (часть 1 статьи 58 ТК РФ).

Срочный трудовой договор заключается, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения, а именно в случаях, предусмотренных частью 1 статьи 59 ТК РФ. В случаях, предусмотренных частью 2 статьи 59 данного кодекса, срочный трудовой договор может заключаться по соглашению сторон трудового договора без учета характера предстоящей работы и условий ее выполнения (часть 2 статьи 58 ТК РФ).

Если в трудовом договоре не оговорен срок его действия, то договор считается заключенным на неопределенный срок (часть 3 статьи 58 ТК РФ).

В случае, когда ни одна из сторон не потребовала расторжения срочного трудового договора в связи с истечением срока его действия и работник продолжает работу после истечения срока действия трудового договора, условие о срочном характере трудового договора утрачивает силу и трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок (часть 4 статьи 58 ТК РФ).

В части 2 статьи 59 ТК РФ закреплен перечень случаев, когда срочный трудовой договор может заключаться по соглашению сторон. Среди них – возможность заключения срочного трудового договора по соглашению сторон с творческими работниками средств массовой информации, организаций кинематографии, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иными лицами, участвующими в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, в соответствии с перечнями работ, профессий, должностей этих работников, утверждаемыми Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (абзац седьмой части 2 статьи 59 ТК РФ).

Пунктом 2 части 1 статьи 77 ТК РФ предусмотрено, что истечение срока трудового договора (статья 79 данного кодекса), за исключением случаев, когда трудовые отношения фактически продолжаются и ни одна из сторон не потребовала их прекращения, является основанием для прекращения трудового договора.

В силу части 1 статьи 79 ТК РФ срочный трудовой договор прекращается с истечением срока его действия. О прекращении трудового договора в связи с истечением срока его действия работник должен быть предупрежден в письменной форме не менее чем за три календарных дня до увольнения, за исключением случаев, когда истекает срок действия срочного

трудового договора, заключенного на время исполнения обязанностей отсутствующего работника.

Из приведенных нормативных положений ТК РФ следует, что, по общему правилу, срочные трудовые договоры могут заключаться только в случаях, когда трудовые отношения с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения не могут быть установлены на неопределенный срок, а также в других случаях, предусмотренных ТК РФ или иными федеральными законами. ТК РФ предусмотрены случаи, когда срочный трудовой договор может заключаться по соглашению сторон, в частности, по соглашению сторон срочный трудовой договор может заключаться с творческими работниками средств массовой информации.

Истечение срока трудового договора относится к числу оснований для прекращения трудовых отношений. При этом по смыслу положений статьи 79 ТК РФ одного факта истечения срока действия трудового договора недостаточно для прекращения действия трудового договора, этот факт должен быть дополнен соответствующим волеизъявлением либо работника, либо работодателя. Если прекращение трудового договора вызвано волеизъявлением работодателя, работодатель обязан предупредить работника в письменной форме о расторжении трудового договора в связи с истечением срока его действия не менее чем за три календарных дня до увольнения (за исключением случаев, когда истекает срок действия срочного трудового договора, заключенного на время выполнения обязанностей отсутствующего работника). Однако в тех случаях, когда срок трудового договора истек, но ни одна сторона этого договора – ни работник, ни работодатель – не потребовала его расторжения, а работник продолжает выполнять трудовые функции по трудовому договору и после истечения установленного в трудовом договоре срока, условие о срочном характере трудового договора утрачивает силу, трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок и последующее его прекращение возможно лишь на общих основаниях. То есть работодатель не вправе расторгнуть с работником трудовой договор в связи с истечением его срока в случае, если он не выразил своего желания прекратить трудовые отношения с работником до истечения срока трудового договора, а работник продолжает работу и после истечения срока трудового договора.

Нормативные положения ТК РФ об условиях прекращения трудового договора, заключенного между работником и работодателем на определенный срок по соглашению сторон, а также об обстоятельствах, при которых условие о срочном характере трудовых отношений утрачивает силу и трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок, судами первой и апелляционной инстанций к спорным отношениям применены неправильно, вследствие чего их вывод об отсутствии установленных законом условий для признания срочного трудового договора с Г. заключенным на неопределенный срок противоречит этим положениям.

Суды первой и апелляционной инстанций, сославшись в обоснование такого вывода на то, что работодателем не нарушены требования статьи 58 ТК РФ (срок трудового договора) при составлении дополнительных соглашений к трудовому договору об изменении срока его окончания, а Г. в момент заключения дополнительных соглашений знал о срочном характере его трудовых отношений с обществом, не учли, что срок действия трудового договора, заключенного 19 ноября 2018 г. работодателем с Г., истекал 31 декабря 2018 г., до этой даты стороны трудового договора (Г. и общество) не потребовали его расторжения, Г. продолжил исполнять свои трудовые обязанности по должности первого выпускающего, дополнительные соглашения к трудовому договору от 19 ноября 2018 г. были заключены сторонами (Г. и обществом) 1 января 2019 г. и 1 января 2020 г., то есть за пределами срока действия трудового договора от 19 ноября 2018 г.

Суды первой и апелляционной инстанций не приняли во внимание нормативные предписания части 4 статьи 58 ТК РФ, по смыслу которых, если стороны к моменту окончания срока действия трудового договора не выразили намерения прекратить трудовые отношения и работник продолжает работу после истечения срока действия трудового договора, такой трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок с момента его заключения. Изменение срока действия трудового договора в этом случае возможно только при его расторжении (прекращении) и заключении сторонами нового трудового договора с установлением срока его действия в порядке статей 58, 59 ТК РФ.

На данные обстоятельства, а именно на то, что Г. в письменной форме не менее чем за три календарных дня не был предупрежден работодателем о прекращении заключенного с ним 19 ноября 2018 г. трудового договора в связи с истечением 31 декабря 2018 г. срока его действия и после указанной даты он продолжил исполнение трудовых обязанностей по занимаемой должности, в связи с чем полагал, что трудовой договор от 19 ноября 2018 г. считается заключенным на неопределенный срок, Г. указывал в исковом заявлении, в судебном заседании суда первой инстанции, а также при рассмотрении его апелляционной жалобы судом апелляционной инстанции.

Однако этим доводам Г. и приводимым в их обоснование обстоятельствам и доказательствам суды первой и апелляционной инстанций в нарушение норм статей 56, 67, 196 ГПК РФ (о доказательствах и доказывании, об оценке доказательств) надлежащей правовой оценки не дали.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Г. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования статьи 379⁶ и частей 1–3 статьи 379⁷ ГПК РФ.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ22-131-К2

15. Решение работодателя о невозможности выполнения работником трудовой функции по занимаемой им должности и о его последующем увольнении при отказе работника от перевода на другую работу, необходимого ему по состоянию здоровья, принимается по результатам проводимой в специализированной медицинской организации экспертизы профессиональной пригодности работника к выполнению отдельных видов работ, зафиксированным в медицинском заключении установленной формы.

Д. 25 сентября 2020 г. обратилась в суд с иском к медицинской организации (работодателю) о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда. В обоснование иска Д. указала, что с 5 ноября 2001 г. она состояла в трудовых отношениях с ответчиком в должности врача-стоматолога-терапевта. 20 марта 2020 г. бюро медико-социальной экспертизы (далее – МСЭ) Д. была установлена II группа инвалидности по причине общего заболевания на срок до 1 апреля 2021 г., для Д. разработана индивидуальная программа реабилитации инвалида.

Приказом от 16 сентября 2020 г. на основании статьи 76 ТК РФ, справки об установлении Д. инвалидности и индивидуальной программы реабилитации инвалида Д. была отстранена работодателем от выполнения трудовых обязанностей.

16 сентября 2020 г. работодатель ознакомил Д. с перечнем вакантных должностей, не противопоказанных ей для работы по состоянию здоровья (оператор ЭВМ, уборщик служебных помещений в различных структурных подразделениях, дворник, машинист по стирке и ремонту спецодежды), согласия на замещение которых Д. не выразила.

16 сентября 2020 г. работодателем издан приказ об увольнении Д. с занимаемой должности по пункту 8 части первой статьи 77 ТК РФ (в связи с отказом работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением).

Д. полагала отстранение от работы и увольнение незаконными, поскольку справка об установлении ей инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида не являются документами, подтверждающими ее профессиональную непригодность для работы в должности врача-стоматолога-терапевта, на медицинскую экспертизу по вопросу о пригодности к выполнению работы по должности врача-стоматолога-терапевта работодатель ее не направил.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Д. о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, суд первой инстанции с учетом положений статей 73, 77, 212 ТК РФ, статей 58, 63 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также Порядка проведения экспертизы профессиональной пригодности и формы медицинского заключения о пригодности или непригодности к выполнению отдельных видов работ, утвержденных приказом Минздрава России от 5 мая 2016 г. № 282н, исходил из того, что основанием для увольнения работника по пункту 8 части первой статьи 77 ТК РФ может являться только медицинское заключение о непригодности работника к выполнению отдельных видов работ. Поскольку справка об инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида, выданные Д. 20 марта 2020 г., не содержат выводов о профессиональной непригодности Д. по занимаемой должности, в них приведены лишь противопоказания к работе при определенных условиях, а доказательств, подтверждающих наличие медицинского заключения врачебной комиссии о пригодности или непригодности истца к выполнению отдельных видов работ, ответчиком не представлено, суд первой инстанции признал незаконными приказы работодателя об отстранении Д. от работы и о ее увольнении с работы по пункту 8 части первой статьи 77 ТК РФ.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая Д. в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что справка об установлении инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида, выданные Д. по результатам проведения медико-социальной экспертизы, являются тем медицинским заключением, которое позволяет работодателю уволить работника по пункту 8 части первой статьи 77 ТК РФ (в связи с отказом работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением).

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу апелляционное определение и постановление кассационного суда общей юрисдикции, оставив в силе решение суда первой инстанции, разрешившего спор в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям нормами материального права и установленными обстоятельствами, указав на следующее.

Согласно части третьей статьи 73 ТК РФ, если в соответствии с медицинским заключением работник нуждается во временном переводе на другую работу на срок более четырех месяцев или в постоянном переводе, при его отказе от перевода либо отсутствии у работодателя соответствующей работы трудовой договор прекращается в соответствии с пунктом 8 части первой статьи 77 ТК РФ.

Абзац пятый части первой статьи 76 ТК РФ устанавливает обязанность работодателя отстранить от работы работника при выявлении в соответствии

с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, противопоказаний для выполнения работником работы, обусловленной трудовым договором.

Пункт 8 части первой статьи 77 ТК РФ предусматривает возможность прекращения трудового договора в случае отказа работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, либо отсутствия у работодателя соответствующей работы.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд, возможность прекращения трудового договора в случае отказа работника от постоянного или временного (на срок более четырех месяцев) перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением, либо отсутствия у работодателя соответствующей работы направлена на охрану здоровья работника. Необходимость перевода работника на другую работу должна быть установлена специализированным органом и зафиксирована в медицинском заключении, выданном в порядке, установленном федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, что предполагает использование объективных критериев при установлении указанного факта и исключает произвольное применение данного основания прекращения трудового договора (определения Конституционного Суда от 23 сентября 2010 г. № 1090-О-О и № 1114-О-О, от 14 июля 2011 г. № 887-О-О, от 24 декабря 2012 г. № 2301-О).

Экспертиза профессиональной пригодности проводится врачебной комиссией медицинской организации с привлечением врачей-специалистов по результатам предварительных медицинских осмотров и периодических медицинских осмотров. По результатам экспертизы профессиональной пригодности врачебная комиссия выносит медицинское заключение о пригодности или непригодности работника к выполнению отдельных видов работ (часть 2 статьи 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Порядок проведения экспертизы профессиональной пригодности, форма медицинского заключения о пригодности или непригодности к выполнению отдельных видов работ устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (часть 3 статьи 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 5 мая 2016 г. № 282н утверждены Порядок проведения экспертизы профессиональной пригодности и форма медицинского заключения о пригодности или непригодности к выполнению отдельных видов работ (далее – Порядок проведения экспертизы профессиональной пригодности).

Экспертиза профессиональной пригодности проводится в медицинской организации или структурном подразделении медицинской организации либо иной организации независимо от организационно-правовой формы, имеющей лицензию на осуществление медицинской деятельности по экспертизе профессиональной пригодности (пункт 3 Порядка проведения экспертизы профессиональной пригодности).

Для проведения экспертизы профессиональной пригодности в медицинской организации формируется постоянно действующая врачебная комиссия (пункт 4 Порядка проведения экспертизы профессиональной пригодности).

Из нормативных положений ТК в их взаимосвязи с нормативными предписаниями законодательства в сфере охраны здоровья граждан, позицией Конституционного Суда следует, что невозможность выполнения работником трудовой функции по занимаемой им должности и необходимость перевода такого работника по состоянию здоровья на другую работу должны быть установлены специализированной медицинской организацией и зафиксированы в медицинском заключении предусмотренной формы о соответствии состояния здоровья работника возможности выполнять им отдельные виды работ (профессиональной пригодности работника), выданном в установленном порядке, то есть специализированной медицинской организацией по результатам экспертизы профессиональной пригодности.

Проверяя законность обжалуемых судебных постановлений, принятых судами апелляционной и кассационной инстанций, Судебная коллегия пришла к выводу, что нормативные положения, устанавливающие порядок признания работника непригодным по состоянию здоровья к выполнению отдельных видов работ, а также условия, при наличии которых работник может быть уволен по пункту 8 части первой статьи 77 ТК РФ, этими судебными инстанциями к спорным отношениям применены не были, вследствие чего их вывод об отказе в удовлетворении исковых требований Д. о признании незаконным приказа об увольнении, восстановлении на работе нельзя признать правомерным.

Суды апелляционной и кассационной инстанций неправильно определили цели и задачи экспертизы профессиональной пригодности и медико-социальной экспертизы, а также предназначение индивидуальной программы реабилитации инвалида, ошибочно полагая, что справка об установлении инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида являются единственными документами, выдаваемыми учреждением медико-социальной экспертизы по результатам проведения такой экспертизы, позволяющими работодателю уволить работника по пункту 8 части первой статьи 77 ТК РФ.

Судебная коллегия указала, что цели проведения экспертизы профессиональной пригодности и медико-социальной экспертизы различны. В отличие от экспертизы профессиональной пригодности работника, которая

направлена на определение пригодности или непригодности работника к выполнению им отдельных видов работ, целью проведения медико-социальной экспертизы является определение в установленном порядке потребностей гражданина в мерах социальной защиты и мерах социальной поддержки на основе оценки ограничения его жизнедеятельности, вызванного стойким расстройством функций организма. Выдаваемые гражданину, признанному инвалидом, документы по результатам медико-социальной экспертизы (справка об инвалидности, индивидуальная программа реабилитации инвалида) не содержат выводов о признании такого гражданина пригодным (временно или постоянно) по состоянию здоровья к выполнению отдельных видов работ.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия согласилась с выводом суда первой инстанции о незаконности приказов работодателя об отстранении Д. от работы и о ее увольнении с работы по пункту 8 части первой статьи 77 ТК РФ, который исходил из того, что справка об инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида, выданные Д., не содержат сведений о ее профессиональной непригодности к работе в занимаемой должности врача-стоматолога-терапевта, а доказательств, подтверждающих наличие медицинского заключения о пригодности или непригодности Д. к выполнению отдельных видов работ, ответчиком представлено не было.

Определение № 4-КГ22-53-К1

16. Отсутствие у работника спортивного образовательного учреждения (тренера) специального (профессионального) образования не может являться безусловным основанием для прекращения с ним трудовых отношений по данной причине в случае, если он обладает достаточным практическим опытом и компетентностью, выполняет качественно и в полном объеме возложенные на него должностные обязанности, и это подтверждено результатами соответствующей аттестации.

Ш. 29 ноября 2021 г. обратился в суд с иском к спортивному образовательному учреждению (далее также – спортивная школа, работодатель) о признании незаконным приказа работодателя о прекращении (расторжении) трудового договора, восстановлении его на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда, указав, что на основании трудового договора от 1 августа 2014 г., заключенного на неопределенный срок, он был принят на работу в спортивную школу олимпийского резерва по хоккею с мячом в отдел учебно-спортивной работы на должность тренера-преподавателя.

23 января 2018 г. с Ш. заключено дополнительное соглашение к трудовому договору о переводе его на постоянную работу в отдел по спортивной подготовке на должность тренера.

Приказом директора спортивной школы от 16 ноября 2021 г. трудовой договор с Ш. прекращен по пункту 11 части первой статьи 77 ТК РФ (нарушение установленных ТК РФ или иным федеральным законом правил заключения трудового договора, если это нарушение исключает возможность продолжения работы (статья 84 ТК РФ) и Ш. уволен с занимаемой должности.

Причиной увольнения по названному основанию послужило отсутствие у Ш. соответствующего среднего профессионального или высшего образования.

По мнению Ш., отсутствие у него на момент заключения трудового договора в 2014 году необходимого среднего профессионального или высшего образования не может служить достаточным основанием для его увольнения по пункту 11 части первой статьи 77 ТК РФ, поскольку за время работы Ш. дважды проходил аттестацию на соответствие занимаемым должностям тренера-преподавателя и тренера. Распоряжениями министра физической культуры и спорта субъекта Российской Федерации в 2016 и 2018 годах на основании решений аттестационных комиссий Ш. была установлена первая квалификационная категория соответственно по должности «тренер-преподаватель» и тренера по виду спорта (хоккей с мячом) сроком на 5 лет. Кроме того, при увольнении Ш. работодателем не учтено, что за время работы он неоднократно поощрялся, в том числе губернатором субъекта Российской Федерации и мэром города, является мастером спорта СССР по хоккею с мячом, обладает большим профессиональным опытом в области спортивной подготовки (более 35 лет), за время работы его воспитанники достигли высоких спортивных результатов при участии в различных соревнованиях.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Ш., суд первой инстанции исходил из того, что для занятия как должности тренера-преподавателя, так и должности тренера Ш. в спортивной школе необходимо было иметь высшее профессиональное образование или среднее профессиональное образование в области физической культуры и спорта.

Поскольку у Ш. при поступлении на работу на должность тренера-преподавателя и в дальнейшем при переводе его на должность тренера высшее или среднее специальное образование в области физической культуры и спорта отсутствовало, документ о наличии такого образования Ш. работодателю не представлен и порядок увольнения истца ответчиком соблюден, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что увольнение истца было произведено в соответствии с действующим трудовым законодательством.

Суд первой инстанции признал необоснованными доводы Ш. о том, что соответствие его занимаемой должности подтверждено по итогам аттестации. По мнению суда первой инстанции, аттестация Ш. в 2016, 2018 годах не является основанием для возникновения у него права осуществлять тренерскую деятельность в отсутствие специального

образования, так как порядок проведения аттестации работников, осуществляющих спортивную подготовку в краевых государственных учреждениях, подведомственных министерству физической культуры и спорта субъекта Российской Федерации, не возлагает на аттестационную комиссию данного министерства обязанность по проверке наличия у аттестуемого специального образования, а оценке подлежат достижения аттестуемого в работе (тренерской деятельности) на основании волеизъявления самого работника.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Определением кассационного суда общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделанными с существенным нарушением норм процессуального права ввиду следующего.

Главой 11 ТК РФ определены правила заключения трудового договора (статьи 63–71).

Одним из элементов процедуры заключения трудового договора является предъявление работодателю лицом, поступающим на работу, документов, необходимых для трудоустройства.

Согласно части первой статьи 65 ТК РФ, если иное не установлено названным кодексом, другими федеральными законами, при заключении трудового договора лицо, поступающее на работу, предъявляет работодателю в том числе документ об образовании и (или) о квалификации или наличии специальных знаний – при поступлении на работу, требующую специальных знаний или специальной подготовки.

Нарушение установленных ТК РФ или иным федеральным законом правил заключения трудового договора, если это нарушение исключает возможность продолжения работы (статья 84 ТК РФ), является одним из оснований для прекращения трудового договора (пункт 11 части первой статьи 77 ТК РФ).

Частью первой статьи 84 ТК РФ предусмотрено, что трудовой договор прекращается вследствие нарушения установленных названным кодексом или иным федеральным законом правил его заключения (пункт 11 части первой статьи 77 ТК РФ), если нарушение этих правил исключает возможность продолжения работы, в случаях, названных в этой статье. Один из таких случаев – отсутствие соответствующего документа об образовании и (или) о квалификации, если выполнение работы требует специальных знаний в соответствии с федеральным законом или иным нормативным правовым актом (абзац четвертый части первой статьи 84 ТК РФ).

В соответствии с частью второй статьи 84 ТК РФ в случаях, предусмотренных частью первой этой статьи, трудовой договор прекращается, если невозможно перевести работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу (как вакантную должность или работу, соответствующую квалификации работника, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья.

Особенности регулирования труда спортсменов, тренеров устанавливаются трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями, а также локальными нормативными актами, принимаемыми работодателями в соответствии с требованиями статьи 8 ТК РФ с учетом норм, утвержденных общероссийскими спортивными федерациями, и мнения выборного органа первичной профсоюзной организации (часть третья статьи 348¹ ТК РФ).

Требования к образованию указанных работников определяются на основании положений соответствующих профессиональных стандартов, а также разделов Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, утвержденных соответственно приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15 августа 2011 г. № 916н (раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта») и приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 августа 2010 г. № 761н (раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования»).

Согласно названным разделам Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих тренер, тренер-преподаватель должен иметь высшее профессиональное образование или среднее профессиональное образование в области физкультуры и спорта без предъявления требований к стажу работы.

Вместе с тем согласно положениям Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих претендующие на работу в качестве тренера, тренера-преподавателя лица, не имеющие специальной подготовки, но обладающие достаточным практическим опытом и компетентностью, могут быть назначены на соответствующие должности по рекомендации аттестационной комиссии (пункт 6 раздела I «Общие положения» раздела «Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта», пункт 9 раздела I «Общие положения» раздела «Квалификационные характеристики должностей работников образования») или по результатам аттестации, осуществляемой общероссийской спортивной федерацией по соответствующим виду или видам спорта (абзац четвертый пункта 11 постановления Пленума Верховного Суда от 24 ноября 2015 г. № 52

«О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров»).

Конституционный Суд в абзаце пятом пункта 6.2 постановления от 14 ноября 2018 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки И.В. Серегиной» указал, что как цель введения профессиональных стандартов, в частности в сфере образования, так и их предназначение в механизме правового регулирования не предполагали увольнения с работы лиц, не соответствующих в полной мере квалификационным требованиям к образованию, но успешно выполняющих свои трудовые обязанности, в том числе воспитателей дошкольных образовательных организаций. Решение вопроса о продолжении профессиональной деятельности должно осуществляться с учетом дпящегося характера трудовых отношений на основе осуществляемой в ходе аттестации оценки способности работника выполнять порученную ему работу.

Изложенная правовая позиция Конституционного Суда об оценке работодателем результатов профессиональной деятельности не имеющего специальной подготовки работника образовательной организации, его отношения к труду и его деловых качеств при решении вопроса о возможности продолжения с ним трудовых отношений по должности, требующей наличия определенного образования, которое у работника отсутствует, может быть применена к спорным отношениям по данному делу.

Соответственно, с учетом подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права, изложенной правовой позиции Конституционного Суда, разъяснений Пленума Верховного Суда отсутствие у тренера спортивного образовательного учреждения требуемого профессионального образования не может являться безусловным основанием для прекращения с ним трудовых отношений по данной причине, если это не исключает возможности продолжения им работы по занимаемой должности.

Положения норм права, регулирующих спорные отношения, разъяснения Пленума Верховного Суда по их применению и правовая позиция Конституционного Суда судами первой и апелляционной инстанций применены неправильно.

Отказывая Ш. в удовлетворении исковых требований, судебные инстанции, по сути, ограничились ссылкой на то, что у Ш. отсутствовало специальное образование в области физической культуры и спорта, не дав в нарушение статей 67, 71, части 4 статьи 198, пункта 5 части 2 статьи 329 ГПК РФ какой-либо правовой оценки доводам Ш. о том, что его компетентность и наличие достаточного профессионального и практического опыта для занятия должности тренера, соответствие его занимаемой должности было подтверждено результатами аттестаций, проведенных в отношении его в 2016 и 2018 годах аттестационной комиссией министерства физической культуры и спорта субъекта Российской Федерации.

Федерации, а также иным доводам Ш. о профессиональном уровне его работы и достигнутых результатах.

Суждение судов первой и апелляционной инстанций о том, что аттестация Ш. в 2016, 2018 годах, проведенная аттестационной комиссией министерства физической культуры и спорта субъекта Российской Федерации, не является основанием для возникновения у него права осуществлять тренерскую деятельность в отсутствие специального образования, ошибочно.

Судами первой и апелляционной инстанций не принято во внимание, что в силу действующего правового регулирования аттестация работников, трудовая функция которых состоит в проведении со спортсменами тренировочных мероприятий и осуществлении руководства их состязательной деятельностью (тренеры), по результатам которой им устанавливается соответствующая квалификационная категория, проводится с целью оценки результатов профессиональной деятельности таких работников по занимаемой должности тренера, следовательно, результаты такой аттестации должны учитываться работодателем при решении вопроса о возможности продолжения работником трудовой деятельности в занимаемой должности.

Ввиду изложенного Судебная коллегия признала выводы судов первой и апелляционной инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований Ш. о признании незаконным приказа работодателя о прекращении (расторжении) с ним трудового договора по пункту 11 части первой статьи 77 ТК РФ, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда не соответствующими закону, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 58-КГ22-13-К9

17. Суду при разрешении заявления должника-пенсионера о снижении размера ежемесячных удержаний из страховой пенсии по старости следует исходить из необходимости обеспечения баланса интересов сторон, принципа исполнимости судебных решений и установления пределов удержаний, позволяющих сохранить должнику-пенсионеру необходимый уровень существования.

Ш. 30 августа 2021 г. обратилась в суд в порядке статьи 434 ГПК РФ с заявлением о снижении размера ежемесячных удержаний из ее страховой пенсии по старости с сохранением ей дохода в размере величины прожиточного минимума, установленного по Иркутской области, ссылаясь на то, что на основании решений суда в отношении ее возбуждены исполнительные производства по взысканию задолженности по кредитным договорам в пользу взыскателей (банка-1 и банка-2). Судебным приставом-исполнителем взыскание обращено на страховую пенсию по старости Ш.

В обоснование заявления Ш. указывала, что она находится в трудной жизненной ситуации, у нее отсутствует финансовая возможность осуществлять выплаты по решениям суда, после удержания из страховой пенсии по старости Ш. (12 561,63 руб.) денежных средств в порядке исполнения решений суда у нее остается сумма меньше установленной в Иркутской области величины прожиточного минимума пенсионеров (10 540 руб.), которой недостаточно для проживания и питания.

Кроме того, Ш. является инвалидом II группы, вынуждена передвигаться с помощью инвалидного кресла-коляски, в связи с чем нуждается в постоянном постороннем уходе, осуществляемом проживающим совместно с ней сыном В., сын ввиду этого не работает, собственного дохода не имеет, пенсионным органом В. производится компенсационная выплата по уходу за нетрудоспособным лицом, установленная с 1 марта 2021 г. в размере 1440 руб. Ее семья признана малоимущей, получаемая Ш. страховая пенсия по старости и назначенная к этой пенсии ежемесячная компенсационная выплата ее сыну в размере 1440 руб. являются для ее семьи единственным источником средств к существованию.

Отказывая в удовлетворении заявления Ш. о снижении размера удержания из ее страховой пенсии, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что основания для снижения размера удержаний из пенсии должника должны носить действительно исключительный характер, однако приведенные Ш. обстоятельства относительно ее имущественного положения являются обычной жизненной ситуацией и не свидетельствуют о наличии у Ш. препятствий для исполнения решений суда, соответственно не могут служить основанием для снижения размера удержаний из ее пенсии.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального и процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда с выводами судебных инстанций не согласилась, признала их сделанными с существенным нарушением норм права ввиду следующего.

Согласно положениям частей 1–3 статьи 29 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» удержания из страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии в том числе производятся на основании исполнительных документов. Удержание производится в размере, исчисляемом из размера установленной страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии). Удержано может быть не более 50 процентов, а в установленных законодательством Российской Федерации случаях не более 70 процентов страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии).

Одним из принципов исполнительного производства является принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи (пункт 4 статьи 4 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» в редакции, действовавшей на день обращения Ш. в суд с заявлением об изменении способа исполнения решения суда – 30 августа 2021 г.³).

В соответствии со статьей 434 ГПК РФ при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного постановления или постановлений иных органов, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе поставить перед судом, рассмотревшим дело, или перед судом по месту исполнения судебного постановления вопрос об отсрочке или о рассрочке исполнения, об изменении способа и порядка исполнения, а также об индексации присужденных денежных сумм. Такие заявления сторон и представление судебного пристава-исполнителя рассматриваются в порядке, предусмотренном статьями 203 и 208 указанного кодекса.

Суд, рассмотревший дело, по заявлениям лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя исходя из имущественного положения сторон или других обстоятельств вправе отсрочить или рассрочить исполнение решения суда, изменить способ и порядок его исполнения (статья 203 ГПК РФ).

Из приведенных нормативных положений следует, что по заявлению лиц, участвующих в деле, суд вправе решить вопрос об изменении способа и порядка исполнения решения при наличии установленных законом оснований и исходя из совокупности представленных сторонами доказательств. Основанием для изменения способа и порядка исполнения решения являются неустранимые на момент обращения в суд обстоятельства, свидетельствующие о невозможности или крайней затруднительности исполнения должником-гражданином решения суда. К числу указанных обстоятельств может быть отнесено, в частности, тяжелое имущественное положение должника. Суд при рассмотрении заявления об изменении способа и порядка исполнения решения суда в каждом конкретном случае должен установить наличие или отсутствие таких обстоятельств, а также обеспечить соблюдение двух основополагающих положений –

---

³ С 1 февраля 2022 г. данный пункт действует в редакции Федерального закона от 29 июня 2021 г. № 234-ФЗ, согласно которой исполнительное производство осуществляется на принципе неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, в том числе сохранения заработной платы и иных доходов должника-гражданина ежемесячно в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства должника-гражданина для соответствующей социально-демографической группы населения, если величина указанного прожиточного минимума превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации).

конституционного принципа исполняемости судебных решений и установления пределов возможного взыскания, не затрагивающего основное содержание прав должника, с тем чтобы сохранить должнику-гражданину необходимый уровень существования.

Судебная коллегия указала, что судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении заявления Ш. об изменении способа исполнения решения суда путем снижения размера ежемесячных удержаний из страховой пенсии по старости положения частей 1–3 статьи 29 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», положения Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и нормы статей 203 и 434 ГПК РФ не применены с учетом правовой позиции Конституционного Суда, согласно которой, если пенсия является для должника-гражданина единственным источником существования, необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и должника-гражданина требует защиты прав последнего путем сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни (постановление Конституционного Суда от 12 июля 2007 г. № 10-П, определения Конституционного Суда от 18 апреля 2006 г. № 104-О, от 17 января 2012 г. № 14-О-О, от 19 июля 2016 г. № 1713-О и др.).

Судебная коллегия отметила, что суды первой и апелляционной инстанций не учли доводы Ш., касающиеся ее имущественного положения, обусловленного трудной жизненной ситуацией, обстоятельства, связанные с ее материальным положением, то, что пенсия является для нее единственным источником существования, и, как следствие, в результате неприменения подлежащих применению норм материального права не определили приведенные обстоятельства в качестве юридически значимых при решении вопроса о возможности изменения способа исполнения судебных постановлений путем снижения размера ежемесячных удержаний из страховой пенсии по старости с сохранением Ш. дохода в размере величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации.

При оценке названных Ш. обстоятельств, затрудняющих исполнение ею судебных постановлений по причине отсутствия у нее какого-либо минимального уровня материальной обеспеченности после осуществления удержаний в счет выплат взыскателям (в данном случае юридическим лицам – банкам), судам первой и апелляционной инстанций надлежало исходить из необходимости соблюдения баланса интересов взыскателей и должника как участников исполнительного производства с учетом гарантированного каждому статьей 39 Конституции Российской Федерации в соответствующих случаях (возраст, болезнь, инвалидность и др.) права на социальное обеспечение, а также следовало принять во внимание, что при защите прав взыскателя не должны нарушаться конституционные

права должника-гражданина, с тем чтобы сохранить должнику необходимый уровень существования.

Ввиду изложенного Судебная коллегия отменила судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила материал по заявлению Ш. об изменении способа исполнения решения суда на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 66-КГ22-12-К8

Процессуальные вопросы

18. Расходы, связанные с хранением имущества, признанного вещественным доказательством по уголовному делу, признаются процессуальными издержками и подлежат возмещению по правилам, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Общество обратилось в суд с иском к осужденному Т. (признанному виновным в неправомерном завладении автомобилем без цели хищения) и потерпевшему П. (владельцу автомобиля) о взыскании в солидарном порядке расходов Общества по хранению автомобиля на специализированной стоянке.

Суд первой инстанции, установив, что данный автомобиль признан вещественным доказательством по уголовному делу и постановлением дознавателя передан на ответственное хранение потерпевшему П., взыскал с П. задолженность за перемещение автомобиля на специализированную стоянку и его хранение там с 1 сентября 2018 г. по 7 декабря 2019 г.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания платы за хранение транспортного средства на специализированной стоянке с 1 сентября 2018 г. по 28 февраля 2019 г. и прекращая производство по делу в этой части, суд апелляционной инстанции исходил из того, что в этот период имело место хранение в силу закона, поэтому расходы на хранение вещественного доказательства по уголовному делу являются процессуальными издержками и подлежат возмещению в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Сославшись на то, что 1 марта 2019 г. транспортное средство на основании постановления дознавателя передано на ответственное хранение П., который забрал его со специализированной стоянки только 7 декабря 2019 г., суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что между сторонами в период с 1 марта по 7 декабря 2019 г. сложились правоотношения, регулируемые главой 47 ГК РФ, в связи с чем взыскал с П. расходы по хранению автомобиля.

С выводами суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала вывод суда апелляционной инстанции о взыскании с П. задолженности по оплате хранения транспортного средства за период с 1 марта по 7 декабря 2019 г. ошибочным в связи со следующим.

Согласно статье 905 ГК РФ общие положения о хранении применяются к отдельным его видам, если правилами об отдельных видах хранения, содержащимися в статьях 907–926 данного кодекса и в других законах, не установлено иное.

Частью 3 статьи 81 УПК РФ установлено, что вопрос о судьбе вещественных доказательств подлежит разрешению при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела.

В соответствии с подпунктом «а» пункта 1 части 2 статьи 82 УПК РФ вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаваться вместе с уголовным делом, за исключением случаев, предусмотренных названной статьей.

В пункте 6 части 2 статьи 131 УПК РФ предусмотрено, что суммы, израсходованные на хранение, пересылку и перевозку (транспортировку) вещественных доказательств, относятся к процессуальным издержкам и возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства.

Положения статей 299, 309, 396 и 397 УПК РФ указывают на обязательность разрешения судом при вынесении приговора или по ходатайству заинтересованной стороны после провозглашения приговора вопроса о том, на кого и в каком размере должны быть возложены процессуальные издержки.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» утверждены Правила хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам.

В пункте 10 данных правил установлено, что передача вещественных доказательств на хранение юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю на основании договора хранения осуществляется должностным лицом уполномоченного органа, в производстве которого находится уголовное дело, и оформляется актом приема-передачи, составленным в 3 экземплярах, один из которых приобщается к материалам уголовного дела, другой – передается представителю юридического лица или индивидуальному предпринимателю, третий – в дело (наряд).

Из абзаца первого пункта 2 этих же правил следует, что возврат вещественных доказательств в виде денег и ценностей их законному владельцу осуществляется на основании постановления прокурора, следователя, дознавателя или решения (определения, постановления,

приговора) суда (судьи), о чем составляется акт приема-передачи вещественных доказательств по форме согласно приложению № 1.

Как разъяснено в пункте 3 определения Конституционного Суда от 8 ноября 2005 г. № 367-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Маршалл» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», определяя перечень видов судебных издержек и устанавливая порядок их взыскания, уголовно-процессуальный закон исходит из необходимости возмещения понесенных затрат гражданам и юридическим лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве участников или иным образом привлекаемым к решению стоящих перед ним задач.

Основанием для возникновения гражданско-правового обязательства граждан или юридических лиц по хранению вещественных доказательств является исполнение публично-правовой обязанности, возлагаемой на них в силу закона решением дознавателя, следователя, прокурора или суда. Разрешение вопроса о том, кому и в каких размерах должны быть возмещены расходы, понесенные в связи с хранением вещественных доказательств, а также какие законодательные нормы подлежат при этом применению, относится к ведению судов общей юрисдикции, на которые в этом случае возлагается обеспечение гарантированного статьей 46 Конституции Российской Федерации права каждого на судебную защиту.

Таким образом, уполномоченные лица органов предварительного следствия и дознания, ответственные за расследование уголовного дела, самостоятельно решают вопрос о признании тех или иных предметов вещественными доказательствами, об их изъятии и удержании в режиме хранения, о способе такого хранения либо об их возвращении законному владельцу на ответственное хранение (об отказе от их изъятия) до принятия окончательного решения по уголовному делу (до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела) или на иной вытекающий из закона срок.

Хранение вещественных доказательств, имеющих определенные характеристики, может осуществляться на основании договора хранения, заключаемого уполномоченным органом с юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем.

Расходы, связанные с хранением, учетом и передачей вещественных доказательств, подлежат возмещению за счет и в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных органам, осуществляющим предварительное расследование по уголовным делам.

При этом возврат вещественных доказательств их законному владельцу осуществляется на основании постановления прокурора, следователя, дознавателя или решения (определения, постановления, приговора)

суда (судьи), о чем составляется акт приема-передачи вещественных доказательств по установленной форме.

В обоснование вывода о наличии правовых оснований для взыскания задолженности за хранение транспортного средства на специализированной стоянке за период с 1 марта по 7 декабря 2019 г. суд апелляционной инстанции сослался на то, что постановлением дознавателя от 1 марта 2019 г. ответственным хранителем определен потерпевший П., который забрал автомобиль 7 декабря 2019 г.

Между тем из установленных по делу обстоятельств не следует, что транспортное средство действительно было возвращено П. 1 марта 2019 г. Какие-либо сведения об этом, в том числе о составлении акта приема-передачи вещественного доказательства владельцу по установленной форме, в материалах дела отсутствуют.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила постановления суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 56-КГ23-2-К9

19. Солидарное взыскание судебных издержек по делу с нескольких лиц возможно в случае, если они являются солидарными должниками или солидарными кредиторами.

Конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о солидарном взыскании с К. и Д. в пользу общества судебных расходов на оплату юридических услуг, понесенных при рассмотрении дела по его иску к К. и Д. о признании недействительными торгов и договора купли-продажи, а также о применении последствий недействительности сделки.

Определением суда заявление удовлетворено.

Апелляционным определением определение суда первой инстанции отменено в части, вопрос разрешен по существу, заявление удовлетворено частично, судебные расходы на оплату юридических услуг взысканы солидарно с К. и Д., в остальной части заявление оставлено без удовлетворения.

Кассационным судом общей юрисдикции указанные судебные постановления оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда признала постановления судебных инстанций вынесенными с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Согласно части 1 статьи 88 ГПК РФ судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

В силу статьи 94 названного кодекса к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся, в частности, расходы на оплату услуг представителей.

Стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 96 данного кодекса. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные в данной статье судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано (часть 1 статьи 98 ГПК РФ).

В соответствии с частью 1 статьи 100 названного кодекса стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

Как разъяснено в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», при предъявлении иска совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам (процессуальное соучастие) распределение судебных издержек производится с учетом особенностей материального правоотношения, из которого возник спор, и фактического процессуального поведения каждого из них (статья 40 ГПК РФ).

Если лица, не в пользу которых принят судебный акт, являются солидарными должниками или кредиторами, судебные издержки возмещаются указанными лицами в солидарном порядке (часть 4 статьи 1 ГПК РФ, статьи 323, 1080 ГК РФ).

Таким образом, возложение на нескольких ответчиков обязанности возместить судебные издержки по делу солидарно возможно в том случае, если они являются солидарными должниками или солидарными кредиторами.

Согласно пункту 1 статьи 322 ГК РФ солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства.

В силу абзаца первого статьи 1080 ГК РФ лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно.

Между тем по данному делу не установлено, что ответчики являются солидарными должниками. Солидарное взыскание с них судебных расходов в нарушение требования части 4 статьи 198 ГПК РФ судами не мотивировано.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила состоявшееся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 46-КГ22-46-К6

20. Конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий вправе обжаловать постановление суда

общей юрисдикции, которым разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле о банкротстве, в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

К. и организация обратились в кассационный суд общей юрисдикции с кассационной жалобой на определение суда об утверждении мирового соглашения по делу о взыскании долга по договору займа, заключенному между обществом (займодавцем) и обществом (заемщиком), обеспеченному поручительством Д., по условиям которого погашение обязательств заемщика производит поручитель путем перечисления денежных средств на расчетный счет займодавца.

Возвращая без рассмотрения кассационные жалобы заявителей, кассационный суд общей юрисдикции сослался на то, что обжалуемым определением суда не был разрешен вопрос о правах и обязанностях данных лиц, поэтому они не имеют права на его обжалование в кассационном суде общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда с выводом суда кассационной инстанции не согласилась в связи со следующим.

Решением арбитражного суда общество (заемщик) признано несостоятельным (банкротом), в отношении его открыто конкурсное производство. К. и организация (кассаторы) являются конкурсными кредиторами общества, их требования включены в третью очередь реестра кредиторов должника.

В силу пункта 3 статьи 100 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» конкурсный кредитор, требования которого включены в реестр кредиторов, наделяется правом заявлять возражения относительно требований других кредиторов, предъявленных в деле о банкротстве.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда № 3 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда 25 ноября 2015 г., разъяснено, что Закон о банкротстве в пункте 2 статьи 71, пункте 3 статьи 100 наделяет конкурсных кредиторов, уполномоченный орган и арбитражного управляющего правом заявлять возражения относительно требований других кредиторов, предъявленных в деле о банкротстве.

Вместе с тем в соответствии с пунктом 10 статьи 16 Закона о банкротстве разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом в деле о банкротстве, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром.

Из приведенных норм права и акта их толкования следует, что, если судебным актом суда общей юрисдикции, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование другого кредитора, разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле о банкротстве,

конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий вправе обжаловать указанный судебный акт в соответствии с нормами ГПК РФ.

В соответствии с частью 11 статьи 153¹⁰ ГПК РФ определение об утверждении мирового соглашения апелляции обжалованию не подлежит и может быть обжаловано только в суд кассационной инстанции.

Как разъяснено в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда от 22 июня 2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», если жалоба подается лицом, не привлеченным к участию в деле, судьей кассационного суда общей юрисдикции надлежит проверить, содержится ли в жалобе указание на то, какие права или законные интересы заявителя нарушены обжалуемым судебным постановлением (часть 4 статьи 378 ГПК РФ). При отсутствии такого указания судья в соответствии с частью 1 статьи 378² ГПК РФ оставляет кассационную жалобу без движения. В случае неустранения недостатка кассационная жалоба подлежит возвращению в силу пункта 2 части 1 статьи 379¹ ГПК РФ.

Если по результатам рассмотрения дела кассационным судом общей юрисдикции будет установлено, что обжалуемым судебным постановлением не нарушены права и (или) законные интересы лица, не привлеченного к участию в деле, кассационный суд общей юрисдикции оставляет его кассационную жалобу без рассмотрения по существу применительно к пункту 6 части 1 статьи 390 ГПК РФ.

Признание прав и (или) законных интересов лица, не привлеченного к участию в деле, нарушенными обжалуемыми судебными постановлениями является основанием для их отмены (пункт 4 части 4 статьи 379, пункт 2 части 1 статьи 390 ГПК РФ).

Обращаясь с кассационной жалобой в кассационный суд общей юрисдикции, заявители указывали, что мировое соглашение, утвержденное оспариваемым ими определением суда, содержит условие об увеличении размера процентов, подлежащих уплате займодавцу, до 72 % годовых (то есть в 2 раза), что привело к включению в реестр требований кредиторов общества излишней задолженности.

Кроме того, взыскатель является залоговым кредитором, требования которого в силу закона удовлетворяются в преимущественном порядке.

Доводы кассационной жалобы заявителей о том, что с учетом изложенного условия мирового соглашения нарушают их имущественные права как конкурсных кредиторов, а потому они вправе обжаловать определение суда первой инстанции, которым утверждено мировое соглашение, в кассационном порядке, надлежащей оценки со стороны суда кассационной инстанции не получили.

Кроме того, Судебная коллегия признала ошибочным вывод суда о том, что судебный акт может быть признан вынесенным о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, лишь в том случае, если им

устанавливаются права этого лица относительно предмета спора либо возлагаются обязанности на это лицо, а сама по себе заинтересованность в исходе дела у лица, не привлеченного к участию в нем, не наделяет его правом кассационного обжалования судебного акта.

Судом не учтено, что предписания вступившего в законную силу судебного акта могут ставить одного из кредиторов должника в более выгодное положение по отношению к другим кредиторам. Так, взыскание судебным актом задолженности может изменить очередность удовлетворения требований в деле о банкротстве одного из кредиторов, который до этого находился в равных с остальными условиях, что может привести впоследствии к невозможности удовлетворения их требований в связи с отсутствием у должника денежных средств.

В такой ситуации права лица, не привлеченного к участию в деле, могут быть нарушены, например в случае недобросовестности участников процесса или ошибки суда при разрешении спора, что не учтено кассационным судом общей юрисдикции при оставлении без рассмотрения по существу кассационных жалоб заявителей.

Определение № 35-КГ22-8-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о юридических лицах

21. Продавец долей в уставном капитале общества, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности этого общества, отвечает перед покупателем за негативные последствия таких нарушений, выявленных впоследствии уполномоченными органами.

Покупатель приобрел по договорам купли-продажи от 30 августа 2018 г. у компании и у физических лиц (продавцы) 100% долей в уставном капитале общества, о чем внесена запись в Единый государственный реестр юридических лиц.

При отчуждении долей в уставном капитале общества граждане – продавцы, выступающие ответчиками, заверили покупателя в том, что к юридическому лицу не будут предъявлены претензии в отношении его финансово-хозяйственной деятельности и названный хозяйствующий субъект будет соответствовать всем лицензионным требованиям для осуществления деятельности форекс-дилера (далее – заверения).

Впоследствии на основании приказа Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) у общества была аннулирована лицензия профессионального участника рынка ценных бумаг в связи с допущенными в течение 2018 года нарушениями требований законодательства.

Покупатель обратился в арбитражный суд с иском к продавцам – физическим лицам о взыскании неустойки за недостоверные заверения об обстоятельствах по договору купли-продажи.

Отказывая в удовлетворении требований, суды исходили из того, что заверения могут быть даны только о конкретных свершившихся фактах, за достоверность которых сторона и должна нести ответственность перед контрагентом, а все последствия от результатов деятельности хозяйственного общества, не связанные с деятельностью продавцов долей участия в обществе, возникают у покупателя, который в таком случае не вправе требовать уплаты неустойки.

В отношении заверений, данных в договоре, судами указано, что на момент заключения соглашения и до дня перехода права собственности на доли в уставном капитале к покупателю общество обладало действующей лицензией ЦБ РФ на ведение деятельности форекс-дилера и соответствовало лицензионным требованиям для осуществления указанной деятельности. На момент совершения сделки по отчуждению долей в уставном капитале к обществу со стороны ЦБ РФ не были предъявлены претензии в отношении предшествующей деятельности юридического лица.

Допущенные обществом нарушения, приведшие к отзыву лицензии, являлись малозначительными и не рассматривались ЦБ РФ в качестве самостоятельного основания для аннулирования лицензии до момента совершения сделки с долями в уставном капитале юридического лица, которое в целях восстановления прав могло обжаловать действия ЦБ РФ, связанные с аннулированием лицензии, но не воспользовалось данным механизмом.

Судебная коллегия Верховного Суда пришла к выводу, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Определенный статьей 431² ГК РФ механизм ответственности за договорные заверения основывается на том, что предоставление лицом определенной информации может влиять на намерение другого лица установить обязательства.

Применение данного механизма позволяет одной из сторон сделки взять на себя особую ответственность за предоставление информации другой стороне и тем самым в том числе распределить риски наступления нежелательных имущественных последствий между сторонами (например, передать соответствующий риск лицу, которое предоставило значимую для совершения сделки информацию).

С учетом природы рассматриваемого института заверение в том числе может даваться в отношении оснований (причин) возникновения обстоятельства, которое способно проявиться в будущем и в таком случае может стать причиной имущественных потерь лица, полагавшегося на заверения. В предпринимательских отношениях ответственность лица,

давшего заверения, наступает за объективный факт – несоответствие заверений действительности.

Судами установлено, что заверения об обстоятельствах имеют непосредственное отношение к предмету договора купли-продажи долей в уставном капитале общества («продажа бизнеса»).

Продавец долей в уставном капитале, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности общества, по общему правилу, отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления соответствующих нарушений заинтересованными лицами, в том числе контролирующими органами, и не вправе выдвигать возражения, основанные на отсутствии причинно-следственной связи между его поведением и возникновением (выявлением) соответствующих нарушений, неизвестности ему фактов нарушений в деятельности юридического лица, отсутствии его вины в наступлении событий, произошедших после совершения сделки, и т.п.

Указанные условия договора свидетельствуют о том, что ответчики – продавцы долей в уставном капитале предоставили покупателю информацию о соответствии общества обязательным (лицензионным) требованиям на момент совершения сделки, дав заверения о достоверности этой информации. Указанные заверения относятся к предмету договора.

Следовательно, последующий отзыв у общества лицензии на ведение деятельности форекс-дилера в связи с нарушениями, допущенными до перехода прав на доли в уставном капитале к продавцу, образует основания для предъявления к продавцам долей соответствующих требований в силу пунктов 1, 2 статьи 431² ГК РФ.

Покупатель долей в уставном капитале хозяйствующего субъекта, полагавшийся на заверения предыдущих владельцев предприятия (участников общества), обезопасил себя от неблагоприятных имущественных последствий в силу самого факта получения заверений и, соответственно, не обязан обеспечивать оспаривание претензий, предъявленных контрагентами или органами публичной власти за счет общества и (или) за свой счет, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из содержания заверения.

При этом неуведомление предоставившего заверение лица о таких претензиях и непривлечение его в соответствующую административную процедуру или судебный процесс могут служить основанием для снижения его ответственности (статья 404 ГК РФ), если аналогично правовому механизму, предусмотренному статьей 462 ГК РФ (пункт 1 статьи 6 ГК РФ), будет доказано, что, приняв участие в деле и обосновав в нем соответствие заверения действительности полностью или в части, предоставившее заверение лицо могло бы предотвратить или уменьшить потери лица, которому было адресовано заверение.

В данном случае в договоре об отчуждении долей в уставном капитале отсутствует условие о том, что требования, вытекающие из несоответствия действительности заверений, данных гражданами-продавцами, могут быть

предъявлены продавцом только при условии оспаривания в судебном порядке актов контролирующих органов, в том числе ЦБ РФ.

Предположения относительно возможного исхода судебного разбирательства в случае оспаривания обществом приказа ЦБ РФ об отзыве лицензии, с учетом малозначительности выявленных нарушений, не могли служить основанием для отказа в иске по данному делу.

Определение № 305-ЭС22-17862

22. В случае совершения участником общества с ограниченной ответственностью сделки по отчуждению доли в уставном капитале без согласия других участников, получение которого является обязательным согласно уставу общества, последние вправе потребовать в судебном порядке передачи доли обществу.

Участник общества с ограниченной ответственностью, обладающий 75 процентами долей в уставном капитале, направил в адрес общества, а также двух других участников (с долей в уставном капитале общества в размере 12,5 процента у каждого) уведомления о продаже третьим лицам по 3 процента долей в уставном капитале.

Участники общества отказали в даче согласия на отчуждение принадлежащих заявителю долей в пользу третьих лиц.

Несмотря на полученный отказ, между участником (продавец) и двумя физическими лицами (покупатели) заключен договор купли-продажи доли, по условиям которого продавец передал каждому из покупателей по 3 процента доли в уставном капитале общества.

Указанные действия послужили основанием для обращения другого участника в арбитражный суд с иском о признании договора купли-продажи недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу судебные акты по следующим основаниям.

Как указано в пункте 2 статьи 93 ГК РФ, абзаце втором пункта 2 статьи 21 Федерального закона Российской Федерации от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон № 14-ФЗ), продажа либо отчуждение иным образом доли или части доли в уставном капитале общества третьим лицам допускается с соблюдением требований, предусмотренных законом, если это не запрещено уставом общества.

В случае, если уставом общества отчуждение доли или части доли, принадлежащих участнику общества, третьим лицам запрещено и другие участники общества отказались от их приобретения либо не получено согласие на отчуждение доли или части доли участнику общества или третьему лицу при условии, что необходимость получить такое согласие

предусмотрена уставом общества, общество обязано приобрести по требованию участника общества принадлежащую ему долю или часть доли (пункт 3 статьи 93 ГК РФ, абзац первый пункта 2 статьи 23 Закона № 14-ФЗ).

Из приведенных норм вытекает, что право участника общества на отчуждение доли в уставном капитале может быть ограничено уставом общества в целях сохранения персонального состава участников и исключения тем самым рисков произвольного вмешательства третьих лиц в ведение общего дела, что имело бы место в случае изменения состава участников общества волей одного участника без согласования с интересами других участников.

При наличии в уставе общества запрета на отчуждение доли (части доли) или при установлении в уставе особого порядка ее отчуждения, предполагающего получение согласия других участников, он, по общему правилу, распространяется на все способы отчуждения доли (части доли) третьим лицам.

При рассмотрении дела судами установлено, что согласно уставу общества продажа или уступка иным образом участником общества своей доли или части доли в уставном капитале третьим лицам допускается с согласия остальных участников.

Двое других участников общества отказались давать согласие участнику на продажу 6 процентов от принадлежащих ему 75 процентов долей в уставном капитале общества, полагая, что с учетом принятого в обществе порядка голосования на собрании участников каждый участник имеет один голос и, следовательно, любое изменение состава участников приведет к переходу корпоративного контроля.

В силу положений абзаца третьего пункта 18 статьи 21 Закона № 14-ФЗ в случае отчуждения доли или части доли в уставном капитале общества третьим лицам с нарушением порядка получения согласия участников общества участник общества вправе потребовать в судебном порядке передачи доли или части доли обществу.

Поскольку судами не были разрешены вопросы, касающиеся передачи доли обществу от приобретателей, возмещения приобретателям доли уплаченной ими цены и иных расходов, понесенных в связи с ее приобретением, за счет продавца, а также выплаты участнику (продавцу) действительной стоимости отчужденных им долей, как того требуют положения абзаца третьего пункта 18 статьи 21 Закона № 14-ФЗ, дело направлено на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС22-24465

Практика применения законодательства о вещных правах и земельного законодательства

23. В силу Федерального закона от 29 июня 2018 г. № 171-ФЗ акционерное общество «Почта России» вправе предъявлять иски

о защите вещных прав только в отношении недвижимого имущества, которое находилось в пользовании предприятия «Почта России» и право собственности Российской Федерации в отношении которого было прекращено после 1 января 2009 г.

Акционерное общество «Почта России» (далее – общество «Почта России») обратилось в арбитражный суд с иском к публичному акционерному обществу «Ростелеком» (далее – общество «Ростелеком») о признании права собственности Российской Федерации на нежилые помещения.

В обоснование иска акционерное общество указало, что с 1967 года спорные нежилые помещения использовал правопродшественник истца для размещения отделения почтовой связи.

В 1992 году произошло разделение единого предприятия почтовой связи на самостоятельные юридические лица почтовой и электрической связи. В 1994 году имущество предприятия электрической связи было приватизировано, в состав приватизированного имущества вошло здание, в котором расположены помещения почты. На основании плана приватизации право собственности на здание в 2014 году зарегистрировано за обществом «Ростелеком», которое передало спорные помещения правопродшественнику в пользование на основании договора аренды.

По мнению истца, в отсутствие разделительного баланса, составленного в соответствии с приказом Министерства связи Российской Федерации от 24 ноября 1992 г. № 433, предприятие электрической связи не имело оснований регистрировать за собой право собственности на здание вместе с помещениями, занимаемыми предприятием почтовой связи.

Истец сослался на положения статьи 20 Федерального закона от 29 июня 2018 г. № 171-ФЗ «Об особенностях реорганизации федерального государственного унитарного предприятия «Почта России», основах деятельности акционерного общества «Почта России» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 171-ФЗ), согласно которой все объекты недвижимости, находившиеся в пользовании предприятия «Почта России» на любых основаниях, вне зависимости от факта регистрации права собственности муниципального образования или субъекта Российской Федерации, должны быть учтены в качестве дополнительного вклада Российской Федерации в уставный капитал общества «Почта России».

Суды удовлетворили иск, согласившись с доводами общества «Почта России».

При этом суды сделали вывод о том, что в силу самого факта использования спорного имущества обществом «Почта России» для предоставления услуг почтовой связи это имущество подлежит передаче в собственность Российской Федерации для дальнейшего внесения его в качестве вклада в уставный капитал истца.

Судебная коллегия Верховного Суда признала неправильным вывод судов о том, что общество «Почта России» вправе на основании Закона № 171-ФЗ заявлять требования, касающиеся имущества, переданного Российской Федерации в порядке законодательства о приватизации в частную собственность, отменила принятые по делу судебные акты и отказала обществу «Почта России», указав следующее.

После образования Российской Федерации порядок разграничения государственного имущества был установлен постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 3020-I (далее – Постановление № 3020-I), а основы передачи государственного и муниципального имущества при преобразовании государственных и муниципальных предприятий регулировались Законом Российской Федерации от 3 июля 1991 г. № 1531-I «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации».

На момент принятия Постановления № 3020-I спорные помещения в составе здания находились на балансе и во владении единой организации почтовой и телефонной (электрической) связи.

В соответствии с приказом Министерства связи Российской Федерации от 24 ноября 1992 г. № 433 произведено разделение почтовой и электрической связи с отнесением почтовой связи к ведению Федерального управления почтовой связи при Министерстве связи Российской Федерации, а электрической связи – к ведению предприятия «Россвязьинформ» с передачей основных и оборотных средств во вновь создаваемые структурные подразделения почтовой и электрической связи по разделительному балансу с расшифровкой по всем выделенным структурам.

План приватизации предприятия «Россвязьинформ» утвержден 24 мая 1994 г. Здание, в котором расположены спорные нежилые помещения, включено в план приватизации предприятия «Россвязьинформ» и передано в уставный капитал образованного в результате приватизации акционерного общества открытого типа «Электросвязь».

Таким образом, при разделе основных средств между организациями почтовой и электрической связи все здание, в том числе спорные помещения, оставлено на балансе общества «Электросвязь», указанные помещения в состав имущества почтовой связи не вошли.

Из изложенного следует, что Российская Федерация как собственник, включив в план приватизации предприятия «Россвязьинформ» указанное здание, выразила свою волю на отчуждение спорного имущества в порядке приватизации в собственность общества «Электросвязь», правопреемником которого является ответчик общество «Ростелеком», и, следовательно, с указанного момента утратила на него право собственности.

Ни Российская Федерация, ни предприятие «Почта России» (правопреемник общества «Почта России») более 25 лет не оспаривали правомерность приватизации спорного имущества обществом «Ростелеком».

Ответчик доказал законность возникновения у него права собственности на спорные помещения (статья 12 ГК РФ, пункт 59 постановления Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Арбитражного Суда от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»). Оснований, предусмотренных статьей 235 ГК РФ, для прекращения возникшего в результате приватизации федерального имущества (статья 217 ГК РФ) права собственности общества «Ростелеком» на спорные помещения не имеется.

В силу частей 24 и 25 статьи 19 Закона № 171-ФЗ, определяющего особенности правового регулирования отношений в области организации, создания основ деятельности общества «Почта России», в состав имущественного комплекса предприятия «Почта России», подлежащего передаче обществу «Почта России» в качестве вклада Российской Федерации в уставный капитал, подлежали включению объекты недвижимого имущества, находящиеся только в собственности Российской Федерации и предоставленные Российской Федерацией предприятию на праве аренды.

Данным специальным законом (часть 36 статьи 19 Закона № 171-ФЗ) предусмотрено право общества «Почта России» на предъявление исков о праве только в отношении недвижимого имущества, которое находилось в пользовании предприятия «Почта России» и право собственности Российской Федерации в отношении которого было прекращено после 1 января 2009 г.

Определение № 305-ЭС22-26784

24. Лицо, которому вступившим в законную силу решением суда отказано в виндикации объекта недвижимого имущества, вправе обратиться с заявлением о регистрации прекращения зарегистрированного за ним права на такое имущество.

Общество обратилось к Управлению Росреестра (далее – управление) с заявлением о снятии с государственного кадастрового учета и государственной регистрации прекращения его права собственности в отношении нежилого здания.

Управление отказало в снятии с государственного кадастрового учета и прекращении права собственности общества на объект недвижимости в связи с непредставлением регистрирующему органу решения суда о признании права заявителя отсутствующим.

При этом обществом ранее в отношении спорного имущества, на которое за ним зарегистрировано право собственности, был заявлен иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения предприятия. Вступившим в законную силу решением суда в удовлетворении заявленных требований обществу отказано.

Полагая, что отказ управления не соответствует закону и нарушает его права и законные интересы, общество обратилось в арбитражный суд.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды сделали вывод, что заявителем не представлены документы, необходимые для снятия спорного объекта недвижимости с кадастрового учета и прекращения права собственности общества на него, заявителем избран неверный способ защиты своих прав и законных интересов, а у регистрирующего органа отсутствуют правовые основания для совершения указанных действий.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

Рассматривая заявление по данному делу, суды установили наличие в Едином государственном реестре недвижимости сведений о зарегистрированном праве собственности общества и права федеральной собственности на один и тот же объект недвижимости.

Отказывая в удовлетворении иска общества об истребовании имущества из чужого незаконного владения предприятия, которому спорное имущество передано, суд установил, что оно относится к федеральной собственности, на него возникло право хозяйственного ведения предприятия, оно фактически находится во владении предприятия и во владение общества никогда не поступало.

Таким образом, отказом в иске, заявленном обществом на основании статьи 301 ГК РФ, был разрешен материальный спор о принадлежности имущества и его правообладателе.

Обеспечение принципа достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости, закрепленного в части 1 статьи 7 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о регистрации), является необходимым условием стабильности гражданского оборота и защиты вещных прав управомоченных лиц. Достоверность публичного реестра о правах на недвижимое имущество обеспечивает интерес не только третьих лиц, заинтересованных в получении информации об объектах недвижимости, но и самих правообладателей, в отношении которых внесены сведения о принадлежности им имущества.

Соглашаясь с отказом управления, суды не учли, что обществом было оспорено зарегистрированное право федеральной собственности по иску о vindикации спорного имущества, избранный способ защиты прав соответствует статье 12 ГК РФ, материальный спор между сторонами разрешен судом, признавшим надлежащим собственником имущества Российскую Федерацию, а предприятие – субъектом права хозяйственного ведения.

Поскольку спор о правах на недвижимость по существу исчерпан, основной целью обращения общества в управление было погашение, по сути, недостоверной записи о принадлежности спорного имущества обществу,

основания для исправления которой возникли после результатов разрешенного спора о правах на недвижимость, поскольку на одно и то же имущество были зарегистрированы права разных лиц, а это является недопустимым.

С учетом того, что с актом государственной регистрации прав на недвижимое имущество закон связывает возникновение вещных прав у лиц, сведения о которых внесены как об управомоченных лицах, приобретающих в связи с этим права и обязанности, предусмотренные для собственника, отказ в изменении сведений в реестре по установленным по данному делу основаниям нарушает права как надлежащего собственника имущества, так и общества, не являющегося им в материальном смысле и заинтересованного в изменении сведений о нем.

Изложенный подход направлен на устранение наличия в реестре прав на недвижимое имущество недостоверной записи, внесенной до разрешения спора о правах разных лиц на один объект.

Таким образом, лицо, которому вступившим в законную силу решением суда отказано в виндикации объекта недвижимого имущества, вправе обратиться с заявлением о регистрации прекращения права на такое имущество.

Определение № 302-ЭС23-5987

Споры, возникающие из обязательственных отношений

25. Лизингодатель отвечает за убытки, причинные лизингополучателю в случае, если предварительная оплата за предмет лизинга произведена с нарушением порядка, согласованного с лизингополучателем, и предмет лизинга не передан лизингополучателю.

Между истцом (лизингополучатель) и ответчиком (лизингодатель) заключен договор лизинга, по условиям которого лизингодатель обязался приобрести и передать лизингополучателю самоходную технику.

Для приобретения техники лизингополучатель перечислил предусмотренный договором лизинга авансовый платеж.

Во исполнение договора лизинга лизингодатель обратился к продавцу для заключения договора купли-продажи и на основании выставленного счета перечислил продавцу техники предварительную оплату.

Впоследствии товар продавцом поставлен не был, что послужило основанием для обращения лизингополучателя в суд с иском к лизингодателю о возврате уплаченного авансового платежа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требования о взыскании авансового платежа отказано по тому основанию, что в силу пункта 2 статьи 22 Федерального закона

от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее – Закон о лизинге) риск неисполнения продавцом обязанностей по договору купли-продажи предмета лизинга и связанные с этим убытки несет сторона договора лизинга, которая выбрала продавца, то есть в данном случае – истец.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

Из положений статей 2 и 4 Закона о лизинге, пункта 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда от 14 марта 2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» (далее – постановление № 17) следует, что функция лизингодателя в договоре лизинга не предполагает самостоятельного использования им предмета лизинга в своей предпринимательской деятельности, а состоит в финансовом посредничестве – приобретении необходимого лизингополучателю имущества за счет средств, полученных от лизингополучателя (авансовый платеж по договору лизинга), а также за счет финансирования, предоставленного самим лизингодателем.

При выплате продавцу средств, полученных от лизингополучателя, лизингодатель, во всяком случае, обязан действовать, проявляя разумную заботливость об интересах лизингополучателя. Если лизингодателем не была проявлена должная осмотрительность на стадии заключения договора с продавцом, на основании пункта 1 статьи 393 ГК РФ лизингополучатель вправе требовать возмещения обусловленных этим нарушением убытков, в том числе в размере уплаченного лизингодателю авансового платежа.

В соответствии с условиями договора купли-продажи права и обязанности сторон по нему возникают с момента подписания договора и предусмотренная договором предварительная оплата должна быть перечислена в течение пяти дней со дня возникновения прав и обязанностей по договору. Договор купли-продажи должен быть подписан представителями продавца, лизингодателя и лизингополучателя и составляется в четырех подлинных экземплярах (по одному для продавца и лизингополучателя, один – для лизингодателя, один – для совершения регистрационных действий в уполномоченных государственных органах), имеющих одинаковую юридическую силу.

Истец получил от лизингодателя для подписания все экземпляры договора купли-продажи, не содержащие подписей продавца, после чего подписанные со стороны лизингополучателя экземпляры договора были переданы лизингодателю. Однако со стороны продавца указанные экземпляры договора так и не были подписаны.

При этом из материалов дела не следует, что, совершая действия, отклоняющиеся от требований должной заботливости и осмотрительности (в частности, направляя продавцу предварительную оплату до завершения оформления договора купли-продажи и без какого-либо обеспечения

исполнения обязательств со стороны последнего), лизингодатель получил одобрение лизингополучателя на совершение названных действий.

Таким образом, предварительная оплата продавцу фактически была произведена за счет средств, полученных от лизингополучателя, в нарушение порядка заключения договора купли-продажи, согласованного с лизингополучателем и без проявления необходимой осмотрительности, в связи с чем выводы судов об отказе в удовлетворении иска о возмещении убытков в размере уплаченного лизингополучателем авансового платежа не могут быть признаны обоснованными.

Определение № 305-ЭС22-27168

26. Навязанное лизингополучателю при заключении договора условие о значительной неустойке, начисляемой за нарушение дополнительной обязанности лизингополучателя и не направленной на компенсацию каких-либо имущественных потерь лизингодателя, признается судом ничтожным.

Общество (лизингодатель) и предприниматель (лизингополучатель) заключили договор финансовой аренды (лизинга) автомобиля. Впоследствии общество направило предпринимателю уведомление о расторжении договора в связи с допущенной просрочкой в уплате лизинговых платежей и изъяло предмет лизинга.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с исковым заявлением к обществу. В обоснование иска предприниматель указал, что в результате изъятия лизингодателем предмета лизинга и с учетом уплаченных ежемесячных лизинговых платежей, авансового платежа, страховой премии и оплаты сервисного обслуживания на стороне лизингодателя возникло неосновательное обогащение.

Суды, определив сальдо встречных обязательств сторон (при расчете сальдо суды учли стоимость возвращенного предмета лизинга, сумму предоставленного лизингополучателю финансирования, плату за названное финансирование, а также начисленные лизингодателем штрафные санкции), сделали вывод об отсутствии на стороне лизингодателя неосновательного обогащения и отказали в удовлетворении иска. Суды указали, что при заключении договора истец должен был предвидеть наступление установленных Правилами лизинга транспортных средств, опубликованными на сайте лизингодателя (далее – правила лизинга) и являющимися неотъемлемой частью договора, неблагоприятных последствий в случае нарушения договорных обязательств; условия о безакцептном списании и применении штрафной неустойки сформулированы в договоре ясно, не были сокрыты от лизингополучателя, им не оспаривались.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

При реализации права на получение неустойки, как и при осуществлении любого иного гражданского права, в силу положений пункта 3 статьи 1, пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 307 ГК РФ сторона обязательства должна действовать добросовестно – учитывать права и законные интересы другой стороны, воздерживаться от намеренного причинения вреда.

Суд вправе отказать в присуждении неустойки в пользу лица, действия которого носят заведомо недобросовестный характер, в частности, если лицо утратило интерес к обязательству, в отношении которого установлена неустойка, но продолжает требовать ее уплаты.

В данном случае неустойка начислена лизингодателем за неисполнение лизингополучателем обязанности обеспечить более выгодные условия безакцептного списания денежных средств с банковского счета на случай просрочки в уплате платежей: если в соответствии с пунктом 1 статьи 13 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» право на безакцептное списание возникает у лизингодателя при двукратной просрочке в уплате лизинговых платежей, то согласно условиям договора право безакцептного списания должно быть обеспечено уже при однократной просрочке.

Законный интерес кредитора в получении возможности безакцептного списания денежных средств со счета должника состоит в преимущественном оперативном удовлетворении его требований по сравнению с требованиями других кредиторов. Однако право на безакцептное списание, даже если оно было бы предоставлено кредитору, не гарантирует устранения имущественных потерь. Данное право фактически может быть реализовано только при наличии денежных средств на счете должника в соответствующем размере.

При рассмотрении дела не установлено, что в течение всего периода исполнения договора общество сталкивалось с необходимостью безакцептного списания денежных средств с банковского счета предпринимателя. После возникновения просрочки в уплате лизинговых платежей общество в одностороннем порядке отказалось от исполнения договора, изъяло у лизингополучателя предмет лизинга и продало его, то есть имевшиеся у лизингодателя требования были удовлетворены за счет выручки, поступившей от продажи предмета лизинга, без необходимости прибегать к безакцептному списанию денежных средств со счета.

При этом в связи с допущенной просрочкой в уплате лизинговых платежей на основании пункта 9.1 правил лизинга общество начислило неустойку, которая, как предполагается, направлена на компенсацию имущественных потерь лизингодателя, связанных с неисполнением денежного обязательства в срок.

Не заявляя в течение более чем двух лет о наличии у лизингополучателя обязанности по заключению соглашения с банком и уплате неустойки, начисленной на основании условий договора, лизингодатель способствовал

увеличению (накоплению) суммы неустойки. В результате начисленная сумма неустойки превысила стоимость предмета лизинга (неустойка в данном размере впервые отражена лизингодателем в расчете сальдо лишь после предъявления предпринимателем иска в суд).

Судебная коллегия пришла к выводу о том, что данная неустойка установлена лизингодателем за неисполнение дополнительной (вспомогательной) обязанности и не имеет прямого отношения к пользованию денежными средствами при исполнении договора лизинга.

При этом с учетом расторжения договора поведение лизингодателя свидетельствует о том, что при начислении неустойки он не имел в действительности какого-либо интереса в защите своего права на безакцептное списание денежных средств, а действовал во вред лизингополучателю, стремясь избежать выплаты причитающихся ему денежных средств, то есть исключительно с намерением обогатиться за счет другой стороны обязательства.

Определение № 307-ЭС23-5453

Практика применения законодательства об энергоснабжении и оказании коммунальных услуг

27. Временное технологическое присоединение, инициированное в целях осуществления мероприятий по технологическому присоединению с применением постоянной схемы электроснабжения, не подлежит оплате по стандартизированной тарифной ставке.

Между обществом (сетевой организацией) и (заявителем) 24 марта 2021 г. заключен договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям энергопринимающих устройств. По условиям договора плата за технологическое присоединение составила 550 руб.

Впоследствии заявитель 5 апреля 2021 г. подал заявку о технологическом присоединении того же объекта по временной схеме электроснабжения, по результатам рассмотрения которой стоимость такого присоединения составила 39 652 руб. 18 коп.

Департамент государственного регулирования тарифов (далее – департамент), рассмотрев обращение заявителя, определил, что плата за технологическое присоединение энергопринимающих устройств заявителя к электрическим сетям общества должна составлять 550 руб.

Несогласие общества с вынесенным департаментом приказом послужило основанием для обращения общества в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что оспариваемый приказ соответствует положениям законодательства,

регулирующего спорные отношения, не нарушает права общества, и отказали в удовлетворении заявленных требований.

Отменяя судебные акты и удовлетворяя заявленные обществом требования, суд округа исходил из того, что одновременное получение льготной цены за временное и постоянное технологическое присоединение противоречит пункту 17 Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861 (далее – Правила № 861). Суд отметил, что в данном случае повторное предоставление льготы по заявке от 5 апреля 2021 г. на временное технологическое присоединение к электрическим сетям при наличии находящегося на исполнении заключенного договора от 24 марта 2021 г. на постоянное технологическое присоединение того же объекта, по которому установлен льготный размер платы за технологическое присоединение в размере 550 руб., направлено на злоупотребление правом со стороны потребителя, поскольку изменение договора от 24 марта 2021 г. в части цены уже невозможно, а в силу абзаца пятого пункта 9 Методических указаний по определению размера платы за технологическое присоединение к электрическим сетям, утвержденных приказом Федеральной антимонопольной службы от 29 августа 2017 г. № 1135/17 (далее – Методические указания), в границах муниципальных районов, городских округов и на внутригородских территориях федерального значения одно и то же лицо может осуществить технологическое присоединение в размере, не превышающем 550 руб., не более одного раза в течение 3 лет со дня подачи заявителем заявки на технологическое присоединение до дня подачи следующей заявки.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила постановление арбитражного суда округа, судебные акты первой и апелляционной инстанций оставила в силе, указав следующее.

Согласно статье 26 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» технологическое присоединение к объектам электросетевого хозяйства энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, в том числе объектов микрогенерации, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, и носит однократный характер.

Порядок технологического присоединения установлен Правилами № 861.

Согласно пункту 2 Правил № 861 технологическое присоединение энергопринимающих устройств осуществляется с применением временной или постоянной схемы электроснабжения.

Временная схема электроснабжения согласно пункту 53 Правил № 861 осуществляется до наступления срока технологического присоединения с применением постоянной схемы электроснабжения, установленного договором.

В данном случае временное технологическое присоединение инициировано заявителем в отношении объекта, технологическое присоединение энергопринимающих устройств которого с применением постоянной схемы электроснабжения являлось предметом договора от 24 марта 2021 г., в целях исполнения обязательств именно по этому договору; величина запрашиваемой мощности, категория надежности (третья) совпадали.

Применительно к данному случаю временное технологическое присоединение к электрическим сетям обусловлено осуществлением мероприятий по технологическому присоединению по постоянной схеме, не является самостоятельным и влечет фактическое подключение энергопринимающих устройств потребителя к сетям сетевой организации на постоянной основе только в результате исполнения договора технологического присоединения по постоянной схеме, имеющего однократный и бессрочный характер.

Применение предусмотренного абзацем восьмым пункта 17 Правил № 861 ограничения к договорам временного технологического присоединения, заключаемым на период осуществления мероприятий по технологическому присоединению энергопринимающих устройств с использованием постоянной схемы электроснабжения, нивелирует смысл предоставления указанной льготы, поскольку работы, проводимые в рамках временной схемы электроснабжения, как правило, направлены на создание условий осуществления технологического присоединения по постоянной схеме электроснабжения и (или) являются частью этих работ.

В связи с этим судами первой и апелляционной инстанций сделан правомерный вывод об отсутствии оснований для взимания с потребителя платы за временное технологическое присоединение по стандартизированной тарифной ставке.

Определение № 308-ЭС22-28041

28. Заключение между собственниками помещений в многоквартирном доме (в случае отсутствия в нем централизованного горячего водоснабжения) и ресурсоснабжающей организацией прямых договоров на поставку тепловой энергии для приготовления горячей воды законодательством не предусмотрено.

В управлении общества находится многоквартирный дом (далее – МКД), в котором отсутствует централизованное горячее водоснабжение,

а приготовление горячей воды осуществляется с использованием индивидуального теплового пункта (ИТП), входящего в состав общего имущества собственников помещений в МКД, путем подогрева холодной воды, поставляемой водоканалом.

Между компанией (ресурсоснабжающая организация; единая теплоснабжающая организация) и обществом (исполнитель) заключен договор, в соответствии с которым компания обязалась поставлять коммунальный ресурс – горячую воду, используемую для предоставления коммунальных услуг, а общество – оплачивать коммунальный ресурс и обеспечивать безопасную эксплуатацию и исправность внутридомовых инженерных систем, с использованием которых осуществляется потребление коммунального ресурса собственниками помещений в МКД.

Впоследствии общим собранием собственников помещений в МКД принято решение о заключении собственниками помещений прямых договоров с ресурсоснабжающими организациями на поставку коммунальных ресурсов – водоснабжения, водоотведения, электроснабжения, теплоснабжения.

Компания уведомила общество о том, что договор о предоставлении коммунальной услуги «отопление» будет заключен с собственниками помещений в МКД с 1 июля 2021 г.

За поставленную в МКД в период с 1 августа 2021 г. по 30 сентября 2021 г. тепловую энергию (теплоноситель) в целях приготовления горячей воды компания выставила обществу счета-фактуры, отказ от оплаты которых послужил основанием для обращения компании в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности.

Отказывая в иске, суды пришли к выводу о том, что договор между истцом и ответчиком в части поставки в МКД тепловой энергии для приготовления горячей воды на индивидуальные нужды прекратил свое действие в силу принятия общим собранием собственников помещений в МКД решения о переходе на прямые договоры с истцом, от заключения которых последний не вправе был уклониться, тогда как свои обязательства по оплате тепловой энергии на приготовление горячей воды в целях содержания общего имущества в МКД общество исполнило в полном объеме.

При этом довод истца о невозможности перехода на прямые договоры по горячему водоснабжению при децентрализованной системе ГВС отклонен судами со ссылкой на то, что в пункте 1 части 1 статьи 157² Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) не установлено ограничений для перехода на такие договоры в отношении МКД, не оборудованного централизованной системой ГВС.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Исчерпывающий перечень видов предоставляемых потребителям коммунальных услуг содержится в пункте 4 Правил предоставления

коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 (далее – Правила № 354). При этом предоставление коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в МКД осуществляется исполнителем коммунальных услуг, которым в соответствии с пунктом 9 Правил № 354 может выступать управляющая организация, товарищество или кооператив, созданные в МКД, или ресурсоснабжающая организация.

В случае отсутствия в МКД централизованного горячего водоснабжения снабжение горячей водой потребителей в таком доме осуществляется исполнителем путем самостоятельного производства и предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению с использованием оборудования, входящего в состав общего имущества собственников помещений в МКД (подпункт «б» пункта 4, пункт 54 Правил № 354).

Действующее жилищное законодательство (пункт 4⁴ части 2 статьи 44, пункт 1 части 1 статьи 157² ЖК РФ) предусматривает возможность перехода собственников и пользователей помещений в МКД на прямые договоры с ресурсоснабжающими организациями только в отношении строго определенного перечня коммунальных услуг (коммунальных ресурсов). Поскольку поставляемая компанией в спорный МКД «тепловая энергия на подогрев воды» не относится к коммунальным услугам, а входящее в состав общего имущества собственников помещений в МКД оборудование не использовалось компанией для самостоятельного приготовления горячей воды (пункт 4 Правил № 354), вывод судов о том, что жилищное законодательство не устанавливает ограничений для перехода на прямые договоры собственников помещений с ресурсоснабжающими организациями в отношении МКД, не оборудованных централизованной системой ГВС, является ошибочным. Иной подход означал бы возложение на ресурсоснабжающую организацию в отсутствие какого-либо правового основания (договоров аренды, оказания услуг и т.п.) бремени содержания и ремонта внутридомового оборудования, с помощью которого готовится горячая вода, а также обязанностей по приобретению необходимой для оказания услуги по ГВС холодной воды и по контролю качества коммунальной услуги и его соответствия жилищному законодательству.

Из систематического толкования пункта 1 части 1 статьи 157² ЖК РФ, пунктов 4 и 54 Правил № 354 следует, что коммунальная услуга по ГВС в МКД с нецентрализованной системой ГВС может быть предоставлена только исполнителем, осуществляющим эксплуатацию относящегося к общему имуществу собственников помещений в МКД внутридомового оборудования, с помощью которого приготавливается горячая вода, и, следовательно, заключение собственниками помещений прямых договоров с ресурсоснабжающей организацией, поставляющей только один

из необходимых для приготовления горячей воды компонентов (тепловую энергию), не допускается. Таким образом, отказ компании от перехода на прямые договоры по поставке тепловой энергии на подогрев воды является правомерным.

С учетом изложенного у судов отсутствовали основания для вывода о том, что заключенный между истцом и ответчиком договор в части поставки в МКД тепловой энергии для приготовления горячей воды на индивидуальные нужды прекратил свое действие в силу принятия общим собранием собственников помещений в МКД решения о переходе на прямые договоры с истцом. Поскольку жилищное законодательство не предусматривает заключение таких прямых договоров, решение общего собрания собственников в этой части не повлекло никаких юридических последствий и не могло служить единственным основанием для отказа в иске.

Определение № 307-ЭС23-2986

Практика применения законодательства о налогах и сборах

29. Возврат сумм налогов, излишне внесенных в бюджет в результате издания незаконного нормативного правового акта в сфере налогообложения, осуществляется с выплатой налогоплательщику процентов в порядке и сроки, установленные для возврата излишне взысканных налогов.

Общество является плательщиком налога на имущество организаций в отношении принадлежащего ему на праве собственности здания, которое ежегодно включалось в Перечень объектов недвижимого имущества, утвержденный постановлением Правительства г. Москвы от 28 ноября 2014 г. № 700-ПП, в отношении которых налоговая база определяется как их кадастровая стоимость, в связи с чем налог на имущество за налоговые периоды 2017–2021 годов исчислялся и уплачивался обществом с учетом особенностей, установленных статьей 378² НК РФ, а именно исходя из кадастровой стоимости имущества.

Впоследствии вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции отдельные положения указанного Перечня, в котором было обозначено принадлежащее налогоплательщику здание, признаны не действующими с момента начала того налогового периода, на который они изначально распространяли свое действие.

Общество обратилось в налоговый орган с заявлением о возврате образовавшейся переплаты по налогу на имущество с начислением процентов за период со дня, следующего за днем взыскания по день фактического возврата налога, по которому получило отказ в возврате.

Не согласившись с отказом налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования общества удовлетворены.

Суд кассационной инстанции принятые судебные акты отменил, в удовлетворении требований отказал в связи с пропуском срока на возврат налога.

Судебная коллегия Верховного Суда, рассматривая жалобу на постановление кассационного суда, отметила следующее.

Законодательство о налогах и сборах устанавливает публично-правовые механизмы восстановления имущественного положения плательщика при излишней уплате или излишнем взыскании публичных платежей.

Из положений статей 78 и 79 НК РФ (в редакции, действовавшей в период возникновения спорных правоотношений до вступления в силу Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ) следует, что первая регулирует порядок возврата излишне уплаченных сумм, а вторая – излишне взысканных сумм налогов и сборов. В зависимости от того, имела место излишняя уплата либо допущено излишнее взыскание налога, законодателем решен вопрос о начислении процентов и периоде, за который они начисляются.

Если основанием для излишнего поступления налогов в бюджет послужило издание незаконного нормативного правового акта в сфере налогообложения (статья 6 НК РФ), спорные суммы налогов должны рассматриваться как излишне взысканные с начислением процентов по соответствующим правилам. Такие суммы налогов не могут рассматриваться как излишне уплаченные, поскольку в упомянутой ситуации налогоплательщик не допустил ошибки, а исполнял требование нормативного правового акта, впоследствии признанного незаконным.

Таким образом, в рассматриваемой ситуации применимы положения статьи 79 НК РФ, устанавливающие правила возврата сумм излишне взысканных налогов.

Вместе с тем возврат излишне взысканного налога с начислением процентов производится при условии, что налогоплательщик обратился с заявлением о возврате в течение трех лет со дня, когда ему стало известно о факте излишнего взыскания с него налога.

По своему буквальному содержанию данная норма связывает начало течения срока на обращение налогоплательщика за возвратом излишне взысканных сумм налогов и выплатой процентов с совокупностью двух обстоятельств: во-первых, сумма налога должна быть внесена в бюджет и, во-вторых, налогоплательщику должно быть ясно, что налог незаконно взимается с него в повышенном размере.

О возникновении в будущем оснований для взимания налога на имущество организаций исходя из кадастровой стоимости налогоплательщик, как правило, узнает еще до наступления очередного

налогового периода – из результатов проведенных уполномоченными органами мероприятий по определению вида фактического использования зданий (строений, сооружений) и нежилых помещений для целей налогообложения.

Следовательно, установленный пунктом 3 статьи 79 НК РФ трехлетний срок на обращение налогоплательщика за возвратом налога и выплатой процентов должен исчисляться со дня исполнения налоговой обязанности за налоговый (отчетный) период, в котором утверждена оспариваемая кадастровая стоимость.

С учетом изложенного Судебная коллегия Верховного Суда отменила принятые судебные акты и для установления обстоятельств, связанных с определением срока для возврата излишне взысканных налогов, направила дело на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС23-2253

Процессуальные вопросы

30. Если расходы по уплате арбитражного сбора за рассмотрение дела третейским судом возникли после даты принятия заявления о банкротстве должника, то требование о выдаче исполнительного листа на принудительное взыскание таких расходов является текущим и может быть рассмотрено вне рамок дела о банкротстве.

Решением третейского суда с компании в пользу общества взысканы расходы по уплате арбитражного сбора.

Впоследствии определением арбитражного суда в отношении компании введена процедура банкротства – наблюдение.

Требования общества, являвшиеся предметом рассмотрения в ходе третейского разбирательства, включены в реестр требований кредиторов компании.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в части взыскания с компании расходов по уплате арбитражного сбора.

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, заявление оставлено без рассмотрения.

Суды указали, что на момент рассмотрения указанного заявления в отношении компании была введена процедура наблюдения в рамках дела о банкротстве, следовательно, заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда не подлежит рассмотрению в данном деле.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила принятые судебные акты и направила дело для рассмотрения по существу, указав следующее.

В силу абзаца второго пункта 1 статьи 63, абзаца второго пункта 1 статьи 81, абзаца восьмого пункта 1 статьи 94 и абзаца седьмого пункта 1 статьи 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ) с даты введения наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены только в рамках дела о банкротстве в порядке статей 71 или 100 Закона № 127-ФЗ (пункт 27 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»).

В связи с этим все исковые заявления о взыскании с должника долга по денежным обязательствам и обязательным платежам, за исключением текущих платежей и неразрывно связанных с личностью кредитора обязательств должника-гражданина, поданные в день введения наблюдения или позднее во время любой процедуры банкротства, подлежат оставлению без рассмотрения на основании пункта 4 части 1 статьи 148 АПК РФ.

К текущим платежам, предъявляемым кредиторами должнику относятся, если иное не установлено Законом № 127-ФЗ, денежные обязательства, возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом (статья 5 Закона № 127-ФЗ, пункт 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда от 23 июля 2009 г. № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» (далее – постановление № 63).

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 16 постановления № 63, обязанность по возмещению судебных расходов (расходов на оплату услуг представителя, государственной пошлины и т.д.), понесенных лицом, в пользу которого принят судебный акт, для целей квалификации в качестве текущего платежа считается возникшей с момента вступления в законную силу судебного акта о взыскании указанных расходов.

Поскольку арбитражный сбор, исходя из его правовой природы, является расходами, понесенными в целях защиты нарушенного (оспоренного) права, указанное разъяснение применимо и к случаям, связанным с взысканием арбитражного сбора за рассмотрение дела третейским судом.

В рассматриваемом деле обязательство по уплате арбитражного сбора возникло после даты принятия заявления о признании компании банкротом, следовательно, требование о выдаче исполнительного листа на принудительное взыскание расходов по уплате арбитражного сбора является текущим, и на него, в силу указанных выше положений Закона № 127-ФЗ и разъяснений высших судебных инстанций, не распространяется условие о предъявлении в рамках дела о банкротстве.

С учетом указанных обстоятельств, а также того, что суды не опровергли классификацию заявителя расходов по уплате арбитражного сбора как текущих платежей, но соответствующие нормы Закона № 127-ФЗ и разъяснения высших судебных инстанций не применили, оставление заявления без рассмотрения фактически привело к тому, что заявитель не смог реализовать право на судебную защиту.

Таким образом, у судов отсутствовали основания для оставления заявления общества без рассмотрения.

Определение № 305-ЭС22-28568

31. При разрешении вопроса о компетенции арбитражных судов Российской Федерации по экономическим спорам, осложненным иностранным элементом, судам в соответствии с принципом наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации следует учитывать фактическое место исполнения договора.

Администрация округа обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности, ссылаясь на неисполнение администрацией округа условий партнерского соглашения, заключенного между администрацией муниципалитета и администрацией округа, для реализации проекта Программы приграничного сотрудничества Литва – Россия на 2014–2020 годы.

Возвращая исковое заявление, суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, счел спор неподсудным арбитражным судам Российской Федерации, основываясь на общих положениях статьи 247 АПК РФ, а также отметив отсутствие исключительной компетенции арбитражного суда на рассмотрение данного дела.

Судебная коллегия Верховного Суда отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

При решении вопроса о принятии (возврате) искового заявления по экономическому спору, возникающему из отношений, осложненных иностранным элементом, арбитражный суд проверяет, не относится ли рассмотрение такого спора к исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации (пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом») (далее – постановление № 23).

Из системного толкования пункта 1 части 2, пункта 1 части 3 статьи 248¹ АПК РФ и с учетом целей законодательного регулирования следует, что сам по себе факт введения в отношении российского лица мер ограничительного характера предполагается достаточным для вывода

об ограничении доступа такого лица к правосудию в иностранном государстве.

Введение иностранными государствами ограничительных мер (запретов и персональных санкций) в отношении российских лиц поражает их в правах как минимум репутационно и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами.

В данном случае в ходе судебного разбирательства администрация округа последовательно ссылаясь на фактически введенный властями Литовской Республики с 19 сентября 2022 г. запрет въезда на территорию Литовской Республики гражданам Российской Федерации, что в силу части 1 статьи 69 АПК РФ может быть отнесено к общеизвестным фактам, не требующим доказывания.

Суды не дали правовой оценки указанным доводам, хотя они свидетельствуют о том, что, по сути, Литовской Республикой в отношении неопределенного круга лиц – граждан Российской Федерации введены дискриминационные меры ограничительного характера, затрудняющие обращение в суды указанного иностранного государства ввиду невозможности осуществить представление интересов, что с очевидностью препятствует доступу к правосудию администрации округа как российскому юридическому лицу.

Приведенные администрацией округа доводы могут свидетельствовать о нарушении права администрации округа на личное участие в судебном заседании, являющегося неотъемлемым элементом принципа состязательности и равноправия сторон.

Следует также учесть, что распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р утвержден «Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия», в который входят государства – члены Европейского союза, в том числе Литовская Республика.

Вместе с тем въезд на территорию Российской Федерации гражданам Литовской Республики не запрещался, право на судебную защиту не ограничивалось, что также подтверждает возможность полноценного рассмотрения спора между сторонами именно российским арбитражным судом.

Суд первой инстанции в определении о возвращении искового заявления сослался на то, что администрацией округа не представлено соглашение сторон об определении компетенции арбитражных судов в Российской Федерации в отношении возникшего спора. Суд также указал, что партнерское соглашение подписано на территории Литовской Республики и регулируется законодательством Литовской Республики.

При этом в партнерском соглашении стороны не определили страну, суд которой компетентен рассматривать возникающие по нему споры, какое-либо исполнимое соглашение о выборе определенных судов Российской

Федерации или Литовской Республики, иных судебных органов между сторонами также отсутствует.

То обстоятельство, что партнерское соглашение регулируется законодательством Литовской Республики (пункт 1 параграфа 19) не свидетельствует о неподсудности спора российскому суду, поскольку в силу статьи 14 АПК РФ арбитражный суд Российской Федерации вправе применять нормы иностранного права, если это необходимо для разрешения спора.

Таким образом, с учетом общеизвестного факта, не требующего доказывания, введения в отношении Российской Федерации ограничительных мер санкционного характера со стороны ряда иностранных государств, в том числе членов Европейского союза (Литовская Республика), что напрямую препятствует доступу к правосудию ее резидентов, инициированный органом местного самоуправления, подпадающим под сферу санкционного воздействия, экономический спор подлежал отнесению к юрисдикции российского арбитражного суда.

При указанных обстоятельствах факт заключения партнерского соглашения на территории Литовской Республики, а равно нахождение ответчика на территории этого иностранного государства или оговорка о применимом праве, вопреки мнению судов, не имеют решающего значения для определения суда, компетентного рассматривать спор между сторонами.

В интересах законности Судебная коллегия Верховного Суда полагает необходимым также обратить внимание на следующее.

На основании общего критерия международной юрисдикции, закрепленного в пункте 10 части 1 статьи 247 АПК РФ, спор в любом случае может быть рассмотрен в арбитражном суде Российской Федерации, если имеет место тесная связь спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, вне зависимости от того, отнесено ли рассмотрение дела к исключительной подсудности.

Согласно пункту 3 части 1 статьи 247 АПК РФ арбитражные суды Российской Федерации обладают компетенцией на рассмотрение экономического спора с участием иностранного лица, в частности, если на территории Российской Федерации исполнено или должно быть полностью либо частично исполнено обязательство из договора, являющегося предметом спора, то есть спор возник из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации.

Подтверждением наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, в частности, могут служить доказательства того, что территория Российской Федерации является местом, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон; предмет спора наиболее тесно связан с территорией Российской Федерации; основные доказательства по делу находятся на территории Российской Федерации (пункт 15 постановления № 23).

Таким образом, в данном случае при разрешении вопроса о компетенции арбитражных судов Российской Федерации по экономическим спорам, осложненным иностранным элементом, судам в соответствии с принципом наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации следовало учитывать фактическое место исполнения партнерского соглашения.

Однако условия партнерского соглашения, порядок его исполнения, а также обстоятельства обращения администрации округа в арбитражный суд судами не анализировались, что свидетельствует о существенном нарушении норм процессуального права о подсудности дел с участием стороны, находящейся в недружественном государстве, и сложившейся судебной практике их применения.

В данном случае у судов отсутствовали основания для возвращения искового заявления администрации округа ввиду неподсудности дела.

Определение № 307-ЭС23-4890

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

32. Действия осужденного обоснованно квалифицированы по пункту «ж» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку действия всех участников организованной группы независимо от их роли в преступлении признаются соисполнительством.

По приговору Московского городского суда от 17 февраля 2020 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) З. осужден в том числе по пунктам «ж», «з» части 2 статьи 105 УК РФ за умышленное причинение смерти другому человеку организованной группой, из корыстных побуждений.

По этому же делу осуждены У.А., Л. и М.

В кассационной жалобе осужденный З. утверждал, что его действия, связанные с убийством У.М., необоснованно квалифицированы по признаку совершения данного преступления организованной группой, ссылаясь на неосведомленность о планируемом убийстве, указывал, что действий, направленных на лишение У.М. жизни, не совершал, осуществлял лишь обязанности водителя, просил приговор и апелляционное определение в части его осуждения за убийство отменить в связи с непричастностью к совершению данного преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 28 июня 2022 г. оставила приговор и апелляционное определение без изменения, доводы кассационной жалобы – без удовлетворения, указав следующее.

Выводы суда о виновности осужденного З. в совершении убийства организованной группой, из корыстных побуждений соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, и подтверждаются исследованными в суде и приведенными в приговоре доказательствами.

Так, осужденный З. в ходе предварительного расследования, на допросах в качестве подозреваемого, обвиняемого не отрицал, что договаривался с Л., Д. и У.А. оформить доверенность на продажу квартиры от имени убитого У.М.

М. в своих показаниях подробно пояснял о роли каждого из осужденных, в том числе и З., в составе организованной группы.

Из показаний У.А. следует, что в июне 2017 г. она договорилась с Л., Д. и З. об убийстве У.М. с целью завладения его квартирой.

Судом первой инстанции установлено, что преступления совершены организованной группой, активным участником которой являлся и осужденный З., что подтверждается совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств, свидетельствующих о сплоченности группы, ее устойчивости, распределении ролей между участниками, о действиях членов группы по заранее разработанному плану и наличии в ее составе организатора.

Действия осужденного З., несмотря на то обстоятельство, что он непосредственного участия в лишении жизни У.М. не принимал, правильно квалифицированы по пункту «ж» части 2 статьи 105 УК РФ, поскольку убийство совершено организованной группой и действия всех участников независимо от их роли в преступлении признаются соисполнительством.

Определение № 5-УД22-62-А1

33. Характер действий лиц, переместивших на тонкий лед реки избитого потерпевшего, который упал под лед и утонул, свидетельствует об умысле осужденных на причинение ему смерти.

По приговору Тверского областного суда от 1 декабря 2020 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) А.В. осужден по пункту «ж» части 2 статьи 105 УК РФ за убийство, совершенное группой лиц.

По данному делу также осужден А.Р.

В кассационной жалобе осужденный А.В. выражал несогласие с приговором и апелляционным определением, оспаривал вывод суда о том, что потерпевший после нанесения ему телесных повреждений и перед помещением его на лед реки не был способен оказывать сопротивление, указывал, что он и А.Р. не принимали активных мер к утоплению Н., последний сам после проваливания под лед не принял меры к сохранению жизни, поскольку находился в состоянии алкогольного опьянения. Полагал,

что его действия следует квалифицировать по статье 109 УК РФ как причинение смерти по неосторожности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 9 июня 2022 г. оставила обжалуемые судебные решения без изменения, а кассационную жалобу – без удовлетворения по следующим основаниям.

Выводы суда о виновности А.В. при установленных судом обстоятельствах соответствуют фактическим обстоятельствам дела и подтверждаются совокупностью доказательств, исследованных в ходе судебного разбирательства.

Так, из показаний А.В. следует, что после того, как он и А.Р. избили Н., при этом последний также нанес металлическим прутом с крюком на конце 4-5 ударов в область затылка потерпевшего, от чего у него возникли повреждения в виде окровавленных полос, А.Р. потащил Н. к реке, при этом попросил А.Р. помочь ему. Полагая, что потерпевший мертв, он помог донести Н. до берега, где они с А.Р. поместили его на лед, который сразу же проломился, и Н. стал уходить под воду. Помогая А.Р., он понимал, что лед на реке тонкий и Н. утонет.

Данные показания, за исключением той части, где А.В. пояснил, что, перемещая Н., он думал, что тот уже мертв, судом обоснованно признаны достоверными, поскольку, как правильно указал суд, они последовательны, подробны в деталях, подтверждены А.В. в ходе проверки показаний на месте, согласуются с иными исследованными по делу доказательствами, в частности с показаниями свидетеля К., являвшегося очевидцем происшедшего, пояснившего обстоятельства возникшего конфликта, сообщившего о предложении А.Р. побить Н., с чем согласился А.В., о примененном ими насилии в отношении Н., в том числе нанесении ударов в область затылка А.Р. металлическим прутом, один конец которого имел форму крюка, перемещении А.Р. и А.В. потерпевшего на лед реки, который провалился под лед и ушел под воду; с протоколами осмотра места происшествия, в ходе которого на берегу реки был осмотрен извлеченный из реки труп Н. с телесными повреждениями, также на берегу реки был обнаружен и изъят металлический прут, один конец которого закруглен и образует форму крюка, а также на резиновом коврике багажного отделения автомобиля были обнаружены и изъяты вещества биологического происхождения (кровь человека); заключением судебно-медицинской экспертизы и дополнением к нему; заключениями судебных медико-криминалистических экспертиз.

Кроме того, суд обоснованно дал критическую оценку показаниям А.В. в той части, где он пояснял, что, перемещая Н., он думал, что тот уже мертв, как не соответствующим фактическим обстоятельствам дела и опровергающимся доказательствами, то есть его собственными показаниями, данными в ходе проверки показаний на месте, из которых следует, что при перемещении Н. к реке последний пытался невнятно что-то сказать, а оказавшись в воде, совершал какие-то движения руками; показаниями

свидетеля К., который видел, как Н. пытался выбраться из воды, так как дважды из воды поднимались его руки, после чего Н. скрылся под водой; при этом данные показания А.В. и К. согласуются с выводами судебно-медицинского эксперта о том, что после причинения телесных повреждений Н. мог находиться в сознании.

Оценив исследованные по делу доказательства в соответствии с положениями статьи 88 УПК РФ с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности, а в их совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела, при этом все приведенные в приговоре доказательства являлись предметом судебного разбирательства и получили надлежащую оценку суда, в том числе и показания осужденного А.Р., суд подробно мотивировал, почему он принимает во внимание одни доказательства и отвергает другие, правильно признал положенные в основу приговора доказательства допустимыми и достоверными, поскольку они получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и соответствуют установленным фактическим обстоятельствам случившегося.

Таким образом, оценив надлежащим образом исследованные по делу доказательства, суд пришел к обоснованному выводу о виновности А.В. в совершении преступления, который основан на совокупности доказательств, исследованных в судебном заседании и подробно приведенных в приговоре.

Все обстоятельства, подлежащие доказыванию, приведенные в статье 73 УПК РФ, в том числе описание преступного деяния, совершенного А.В., с указанием места, времени, способа, мотива его совершения, были установлены судом и приведены в описательно-мотивировочной части приговора. При этом суд установил, что совместный умысел осужденных на причинение смерти Н. возник «на фоне неприязненных отношений» с ним.

Юридическая оценка действиям А.В. судом дана правильно. О наличии умысла на причинение смерти Н. свидетельствует то, что после совместного нанесения Н. телесных повреждений в том числе металлическим прутом А.Р. стал перемещать потерпевшего на лед реки, имевший незначительную толщину, а А.В. присоединился к А.Р., чтобы помочь ему, в результате чего Н., неспособный защищать себя и оказывать им сопротивление, был перемещен на лед, который под весом его тела провалился, и потерпевший утонул. При этом А.В. и А.Р. не могли не осознавать общественную опасность своих действий, совершаемых в отношении потерпевшего, в результате чего он может погибнуть, утонув в реке.

Определение № 35-УД22-8-А1

34. Убийство в процессе совершения насильственных действий сексуального характера надлежит квалифицировать как два самостоятельных преступления: убийство, сопряженное с насильственными действиями сексуального характера, и совершение

действий сексуального характера с применением насилия к потерпевшей.

Установлено, что Ч., находясь в состоянии алкогольного опьянения в лесополосе, вытащил из автомашины находившуюся с ним знакомую С. с целью удовлетворения своих половых потребностей, подавляя ее волю к сопротивлению, действуя с особой жестокостью, понимая, что причиняет потерпевшей особые страдания в виде физических мучений, нанес ей отверткой не менее 45 ударов по различным частям тела, совершил в отношении ее насильственные действия сексуального характера, а затем, используя брюки потерпевшей, накинул их на шею С. и стал душить.

Смерть С. наступила от колотых ранений грудной клетки, проникающих в плевральную полость, с повреждением нижней доли левого легкого и левого желудочка сердца, обусловивших развитие массивной кровопотери. После этого Ч. перетащил труп потерпевшей в лесополосу и похитил принадлежащее С. имущество, причинив ущерб в размере 21 500 руб.

Действия Ч. квалифицированы судом по пунктам «д», «к» части 2 статьи 105, пункту «б» части 2 статьи 132, части 1 статьи 158 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный Ч. просил изменить приговор, переквалифицировать его действия с части 2 статьи 105 УК РФ на часть 1 статьи 105 УК РФ, отменить приговор в части его осуждения по пункту «б» части 2 статьи 132 УК РФ и прекратить уголовное дело ввиду отсутствия состава преступления, ссылаясь на то, что не имел умысла на убийство с особой жестокостью, указывал, что обвинительный приговор основан на предположениях и недопустимых доказательствах.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 2 июня 2022 г. оставила приговор и апелляционное определение без изменения, а кассационную жалобу – без удовлетворения по следующим основаниям.

Выводы суда о виновности Ч. в содеянном при установленных судом обстоятельствах соответствуют фактическим обстоятельствам дела и подтверждаются совокупностью доказательств, исследованных в ходе судебного разбирательства: показаниями самого Ч. в ходе предварительного следствия и судебного заседания, не отрицавшего, что именно он нанес потерпевшей телесные повреждения, от которых она скончалась, а также похитил ее вещи, что совершил с потерпевшей половой акт в извращенной форме, утверждая только, что совершил его, когда С. была уже мертва, а также протоколами осмотров места происшествия, в ходе которых были обнаружены труп потерпевшей и разбросанная одежда, заключением судебно-медицинской экспертизы о тяжести и локализации телесных повреждений, установленных на трупе С., и причине ее смерти, показаниями потерпевшей Ж. и свидетелей, содержание которых подробно изложено в приговоре.

Утверждение осужденного о том, что половой акт был совершен им, когда потерпевшая была мертва, опровергнуто в суде заключением комиссионной судебно-медицинской экспертизы, согласно выводам которой все телесные повреждения, в том числе и установленные в области слизистой оболочки прямой кишки, являются прижизненными, что еще раз подтвердила в суде допрошенная по ходатайству стороны защиты эксперт А. Данные выводы согласуются и с показаниями свидетеля Р. о сексуальных предпочтениях Ч.

Юридическая оценка действий Ч. основана на установленных судом фактических обстоятельствах дела и является верной.

Судом правильно установлено наличие в действиях осужденного квалифицирующего признака убийства и насильственных действий сексуального характера «с особой жестокостью». Нанесенные Ч. удары отверткой на значительную проникающую глубину не менее 8 см, их количество подтверждают вывод суда о том, что потерпевшая при их нанесении испытывала особые физические страдания.

Убийство в процессе совершения насильственных действий сексуального характера следует квалифицировать как два самостоятельных преступления: не только как убийство, сопряженное с насильственными действиями сексуального характера, но и как совершение действий сексуального характера с применением насилия к потерпевшей с особой жестокостью.

Определение № 35-УД22-9-А1

Назначение наказания

35. Суд не может назначить осужденному наказание в виде лишения права занимать должности в государственных и муниципальных учреждениях, на унитарных предприятиях и в акционерных обществах, а также в государственных корпорациях и компаниях, поскольку запрет занимать указанные должности законом (статья 47 Уголовного кодекса Российской Федерации) не предусмотрен.

По приговору Каширского городского суда Московской области от 19 октября 2020 г., оставленному без изменения апелляционным постановлением и определением суда кассационной инстанции, К. осужден по части 2 статьи 292 УК РФ к 2 годам лишения свободы, на основании статьи 73 УК РФ условно с испытательным сроком на 2 года, с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях,

в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, сроком на 3 года.

К. признан виновным в служебном подлоге, то есть во внесении должностным лицом⁴ в официальные документы заведомо ложных сведений, совершенном из личной заинтересованности, повлекшем существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В кассационной жалобе адвокат, выступавший в защиту осужденного, оспаривал состоявшиеся судебные решения, в том числе в части квалификации действий К. как служебного подлога.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 25 января 2022 г. изменила приговор и последующие судебные решения, отметив следующее.

В соответствии с частью 1 статьи 47 УК РФ наказание в виде лишения права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления.

Как следует из приговора, К. наряду с основным наказанием в виде лишения свободы суд назначил дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям.

Между тем такого дополнительного наказания, указанного в приговоре, как запрет занимать должности в государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах, статьей 47 УК РФ, с учетом положений Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», не предусмотрено.

---

⁴ В соответствии с распоряжением руководителя администрации Каширского муниципального района и дополнительным соглашением к трудовому договору К. состоял на муниципальной службе в должности заместителя председателя Комитета по экономической политике – начальника отдела поддержки предпринимательства и услуг администрации Каширского муниципального района.

Указанное обстоятельство при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции и судебной коллегией по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции не было принято во внимание.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда определила: приговор, апелляционное постановление и кассационное определение в отношении К. изменить, исключить назначение осужденному дополнительного наказания в виде запрета занимать должности в государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах.

Определение № 4-УД21-54-К1

36. Мнение потерпевшего о назначении строгого наказания не может учитываться судом при вынесении приговора.

По приговору Сузунского районного суда Новосибирской области от 28 апреля 2015 г. Б., несудимый, осужден по части 1 статьи 105 УК РФ к 9 годам 6 месяцам лишения свободы, по части 3 статьи 30, части 1 статьи 166 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы. На основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено 10 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 13 июля 2015 г. приговор в отношении Б. оставлен без изменения.

Постановлением президиума Новосибирского областного суда от 21 апреля 2017 г. приговор и апелляционное определение в отношении Б. оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Б. выражал несогласие с состоявшимися судебными решениями, считая их незаконными, вынесенными с существенными нарушениями уголовного и уголовно-процессуального законов, обращал внимание на то, что суд первой инстанции в нарушение требований закона учел мнение потерпевшего К. о назначении ему строгого наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 22 июня 2022 г. изменила обжалуемые судебные решения по следующим основаниям.

Согласно приговору при определении вида и размера наказания наряду с характером и степенью общественной опасности совершенных Б. преступлений, данными о личности виновного, который ранее не судим и впервые привлекается к уголовной ответственности, о состоянии его здоровья, признанием им в ходе предварительного и судебного следствия вины в причинении потерпевшему телесных повреждений и действиях,

направленных на угон автомобиля, суд учел позицию потерпевшего К. о назначении строгого наказания за совершение Б. убийства.

Обстоятельствами, смягчающими наказание, суд признал явку Б. с повинной и его молодой возраст.

В качестве обстоятельства, отягчающего наказание, суд учел совершение Б. преступлений в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя.

В силу статьи 6 УК РФ наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, при этом в соответствии с положениями статьи 60 УК РФ при назначении наказания судом учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Мнение потерпевшего о назначении строгого наказания не может учитываться судом при вынесении приговора.

При назначении Б. наказания суд в приговоре указал на учет мнения потерпевшего К. о необходимости назначения подсудимому строгого наказания за содеянное, то есть фактически признал мнение потерпевшего обстоятельством, отягчающим наказание, что противоречит положениям статьи 63 УК РФ, содержащей исчерпывающий перечень отягчающих наказание обстоятельств, который расширительному толкованию не подлежит.

Допущенные судом при постановлении приговора нарушения уголовно-процессуального и уголовного законов не были устранены при апелляционном и кассационном рассмотрении уголовного дела.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда приговор, апелляционное определение и постановление президиума Новосибирского областного суда в отношении Б. изменила: исключила из приговора указание о назначении Б. по части 1 статьи 105 УК РФ наказания с учетом мнения потерпевшего К. о строгом наказании; смягчила назначенное Б. наказание по части 1 статьи 105 УК РФ до 9 лет 3 месяцев лишения свободы; на основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных по части 1 статьи 105 УК РФ и части 3 статьи 30, части 1 статьи 166 УК РФ наказаний назначила Б. 9 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Определение № 67-УД22-12

37. Положения части 1 статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации не применяются, если соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

По приговору Новосибирского областного суда от 11 августа 2021 г. П., несудимый, осужден по пункту «к» части 2 статьи 105 УК РФ к 16 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, по пунктам «в», «г» части 3 статьи 158 УК РФ на срок 3 года, на основании части 3 статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний к 17 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год с отбыванием основного наказания в исправительной колонии строгого режима; А., несудимая, осуждена по части 5 статьи 33, пункту «к» части 2 статьи 105 УК РФ к 11 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2021 г. приговор в отношении П. и А. оставлен без изменения.

В кассационных жалобах осужденная А., а также адвокат Т. и защитник И., действующие в интересах осужденного П., выражали несогласие с вынесенными судебными решениями ввиду допущенных существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов, повлиявших на исход дела. При этом осужденная А. указывала, что приговор является несправедливым вследствие чрезмерной суровости назначенного ей наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 9 июня 2022 г. оставила кассационные жалобы на обжалуемые судебные решения без удовлетворения, указав следующее.

Назначенное П. и А. наказание является справедливым, поскольку соответствует характеру и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, обстоятельствам их совершения, их роли в убийстве и личности каждого из осужденных.

При этом судом были учтены все данные, влияющие на наказание, смягчающие обстоятельства, в том числе наличие у осужденных малолетних детей, состояние здоровья А., ее мамы и ребенка.

С учетом установленных смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» части 1 статьи 61 УК РФ, положений части 2 статьи 57 УК РФ и отсутствия отягчающих обстоятельств суд назначил А. наказание по правилам части 1 статьи 62 УК РФ.

В соответствии с положениями части 3 статьи 62 УК РФ при назначении наказания П. суд обоснованно не применил правила части 1 статьи 62 УК РФ, поскольку санкция части 2 статьи 105 УК РФ предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы, а в отношении части 3 статьи 158 УК РФ таких смягчающих наказание П. обстоятельств судом не установлено.

Оснований для смягчения назначенного осужденным наказания, в том числе применения к А. положений части 6 статьи 15, статьи 64,

статьи 73 УК РФ и отсрочки отбывания наказания до достижения детьми четырнадцатилетнего возраста, не усматривается.

Определение № 67-УД22-13-А5

Процессуальные вопросы

38. В соответствии с частью 4 статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации заявленный в суде отказ свидетеля от дачи показаний не препятствует оглашению показаний, данных этим лицом в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу в отношении его.

По приговору Воронежского областного суда от 14 апреля 2021 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Э. осужден по пункту «в» части 4 статьи 162, пунктам «в», «ж», «з» части 2 статьи 105 УК РФ.

В кассационной жалобе адвокат П. в интересах осужденного Э. выражал несогласие с приговором и апелляционным определением ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных судами, указывал помимо прочего, что показания В.А., данные в качестве подозреваемого и обвиняемого, ранее осужденного по приговору Воронежского областного суда от 22 декабря 2016 г. за те же преступления в отношении М., за которые осужден Э., были оглашены и в судебном заседании по делу в отношении Э. на основании части 3 статьи 281 УПК РФ, что следует из протокола судебного заседания, хотя суд апелляционной инстанции в своем определении указал на оглашение показаний В.А. в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 276 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 16 июня 2022 г., отвечая на доводы кассационной жалобы, указала следующее.

Как следует из протокола судебного заседания, судебное следствие проведено на основе принципа состязательности сторон, с учетом требований статьи 252 УПК РФ о пределах судебного разбирательства, главы 37 УПК РФ и положений статьи 335 УПК РФ об особенностях судебного следствия в суде с присяжными заседателями. С их участием исследовались лишь те доказательства, которые содержали данные о фактических обстоятельствах дела, подлежащих установлению присяжными заседателями, и были признаны судом допустимыми с точки зрения их соответствия требованиям закона. Это относится и к показаниям свидетеля В.А., данным в ходе предварительного расследования и оглашенным в судебном заседании с соблюдением требований статей 276 и 281 УПК РФ, допустимость которых оспаривается стороной защиты.

В судебном заседании исследованы полученные в соответствии с требованиями закона доказательства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, стороны не были ограничены в праве их

представления, заявленные сторонами ходатайства рассматривались с соблюдением процедуры, установленной уголовно-процессуальным законом.

Свидетель В.А. в судебном заседании был допрошен в соответствии с процессуальным статусом, которым он обладал по уголовному делу в отношении Э., с учетом особенностей его правового положения, обусловленных тем, что В.А., ранее осужденный, допрашивался по делу соучастника преступлений (Э.), выделенному в отдельное производство. В связи с этим, как следует из протокола судебного заседания, суд разъяснил В.А. права и обязанности, предусмотренные статьей 56 УПК РФ, статьей 51 Конституции Российской Федерации, а также гражданскую обязанность давать суду правдивые показания. При этом В.А. с учетом особенностей его правового положения не предупреждался об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

В соответствии с требованиями закона заявленный в суде отказ В.А. от дачи показаний не препятствовал оглашению его показаний, данных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам в отношении его.

Определение № 14-УД22-4СП-А1

39. Нерассмотрение судом кассационной инстанции кассационной жалобы адвоката, поданной в установленном законом порядке, одновременно с жалобой осужденного, является основанием отмены кассационного определения ввиду нарушения требований части 3 статьи 401¹⁴ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По приговору Буденновского городского суда Ставропольского края от 15 января 2021 г. (с учетом внесенных изменений судом апелляционной инстанции) С. осужден по пункту «з» части 2 статьи 111 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 г. приговор и апелляционное определение оставлены без удовлетворения.

В кассационной жалобе, именуемой заявлением, осужденный С. выражал несогласие в том числе с кассационным определением Пятого кассационного суда общей юрисдикции, указывал, что при рассмотрении дела судом кассационной инстанции нарушены требования уголовно-процессуального закона, поскольку судом не была рассмотрена кассационная жалоба адвоката Т.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда 8 июня 2022 г. пришла к выводу об отмене кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции по следующим основаниям.

Согласно части 4 статьи 7 УПК РФ определения суда, постановления судьи должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

В соответствии с частью 3 статьи 401¹⁴ УПК РФ определение и постановление суда кассационной инстанции должны соответствовать требованиям частей 3 и 4 статьи 389²⁸ УПК РФ, согласно которым в судебном решении должны содержаться краткое изложение доводов лица, подавшего жалобу, мотивы принятого решения и основания, по которым приговор признается законным, обоснованным и справедливым, а жалоба или представление – не подлежащими удовлетворению, либо основания полной или частичной отмены или изменения обжалованного судебного решения.

Основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела (часть 1 статьи 401¹⁵ УПК РФ). Такие нарушения уголовно-процессуального закона были допущены судебной коллегией по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции при вынесении определения в отношении С.

Из материалов уголовного дела усматривается, что приговор и апелляционное определение были обжалованы в кассационном порядке осужденным С. и его защитником – адвокатом Т. При этом судом первой инстанции были выполнены требования статьи 401⁷ УПК РФ, и 12 августа 2021 г. кассационные жалобы осужденного С. и его защитника – адвоката Т. вместе с уголовным делом были направлены для рассмотрения в Пятый кассационный суд общей юрисдикции.

30 ноября 2021 г. состоялось кассационное рассмотрение уголовного дела в отношении С. лишь по кассационной жалобе осужденного, по итогам которого приговор и апелляционное определение оставлены без изменения, а кассационная жалоба – без удовлетворения.

Вместе с тем кассационная жалоба адвоката Т., переданная на рассмотрение суда кассационной инстанции одновременно с кассационной жалобой осужденного, как следует из материалов уголовного дела, не была рассмотрена судом кассационной инстанции. В определении судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции доводы, приведенные в кассационной жалобе адвоката Т., не отражены, ответы на них не даны, какое-либо решение по этой жалобе защитника судом кассационной инстанции не принято.

Таким образом, указанное кассационное определение не может быть признано законным и обоснованным, отвечающим требованиям части 4 статьи 7 и части 3 статьи 401¹⁴ УПК РФ.

Определение № 19-УД22-8-К5

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

40. При проверке законности и обоснованности решения о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации суд во избежание избыточного ограничения прав и свобод иностранного гражданина должен оценить необходимость такой меры и ее соразмерность допущенным нарушениям законодательства.

Г. – гражданка Республики Азербайджан, супруг которой умер и похоронен в Российской Федерации, согласно сведениям ФМС России, с июля 2011 года неоднократно въезжала на территорию Российской Федерации, в том числе 1 октября 2014 г., где находилась непрерывно до 29 января 2018 г.

В Российской Федерации проживают взрослые дети Г.: дочь Л., на основании выданного вида на жительство, имеющая двух несовершеннолетних дочерей, гражданок Российской Федерации; сын С. – гражданин Российской Федерации.

25 ноября 2019 г. при въезде на территорию Российской Федерации для постоянного проживания, как указано в миграционной карте, Г. узнала о принятии ОМВД России по городскому округу в отношении ее решения о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации сроком до 29 января 2028 г. (далее – Решение, оспариваемое решение).

Решение принято на основании подпункта 14 части 1 статьи 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – Федеральный закон № 114-ФЗ) в связи с тем, что Г. в нарушение установленного статьей 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ) требования в период своего пребывания находилась в Российской Федерации непрерывно свыше двухсот семидесяти суток со дня окончания предусмотренного федеральным законом срока временного пребывания и не выехала своевременно из страны.

Считая Решение неправильным, Г. обратилась в суд с административным иском о признании его незаконным и о его отмене.

Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен.

Суд первой инстанции, установив, что дети Г. длительное время проживают на территории Российской Федерации, являются российскими гражданами, пришел к выводу об обоснованности заявленных требований и признал оспариваемое решение незаконным, сделав заключение о чрезмерном ограничении права административного истца на уважение семейной жизни и его несоразмерности тяжести совершенного ею проступка.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения кассационным судом общей юрисдикции, названный судебный акт отменен, принято новое решение об отказе в удовлетворении административного иска.

При этом суд апелляционной инстанции исходил из того, что Г. длительное время пребывала на территории Российской Федерации без законных оснований, доказательств невозможности покинуть Российскую Федерацию в установленный законом срок не представила, что свидетельствует о ее пренебрежительном отношении к законодательству Российской Федерации.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда определение суда апелляционной и кассационной инстанций отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации, а также отношения между иностранными гражданами, с одной стороны, и органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами указанных органов, с другой стороны, возникающие в том числе в связи с пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Российской Федерации, регулируются Федеральным законом № 115-ФЗ.

На основании статьи 5 названного закона, по общему правилу, срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, а также в случае, если такой срок не продлен в соответствии с данным законом. При этом непрерывный срок временного пребывания в Российской Федерации не может превышать девяносто суток (абзац второй пункта 1); временно пребывающий в Российской Федерации иностранный гражданин обязан выехать из страны по истечении срока действия его визы или иного срока временного пребывания, установленного этим законом или международным договором Российской Федерации (пункт 2).

Вопросы выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, в том числе иностранных граждан, урегулированы Федеральным законом № 114-ФЗ.

В силу подпункта 14 части 1 статьи 27 данного закона въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину не разрешается в течение десяти лет со дня выезда из Российской Федерации в случае, если он в период своего предыдущего пребывания в Российской Федерации не выехал из Российской Федерации и находился в Российской Федерации непрерывно свыше двухсот семидесяти суток со дня окончания предусмотренного федеральным законом срока временного пребывания в стране.

Согласно Конституции Российской Федерации любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель (обеспечение защиты основ конституционного строя, общественного спокойствия, нравственности,

здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства), являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели) (часть 1 статьи 27, часть 3 статьи 55).

Несоблюдение одного из перечисленных критериев представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Конституционный Суд неоднократно указывал, что, оценивая нарушение тех или иных правил пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации как противоправное деяние, следовательно, требующее применения мер государственного принуждения, уполномоченные органы исполнительной власти и суды обязаны соблюдать вытекающие из Конституции Российской Федерации требования справедливости и соразмерности, которые предполагают дифференциацию публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания.

Суды, рассматривая дела, связанные с нарушением иностранными гражданами режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, должны учитывать обстоятельства, касающиеся длительности проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, обращение о приеме в российское гражданство. Уполномоченные органы обязаны избегать формального подхода при рассмотрении вопросов, касающихся в том числе и неразрешения въезда в Российскую Федерацию (постановление Конституционного Суда от 17 февраля 2016 г. № 5-П, определение от 2 марта 2006 г. № 55-О).

Таким образом, необходимость ограничения прав и свобод человека должна быть обоснована установленными фактическими обстоятельствами. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения при условии соблюдения баланса между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

В любом случае суды, не ограничиваясь установлением лишь формальных оснований применения закона, должны исследовать и оценивать реальные обстоятельства, чтобы признать соответствующие решения в отношении иностранного гражданина необходимыми и соразмерными; в противном случае это может привести к избыточному ограничению прав и свобод иностранных граждан.

Между тем, как усматривается из обжалуемых судебных актов, суды, сославшись на отсутствие сведений об уважительных причинах нахождения

административного истца после истечения срока законного пребывания на территории Российской Федерации и обстоятельств, объективно препятствующих ей покинуть территорию страны, расценили ее поведение как сознательное пренебрежительное отношение к законодательству Российской Федерации, сделали вывод о соразмерности примененной административным ответчиком меры ответственности в виде неразрешения въезда на территорию Российской Федерации, сочли оспариваемое решение в качестве адекватной меры реагирования государства на поведение Г., оставили без правовой оценки то обстоятельство, что запрет на въезд в Российскую Федерацию в течение длительного времени применен в отношении женщины, дети и внуки которой являются российскими гражданами, при отсутствии с ее стороны угрозы общественному порядку и общественной безопасности.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда сочла заслуживающим внимание факт захоронения умершего в 2013 году супруга Г. на территории Российской Федерации, где проживали и проживают близкие родственники административного истца, с которыми ввиду запрета на въезд она лишена возможности личного общения.

Суд апелляционной инстанции, признавая оспариваемое решение законным, не нарушающим законных прав административного истца, в нарушение статьи 311 КАС РФ, устанавливающей требования к принимаемому судом апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционной жалобы судебному акту, не указал мотивы, по которым отклонил положенные в основу решения суда первой инстанции не опровергнутые административным ответчиком обстоятельства о том, что Г. вместе с семьей приехала из Республики Азербайджан и проживала в Российской Федерации с середины 1990-х годов, в связи с состоянием здоровья не работает, материально обеспечивает ее сын, вместе с которым она проживает на территории Российской Федерации.

Суд кассационной инстанции не устранил допущенные судом апелляционной инстанции нарушения норм процессуального права, отметив отсутствие полномочий по переоценке доказательств.

С учетом изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда определения суда апелляционной и кассационной инстанций отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 4-КАД22-37-К1

41. При рассмотрении административного дела о признании незаконным распоряжения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащего освобождению из мест лишения свободы, суды не установили обстоятельства, имеющие существенное значение для дела (в частности, отношение административного истца к уплате российских налогов, наличие у него постоянного дохода,

родственных связей, жилья на территории Российской Федерации, профессии).

О. обратился в суд с административным иском к ФСИИ России о признании незаконным распоряжения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащего освобождению из мест лишения свободы (далее также – распоряжение о нежелательности пребывания), в обоснование которого указал, что оспариваемое распоряжение принято без учета его социальных и родственных связей, поскольку он приехал в Российскую Федерацию в одиннадцатилетнем возрасте, на территории данного государства проживают его мать и сестра, которые являются гражданами Российской Федерации, какую-либо угрозу общественному порядку, правам и законным интересам граждан Российской Федерации не создает.

Решением суда первой инстанции административные иски оставлены без удовлетворения.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, распоряжение ФСИИ России признано незаконным.

Разрешая заявленные требования и отказывая в их удовлетворении, суд первой инстанции указал на то, что распоряжение ФСИИ России о нежелательности пребывания О. в Российской Федерации принято уполномоченным органом с соблюдением установленной законом процедуры, является оправданным, справедливым и соразмерным с учетом степени опасности совершенного административным истцом деяния. При этом суд отметил, что наличие у О. матери – гражданки Российской Федерации не является безусловным основанием для признания оспариваемого распоряжения нарушающим право истца на уважение личной и семейной жизни, поскольку, принимая данное распоряжение, административный ответчик исходил из приоритета большинства населения государства, чья безопасность не может быть поставлена в зависимость от наличия у лица без гражданства, имеющего непогашенную судимость, семейных связей на территории Российской Федерации.

Отменяя решение суда и удовлетворяя заявленные требования, суд апелляционной инстанции исходил из того, что О. является лицом без гражданства, родственных связей и жилья на территории иных государств не имеет, данные, свидетельствующие о том, что пребывание (проживание) административного истца на территории Российской Федерации создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, общественному порядку либо здоровью населения, отсутствуют.

Суд кассационной инстанции, признавая верными выводы суда апелляционной инстанции, также указал, что распоряжение о нежелательности пребывания создает препятствия для реализации истцом

права на семейную жизнь, так как мать административного истца страдает заболеванием и нуждается в уходе со стороны сына.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда определения судов апелляционной и кассационной инстанций отменила и дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно подпункту 3 части 1 статьи 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину не разрешается в случае, если иностранный гражданин имеет неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления на территории Российской Федерации.

О. с 2005 года проживает на территории Российской Федерации, гражданство Российской Федерации в установленном законом порядке не получал.

Вступившим в законную силу приговором суда О. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «з» части 2 статьи 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, с применением предметов, используемых в качестве оружия), и ему назначено наказание в виде лишения свободы.

На основании части 4 статьи 25¹⁰ Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» ФСИН России в отношении О., являющегося лицом без гражданства, совершившим тяжкое преступление, принято распоряжение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации сроком на восемь лет после отбытия наказания до момента погашения судимости в соответствии с частью 3 статьи 86 УК РФ. На момент принятия данного распоряжения судимость у О. погашена не была.

При таких обстоятельствах вопреки выводу судов апелляционной и кассационной инстанций факт наличия у административного истца непогашенной судимости за названное преступление служит основанием для оценки его личности, как обладающей повышенной общественной опасностью, создающей угрозу правам и законным интересам других лиц, интересам правопорядка.

На основании части 1 статьи 27 Конституции Российской Федерации каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место жительства. Любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель (обеспечение защиты основ конституционного строя, общественного спокойствия, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства), являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Конституционный Суд неоднократно указывал, что, оценивая нарушение тех или иных правил пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации как противоправное деяние, а именно как административный проступок, требующий применения мер государственного принуждения, уполномоченные органы исполнительной власти и суды обязаны соблюдать вытекающие из Конституции Российской Федерации требования справедливости и соразмерности, которые предполагают дифференциацию публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания.

Суды, рассматривая дела, связанные с нарушением иностранными гражданами режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, должны учитывать обстоятельства, касающиеся длительности проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство (постановление Конституционного Суда от 17 февраля 2016 г. № 5-П, определение Конституционного Суда от 2 марта 2006 г. № 55-О).

Таким образом, необходимость ограничения прав и свобод человека должна быть обоснована исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества. В любом случае суды, не ограничиваясь установлением лишь формальных оснований применения закона, должны исследовать и оценивать реальные обстоятельства, чтобы признать соответствующие решения в отношении иностранного гражданина необходимыми и соразмерными; в противном случае это может привести к избыточному ограничению прав и свобод иностранных граждан.

Согласно пункту 7 статьи 6, статье 14, части 1 статьи 63 КАС РФ достижение задач административного судопроизводства невозможно без соблюдения принципа состязательности и равноправия его сторон при активной роли суда.

Данный принцип выражается в том числе в принятии судом предусмотренных КАС РФ мер для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, для выявления

и истребования по собственной инициативе доказательств в целях правильного разрешения административного дела.

В нарушение пункта 5 части 2 статьи 311 и положений главы 34 КАС РФ суд апелляционной инстанции не исследовал и не установил обстоятельства, позволяющие надлежащим образом оценить соразмерность последствий принятого в отношении О. распоряжения о нежелательности пребывания, в числе которых – отношение административного истца к уплате российских налогов, наличие постоянного дохода, жилья на территории Российской Федерации, профессии, а также причин, по которым О. до указанного времени не легализовал свое нахождение на территории Российской Федерации и не обратился с заявлением о приеме в российское гражданство.

Признавая незаконным распоряжение о нежелательности пребывания, суд апелляционной инстанции указал на отсутствие у административного истца родственных связей и жилья на территории иных государств. Однако какими-либо данными такие выводы не подтверждены.

Кроме того, в материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие наличие у трудоспособной матери административного истца заболевания и о ее нуждаемости в помощи других лиц. Судами не выяснялся вопрос о наличии у нее иных родственников помимо сына, тогда как в административном исковом заявлении и апелляционной жалобе О. ссылался на то, что на территории Российской Федерации проживает его сестра, являющаяся гражданкой данного государства.

Изложенное свидетельствует о том, что вывод апелляционной инстанции, с которым согласился кассационный суд, о незаконности распоряжения о нежелательности пребывания основан на неправильном применении норм процессуального права, сделан преждевременно, без исследования и учета фактических обстоятельств по административному делу.

Определение № 18-КАД22-64-К4

42. Действующее уголовно-исполнительное законодательство исключает возможность индивидуального хранения и эксплуатации в исправительных учреждениях радиоприемников, в связи с чем суд первой инстанции правомерно отказал осужденному в удовлетворении административного иска о признании действий по изъятию радиоприемника незаконными.

Сотрудник отдела безопасности исправительного учреждения из посылки, адресованной отбывающему в учреждении наказание в виде лишения свободы осужденному Ч., изъял радиоприемник как запрещенную вещь, составил соответствующий акт и внес об этом запись в журнал приема посылок и передач.

Ч. обратился в суд с административным иском о признании указанных действий незаконными, возложении обязанности вернуть радиоприемник и взыскать компенсацию за нарушение условий содержания в исправительном учреждении в размере 20 000 руб.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного иска отказано.

При этом суд сделал заключение, что радиоприемник относится к предметам, которые осужденным запрещено иметь при себе, поскольку он подлежит только коллективному использованию. Установив отсутствие обращений административного истца к начальнику исправительного учреждения об использовании данного технического средства для нужд отряда, суд признал оспариваемые действия уполномоченных должностных лиц исправительного учреждения правомерными, в связи с чем оснований для взыскания компенсации в пользу осужденного не усмотрел.

Суд апелляционной инстанции названный судебный акт отменил, по делу принял новое решение о частичном удовлетворении требований Ч.: действия сотрудников отдела безопасности исправительного учреждения по изъятию радиоприемника и полотенца из адресованной административному истцу посылки признаны незаконными; на исправительное учреждение возложена обязанность вернуть Ч. изъятый радиоприемник. В удовлетворении требования о компенсации за нарушение условий содержания отказано. Суд указал на то, что какого-либо запрета на приобретение либо получение в посылке осужденными радиоприемников в пункте 17 приложения 1 к Правилам не содержится, а в примечании 4 установлен лишь порядок пользования ими.

Кассационный суд общей юрисдикции апелляционное определение отменил в части отказа в удовлетворении требования о взыскании компенсации за нарушение условий содержания Ч. и административное дело направил на новое апелляционное рассмотрение в указанной части. Свой вывод мотивировал тем, что судом апелляционной инстанции не дана правовая оценка доводам апелляционной жалобы об отсутствии в исправительном учреждении возможности прослушивания радиопередач ввиду необорудования помещений отряда радиоточкой.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда отменила определения апелляционной и кассационной инстанций по следующим основаниям.

Федеральный законодатель в статье 94 УИК РФ, регулируя, в частности, вопросы прослушивания осужденными к лишению свободы радиопередач, предусмотрел возможность приобретения осужденными и группами осужденных радиоприемников за счет собственных средств через торговую сеть либо получения их от родственников и иных лиц (часть 3); разрешил прослушивание радиопередач в свободные от работы часы, кроме времени, отведенного распорядком дня для ночного отдыха, установил обязательность оборудования жилых помещений, комнат воспитательной

работы и отдыха, рабочих помещений, камер штрафных и дисциплинарных изоляторов, помещений камерного типа, единых помещений камерного типа, одиночных камер радиоточками за счет средств исправительного учреждения (часть 4).

Статья 82 названного кодекса, регламентирующая вопрос режима в исправительном учреждении и его основные требования, закрепляет обязательность применения в исправительных учреждениях Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утверждаемых федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации (часть 3); содержит положение, согласно которому перечень вещей и предметов, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, устанавливается Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (часть 8).

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. № 295 утверждены Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, действовавшие на момент возникновения спорных правоотношений (далее – Правила).

В приложении 1 к Правилам установлен перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать. В пункте 17 упомянутого приложения поименована аудиотехника (кроме телевизионных приемников, радиоприемников общего пользования). В примечании 4 к названному пункту указано, что радиоприемники используются только для коллективного прослушивания и устанавливаются в местах, определенных администрацией исправительного учреждения.

Согласно пункту 52 Правил запрещенные предметы, вещества и продукты питания, изъятые у осужденных, передаются на склад для хранения либо уничтожаются по постановлению начальника исправительного учреждения либо лица, его замещающего, о чем составляется соответствующий акт с ознакомлением осужденного под роспись.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации, имея своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, установило, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации. Определяя права и обязанности осужденных, исходя из порядка и условий отбывания конкретного вида наказания и возлагая на осужденных обязанность соблюдать требования федеральных законов, устанавливающих порядок и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними

нормативных правовых актов, законодательство предусматривает, что при осуществлении прав осужденных не должны нарушаться порядок и условия отбывания наказаний, ущемляться права и законные интересы других лиц (часть 1 статьи 1, части 2 и 4 статьи 10, часть 2 статьи 11, часть 11 статьи 12 УИК РФ).

Приведенные законоположения свидетельствуют о необходимости применения норм уголовно-исполнительного законодательства в их системном единстве с учетом его целей и задач.

Так, пункт 17 Приложения 1 к Правилам, содержащий исключение из числа запрещенной видео-, аудиотехники телевизионных приемников, радиоприемников общего пользования, не может быть применен без неотъемлемой части названного приложения в виде Примечания, в пункте 4 которого содержится указание на использование радиоприемника только для коллективного пользования исключительно в местах, определенных администрацией исправительного учреждения, что исключает возможность нахождения указанного предмета в единоличном обладании осужденного, так как названные нормы действуют в неразрывной связи.

Такое толкование подзаконного нормативного правового акта согласуется с положениями статьи 94 УИК РФ, закрепляющими право осужденных на прослушивание радиопередач в свободные от работы часы, при соблюдении режима и при обеспечении аналогичных прав других осужденных, содержащихся в исправительном учреждении, то есть реализуется в коллективе.

Таким образом, радиоприемники, поступившие осужденным в том числе в посылках, подлежат установлению в местах коллективного пользования, определяемых администрацией исправительного учреждения, по заявлению такого осужденного. При этом до момента подачи и удовлетворения заявления указанный предмет по постановлению начальника исправительного учреждения или лица, его замещающего, изымается и передается на склад для хранения, о чем составляется соответствующий акт с ознакомлением осужденного под роспись.

Поскольку действующее уголовно-исполнительное законодательство исключает возможность индивидуального хранения и эксплуатации в исправительных учреждениях радиоприемников, то суд первой инстанции правильно отказал в удовлетворении административного иска.

В связи с изложенным апелляционное и кассационное определения отменены, как принятые с существенными нарушениями норм материального права, с оставлением в силе решения суда первой инстанции.

Определение № 16-КАД23-3-К4

43. Законность решения следователя, лица, производящего дознание, о переводе подозреваемого, обвиняемого из одного следственного изолятора в другой не подлежит проверке по правилам административного судопроизводства.

К., являясь обвиняемым по уголовному делу, с 24 сентября 2019 г. по 12 февраля 2020 г. содержался под стражей в следственном изоляторе. Постановлением следователя от 21 октября 2019 г. он был переведен из одного следственного изолятора в другой в связи с расследованием уголовного дела, а затем постановлением от 8 ноября 2019 г. переведен обратно.

К. обратился в суд с административным иском о признании постановлений незаконными, ссылаясь на отсутствие необходимости его этапирования, поскольку следственные и процессуальные действия с его участием не производились, а также на причинение во время этапирования физических и нравственных страданий.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного иска отказано.

При этом суд исходил из законности постановления следователя об этапировании К. из одного следственного изолятора в другой.

Определением суда апелляционной инстанции судебный акт отменен, по делу принято новое решение, которым оспариваемые постановления следователя признаны незаконными по тем основаниям, что материалы дела не содержат доказательств необходимости перевода К. из одного следственного изолятора в другой.

Определением кассационного суда общей юрисдикции апелляционное определение отменено, решение суда оставлено в силе. Суд указал, что оспариваемые действия совершены следователем в пределах предоставленных ему уголовно-процессуальным законодательством полномочий, доводы административного истца суд расценил как основание проверки соответствия условий содержания законодательству, однако такое требование, равно как и требование о присуждении компенсации за ненадлежащие условия содержания, не заявлялось.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда отменила определение суда кассационной инстанции в части оставления в силе решения суда первой инстанции и прекратила производство по данному административному делу по следующим основаниям.

В порядке административного судопроизводства суды рассматривают и разрешают административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих (пункт 2 части 2 статьи 1 КАС РФ).

Главой 22 КАС РФ установлен порядок производства по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия)

органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями.

В соответствии с положениями части 4 статьи 1, части 6 статьи 218 названного кодекса не подлежат рассмотрению в предусмотренном им порядке административные иски о признании незаконными решений, действий (бездействия) органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, в случаях, если проверка законности таких решений, действий (бездействия) осуществляется в ином судебном (процессуальном) порядке в судах общей юрисдикции.

В силу пункта 1 части 1 статьи 128 и части 1 статьи 222 КАС РФ судья отказывает в принятии к производству суда административного иска в случае, если требования подлежат рассмотрению, в частности, в порядке уголовного судопроизводства.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 194 упомянутого кодекса суд прекращает производство по административному делу в случае, если имеются основания, предусмотренные частью 1 статьи 128 этого кодекса.

Верховный Суд в пункте 8 постановления Пленума от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» разъяснил, что не подлежат рассмотрению по правилам, предусмотренным главой 22 КАС РФ, дела об оспаривании решений или действий (бездействия), принятых или совершенных указанными в части 1 статьи 125 УПК РФ лицами, органами и связанными с применением норм уголовного и уголовно-процессуального законов при осуществлении производства по конкретному уголовному делу (включая досудебное производство), в том числе бездействия, выразившегося в непринятии мер по рассмотрению сообщения о преступлении.

В статье 1 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» закреплены задачи названного закона, согласно которым он регулирует порядок и определяет условия содержания под стражей, гарантии прав и законных интересов лиц, задержанных в соответствии с УПК РФ по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, заключенных под стражу в соответствии с названным кодексом, предусматривающим такую меру пресечения.

Содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых осуществляется в целях, предусмотренных УПК РФ (статья 3 названного закона).

В порядке административного судопроизводства суды не вправе рассматривать дела об оспаривании решений, действий (бездействия),

связанных с применением норм уголовного и уголовно-процессуального права (кроме тех, которые не подлежат обжалованию в порядке уголовного судопроизводства), то есть не только процессуальные решения, принятые в соответствии с требованиями УПК РФ, но и принятые в ходе расследования уголовного дела решения должностных лиц органа дознания или органа предварительного расследования, не подлежат проверке судом в порядке главы 22 КАС РФ, поскольку могут быть проверены в рамках части 1 статьи 125 УПК РФ.

Следовательно, законность решения следователя, лица, производящего дознание, о переводе подозреваемого, обвиняемого из одного следственного изолятора в другой не подлежит проверке по правилам КАС РФ.

Таким образом, у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для принятия к производству административного иска К.

Определение № 18-КАД23-19-К4

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

44. При рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ, следует учитывать, что до внесения в законодательство изменений административная ответственность по данной норме наступает за управление транспортным средством лицом, находящимся под воздействием только тех лекарственных препаратов, которые содержат этиловый спирт, наркотические средства или психотропные вещества.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Е. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ, ему назначено административное наказание.

В жалобе, поданной в Верховный Суд, Е. просил отменить судебные акты, вынесенные в отношении его, считая их незаконными.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Е. к административной ответственности) административным правонарушением признается управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Согласно примечанию к данной норме употребление веществ, вызывающих алкогольное или наркотическое опьянение, либо психотропных или иных вызывающих опьянение веществ запрещается. Административная ответственность, предусмотренная названной статьей и частью 3 статьи 12.27 КоАП РФ, наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или наличием абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови, либо в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека.

Правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации определяются Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» и утвержденными постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 Правилами дорожного движения Российской Федерации, в соответствии с которыми запрещается эксплуатация транспортных средств лицами, находящимися в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения (пункт 2¹ статьи 19 указанного федерального закона и пункт 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации).

Основанием для привлечения Е. к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 12.8 КоАП РФ, послужили изложенные в протоколе об административном правонарушении обстоятельства, согласно которым он управлял транспортным средством в состоянии опьянения.

Привлекая Е. к административной ответственности на основании указанной нормы, мировой судья исходил из того, что по результатам химико-токсикологического исследования биологической среды Е. обнаружено вещество «Ф.», вызывающее нарушение физических и психических функций организма, которые могут повлечь неблагоприятные последствия при деятельности, связанной с источником повышенной опасности.

На основании данного обстоятельства, подтвержденного собранными по делу доказательствами, мировой судья сделал вывод о нарушении пункта 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, запрещающего управление транспортным средством в том числе под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание.

С принятым постановлением согласились судья городского суда и судья кассационного суда общей юрисдикции.

Вместе с тем Конституционный Суд в постановлении от 24 ноября 2022 г. № 51-П «По делу о проверке конституционности примечания к статье

12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» признал указанное выше примечание к статье 12.8 КоАП РФ не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в нем содержится пробел, препятствующий привлечению к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения в случае, когда по результатам медицинского освидетельствования на состояние опьянения в организме водителя обнаруживаются входящие в состав лекарственных препаратов вещества, не относящиеся к этиловому спирту, наркотическим средствам и психотропным веществам, но которые могут ухудшать его внимание и реакцию, что при попытках его восполнения порождает риск неоднозначного истолкования и противоречивого применения данного примечания в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

При этом Конституционный Суд отметил, что впредь до внесения в законодательство необходимых изменений управление транспортным средством лицом, употребившим лекарственные препараты, не содержащие этилового спирта, наркотических средств и психотропных веществ, не может служить основанием для привлечения к ответственности, предусмотренной статьей 12.8 и частью 3 статьи 12.27 КоАП РФ.

В связи с изложенным судьей Верховного Суда дело об административном правонарушении направлено на новое рассмотрение судьей городского суда для проверки доводов Е. об отсутствии в его действиях состава административного правонарушения.

Постановление № 81-АД23-7-К8

45. Совершение маневра обгона (опережения одного или нескольких транспортных средств, связанного с выездом на полосу (сторону проезжей части), предназначенную для встречного движения, и последующим возвращением на ранее занимаемую полосу (сторону проезжей части) образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 12.15 КоАП РФ, лишь в том случае, когда такой маневр выполнен с нарушением требований Правил дорожного движения Российской Федерации.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением заместителя председателя кассационного суда общей юрисдикции, П. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 4 статьи 12.15 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд, П. просил об отмене судебных актов, вынесенных в отношении его по данному делу об административном правонарушении, ссылаясь на их незаконность.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

Административная ответственность по части 4 статьи 12.15 КоАП РФ наступает за выезд в нарушение Правил дорожного движения на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 названной статьи.

Основанием для привлечения П. к административной ответственности, предусмотренной частью 4 статьи 12.15 КоАП РФ, послужили следующие обстоятельства: он, управляя транспортным средством, совершил выезд на сторону дороги, предназначенную для встречного движения, с целью обгона, следуя при этом за транспортным средством, которое уже выполняло обгон другого транспортного средства, то есть нарушил требования пункта 11.2 Правил дорожного движения.

Вместе с тем в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснено, что, в частности, не допускается обгон движущегося впереди транспортного средства, производящего обгон или объезд препятствия либо движущегося впереди по той же полосе и подавшего сигнал поворота налево (пункт 11.2 Правил дорожного движения).

Из указанных разъяснений Верховного Суда следует, что запрещается обгонять именно транспортное средство, которое движется впереди, совершая объезд или обгон.

По результатам изучения имеющейся в материалах дела видеозаписи, судья Верховного Суда установил, что П., совершая маневр обгона, выехал на полосу дороги, предназначенную для встречного движения, в месте, где Правилами дорожного движения это не запрещено, и начал маневр обгона вслед за идущим впереди транспортным средством.

Изложенное свидетельствует о том, что при рассмотрении дела об административном правонарушении требования статей 24.1, 26.1 КоАП РФ о выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, соблюдены не были.

При таких обстоятельствах постановление мирового судьи, решение судьи городского суда и постановление заместителя председателя кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении П. по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 4 статьи 12.15 КоАП РФ, отменены, производство по делу об административном правонарушении на основании пункта 4 части 2

статьи 30.17 названного кодекса прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых были вынесены указанные постановление, решение.

Постановление № 48-АД23-40-К7

46. Срок лишения права управления транспортными средствами прерывается, если лицо заявило об утрате соответствующего удостоверения, а затем фактически продолжало пользоваться им при управлении транспортным средством, что подтверждается фактом изъятия данного удостоверения. Продолжение исчисления течения прерванного срока производится со дня изъятия у лица названного удостоверения.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Б. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.7 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд, Б. выражал несогласие с названными судебными актами, ставил вопрос об их отмене.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела и доводы жалобы, пришел к следующим выводам.

Частью 2 статьи 12.7 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Б. к административной ответственности) предусмотрено, что управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами, влечет назначение административного наказания.

Основанием для привлечения Б. к административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 12.7 КоАП РФ, послужили следующие обстоятельства: 13 апреля 2021 г. он управлял транспортным средством, будучи лишенным права управления транспортными средствами.

Ранее вступившим в законную силу постановлением мирового судьи Б. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, ему назначено административное наказание в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами.

Согласно содержащейся в материалах дела справке должностного лица МВД России 24 января 2019 г. Б. подал заявление об утере водительского удостоверения.

В протоколе об изъятии вещей и документов от 13 апреля 2021 г. зафиксировано, что у Б. было изъято водительское удостоверение, об утрате которого он заявил 24 января 2019 г.

Вывод о наличии в действиях Б. состава административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 12.7 КоАП РФ, соответствует фактическим обстоятельствам дела и собранным доказательствам, получившим надлежащую оценку в обжалуемых судебных актах.

Доводы жалобы о неправильной квалификации вмененного Б. деяния (которое, как утверждалось в жалобе, следовало квалифицировать по части 1 статьи 12.7 КоАП РФ) со ссылкой на заявление Б. об утрате водительского удостоверения от 24 января 2019 г. и об истечении срока назначенного административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами на момент выявления правонарушения 13 апреля 2021 г. опровергаются установленными обстоятельствами.

Как следует из обжалованного постановления мирового судьи, Б. при рассмотрении дела пояснял, что водительское удостоверение, об утрате которого он заявил 24 января 2019 г., было найдено, в связи с чем по истечении срока лишения права Б. продолжил его использование.

В силу части 2 статьи 32.7 КоАП РФ в случае уклонения лица, лишенного права управления транспортными средствами, от сдачи соответствующего удостоверения срок лишения указанного права прерывается. Течение прерванного срока лишения права управления транспортными средствами продолжается со дня сдачи лицом либо изъятия у него соответствующего удостоверения (в том числе в случае, если срок действия данного удостоверения истек), а равно со дня получения соответствующим подразделением органа, на которое возложено исполнение постановления о назначении административного наказания, заявления лица об утрате этого удостоверения.

Вместе с тем в случае, если лицо заявило об утрате соответствующего удостоверения, а затем фактически продолжало пользоваться им при управлении транспортным средством, что подтверждается фактом изъятия данного удостоверения, срок лишения права управления транспортными средствами считается прерванным и продолжение исчисления течения прерванного срока производится со дня изъятия у лица соответствующего удостоверения (пункт 32 постановления Пленума Верховного Суда от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

С учетом приведенных разъяснений и установленных по делу обстоятельств срок административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами, назначенного постановлением мирового судьи за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.26 КоАП РФ, был прерван и по состоянию на 13 апреля 2021 г. Б. являлся лицом, лишенным права управления транспортными средствами.

При таких обстоятельствах обжалуемые судебные акты, вынесенные в отношении Б., судьей Верховного Суда оставлены без изменения.

Постановление № 4-АД22-13-К1

47. Неисполнение лицом предусмотренной законом обязанности сообщить административному органу адрес места своего жительства, по которому в том числе должна быть направлена копия постановления о наложении административного штрафа, не может свидетельствовать об отсутствии вины такого лица в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ и выражающегося в неуплате административного штрафа в срок, предусмотренный данным кодексом.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд, С. ставил вопрос об отмене указанных судебных актов и о прекращении производства по делу.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы заявителя, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ (цитируемые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения С. к административной ответственности) неуплата административного штрафа в срок, предусмотренный данным кодексом, влечет назначение административного наказания.

Частью 1 статьи 32.2 КоАП РФ закреплено, что административный штраф должен быть уплачен в полном размере лицом, привлеченным к административной ответственности, не позднее шестидесяти дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу, за исключением случаев, предусмотренных частями 1¹, 1³, 1³⁻¹, 1³⁻² и 1⁴ указанной статьи, либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки, предусмотренных статьей 31.5 названного кодекса.

Вступившим в законную силу 3 апреля 2020 г. постановлением должностного лица С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, с назначением наказания в виде административного штрафа.

В срок, установленный частью 1 статьи 32.2 КоАП РФ, С. административный штраф не уплатил. При этом сведения

о предоставлении отсрочки (рассрочки) исполнения постановления о назначении административного наказания в материалах дела отсутствуют.

Данные обстоятельства послужили основанием для привлечения С. к административной ответственности по части 1 статьи 20.25 КоАП РФ.

Довод С. о том, что он был лишен возможности получить копию постановления административного органа, направленную по адресу, по которому он проживал ранее, и уплатить в установленный законом срок назначенный административный штраф, не повлек отмену обжалуемых судебных актов в связи со следующим.

В момент фиксации административного правонарушения, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, собственником (владельцем) транспортного средства являлся С., проживающий по определенному адресу.

В жалобе С. указывал, что с 12 марта 2018 г. адрес места его регистрации является иным.

Вместе с тем, направляя копию постановления, должностное лицо руководствовалось сведениями, имеющимися в карточке учета транспортного средства.

В соответствии с Правилами государственной регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (приложение № 1 к приказу Министерства внутренних дел Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 399⁵) владелец транспортного средства обязан зарегистрировать транспортное средство (внести изменения в регистрационные данные транспортного средства) в течение 10 суток после приобретения (возникновения обстоятельств, потребовавших изменения регистрационных данных); изменение регистрационных данных осуществляется при изменении сведений, указанных в регистрационных документах, выдаваемых регистрационными подразделениями Госавтоинспекции; сведения о транспортном средстве и его владельце, указываемые в свидетельстве о регистрации транспортного средства, а также техническом паспорте (техническом талоне) транспортного средства, включающие в числе прочего адрес регистрации физического лица, подлежат обязательному учету с внесением в банк данных о владельцах транспортных средств; транспортные средства регистрируются за физическими лицами по адресу, указанному в паспортах граждан Российской Федерации или в свидетельствах о регистрации по месту жительства, выдаваемых органами регистрационного учета (пункты 6, 11, 14 и 26).

Обязанность изменить регистрационные данные в ГИБДД возложена на собственника транспортного средств, который при смене адреса места

---

⁵ Утратил силу в связи с изданием приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации от 21 декабря 2019 г. № 950, который содержит сходное правовое регулирование в соответствующей части.

жительства должен внести соответствующие изменения, что С. сделано не было.

Следовательно, установленная частью 3 статьи 28.6 КоАП РФ обязанность по направлению копии постановления по делу об административном правонарушении лицу, в отношении которого оно вынесено, выполнена должностным лицом надлежащим образом.

С учетом изложенного судьей Верховного Суда обстоятельств, которые могли бы повлечь изменение или отмену обжалуемых судебных актов, установлено не было.

Постановление № 5-АД23-51-К2

48. Положения части 1 статьи 4.5 КоАП РФ, устанавливающей срок давности привлечения к административной ответственности, по общему правилу, подлежат применению в редакции, действовавшей во время совершения административного правонарушения. Постановление по делу об административном правонарушении должно быть изготовлено в полном объеме в пределах срока давности привлечения к административной ответственности.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 24 статьи 19.5 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд, законный представитель общества ставил вопрос об отмене указанных судебных актов, считая их незаконными.

Судья Верховного Суда, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы заявителя, пришел к следующим выводам.

В соответствии с частью 24 статьи 19.5 КоАП РФ невыполнение или ненадлежащее выполнение в установленный срок законного предписания органа, осуществляющего региональный государственный жилищный надзор, в том числе лицензионный контроль в сфере осуществления предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, об устранении нарушений лицензионных требований, за исключением случаев, предусмотренных частью 24¹ данной статьи, влечет административное наказание.

Основанием для привлечения общества к административной ответственности послужили изложенные в протоколе об административном правонарушении и обжалуемых судебных актах выводы о том, что 1 декабря 2021 г. оно не выполнило в срок до 30 ноября 2021 г. требования пунктов 1, 2, 3, 4 предписания об устранении нарушений лицензионных требований

при оказании услуг и выполнении работ по управлению многоквартирным домом.

Между тем принятые по делу судебные акты вынесены с существенным нарушением требований КоАП РФ.

Обстоятельства, послужившие основанием для привлечения общества к административной ответственности, имели место 1 декабря 2021 г. – на следующий день после истечения срока, предоставленного для исполнения указанного предписания.

В соответствии с частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности) срок давности привлечения юридического лица к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 24 статьи 19.5 названного кодекса, составлял три месяца.

Срок давности привлечения общества к административной ответственности, подлежащий исчислению по правилам, предусмотренным частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ, в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности, истек 1 марта 2022 г.

Частью 1 статьи 29.11 КоАП РФ установлено, что постановление по делу об административном правонарушении объявляется немедленно по окончании рассмотрения дела. В исключительных случаях по решению лица (органа), рассматривающего дело об административном правонарушении, составление мотивированного постановления может быть отложено на срок не более чем три дня со дня окончания разбирательства дела, за исключением дел об административных правонарушениях, указанных в частях 3–5 статьи 29.6 названного кодекса, при этом резолютивная часть постановления должна быть объявлена немедленно по окончании рассмотрения дела. День изготовления постановления в полном объеме является днем его вынесения.

Резолютивная часть постановления по делу об административном правонарушении объявлена мировым судьей 28 февраля 2022 г., в полном объеме постановление изготовлено 3 марта 2022 г.

Следовательно, в соответствии с положениями части 1 статьи 29.11 КоАП РФ днем вынесения постановления по делу об административном правонарушении является 3 марта 2022 г. – день его изготовления в полном объеме.

Согласно пункту 6 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ истечение срока давности привлечения к административной ответственности является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении.

Исходя из положений указанной нормы и статьи 4.5 КоАП РФ по истечении установленных сроков давности привлечения к административной

ответственности вопрос об административной ответственности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, обсуждаться не может.

В нарушение приведенных выше норм мировой судья 3 марта 2022 г., то есть за пределами срока давности привлечения к административной ответственности, признал общество виновным в совершении административного правонарушения и назначил ему административное наказание.

При пересмотре постановления мирового судьи данное обстоятельство оставлено вышестоящими судебными инстанциями без правовой оценки.

При таких обстоятельствах судьей Верховного Суда постановление мирового судьи, решение судьи районного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении общества, отменены, производство по делу прекращено на основании пункта 6 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

Постановление № 78-АД23-15-К3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

49. Для определения размера единовременного пособия, подлежащего выплате военнослужащему, принимавшему участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом и получившему ранение, не повлекшее наступления инвалидности, подлежит применению закон, действовавший на момент получения таким лицом ранения.

Решением Московского гарнизонного военного суда от 18 апреля 2022 г., оставленным без изменения апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда от 28 июля 2022 г., удовлетворено административное исковое заявление Р. о признании незаконными действий директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, связанных с отказом в выплате ему единовременного пособия в размере, предусмотренном частью 4 статьи 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ), которой предусмотрена выплата названного пособия в размере 100 000 руб.

Определением кассационного военного суда от 29 ноября 2022 г. судебные акты оставлены без изменения, кассационная жалоба представителя административного ответчика без удовлетворения.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты отменила, приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявленных Р. требований, исходя из следующего.

Из материалов дела усматривается, что 1 февраля 2000 г. Р. направлен в служебную командировку для выполнения служебно-боевых задач на территории Северо-Кавказского региона.

8 марта 2000 г. Р. при проведении контртеррористической операции получил ранение, не повлекшее наступления инвалидности, которое заключением военно-врачебной комиссией от 28 октября 2005 г., утвержденным Центральной военно-врачебной комиссией Внутренних войск МВД России от 10 ноября 2005 г., расценено как военная травма, и он признан ограниченно годным к военной службе.

В августе 2021 г. Р. обратился в Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации с заявлением о выплате единовременного пособия в размере 100 000 руб. Однако получил отказ в связи с тем, что часть 4 статьи 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, которой предусмотрена выплата единовременного пособия в размере 100 000 руб., вступила в силу с 1 января 2007 г. и этой норме обратная сила не придавалась. В ответе также сообщалось, что руководство Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в случае соответствующего обращения со стороны административного истца готово рассмотреть вопрос о выплате указанного пособия в размере, предусмотренном пунктом 4 статьи 20 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (далее – Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ), действовавшего на момент получения Р. ранения. При этом с соответствующим заявлением о выплате единовременного пособия в порядке указанного закона Р. не обращался.

Полагая свои права нарушенными, Р. обратился с административным иском заявлением в суд.

Разрешая спор и удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что основания и условия возникновения права на единовременное пособие в Федеральном законе от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ и Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ являются идентичными. Установленный Правительством Российской Федерации порядок возмещения вреда категории лиц, к которой относится административный истец, носит заявительный характер. Поскольку Р. обратился за выплатой пособия в августе 2021 года, именно с этой даты, по выводу суда, следует исчислять начало срока возникновения между ним и административным ответчиком правоотношений, влекущих в силу части 5 статьи 15 КАС РФ необходимость применения судом при разрешении дела норм материального права, действующих на момент их возникновения.

Соглашаясь с судебными актами, суд кассационной инстанции дополнительно указал, что выплата Р. единовременного пособия в меньшем

размере не будет соответствовать требованиям соразмерности и социальной справедливости, поскольку указанная сумма в силу инфляционных процессов утратила покупательную способность, что приведет к нарушению гарантированного законодателем права на полное возмещение ему вреда.

Такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с частью 5 статьи 15 КАС РФ при разрешении административного дела суд применяет нормы материального права, которые действовали на момент возникновения правоотношения с участием административного истца, если из федерального закона не вытекает иное.

Согласно пункту 1 статьи 19 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ (в редакции, действовавшей на момент получения Р. 8 марта 2000 г. ранения) лица, участвующие в борьбе с терроризмом, находятся под защитой государства. Правовой и социальной защите в силу подпункта 1 данной нормы подлежат военнослужащие, сотрудники и специалисты федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, непосредственно участвующие (участвовавшие) в борьбе с терроризмом. Социальная защита лиц, привлекаемых к борьбе с терроризмом, осуществляется с учетом правового статуса таких лиц, устанавливаемого федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, в соответствии с порядком, установленным Правительством Российской Федерации (пункт 2 статьи 19 названного закона).

Вред, причиненный здоровью или имуществу лиц, перечисленных в статье 19 этого федерального закона, в связи с их участием в борьбе с терроризмом, возмещается в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации (пункт 1 статьи 20 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ). Пунктом 4 статьи 20 данного федерального закона было предусмотрено, что в случае, если лицо, принимавшее участие в борьбе с терроризмом, при проведении контртеррористической операции получило ранение, не повлекшее наступления инвалидности, этому лицу выплачивается единовременное пособие в размере ста минимальных размеров оплаты труда, а в редакции Федерального закона от 7 августа 2000 г. № 122-ФЗ – 10 000 руб. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ утратил силу с 1 января 2007 г. в связи с принятием Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

В соответствии с частью 4 статьи 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ в случае, если лицо, принимавшее участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получило ранение, не повлекшее наступления инвалидности, этому лицу выплачивается единовременное пособие в размере 100 000 руб.

Из содержания положений названных федеральных законов в их взаимосвязи следует, что юридическим фактом, с которым приведенные нормы связывают право лица, принимавшего участие в борьбе

с терроризмом, на получение единовременного пособия в соответствующем размере, является получение этим лицом ранения, не повлекшего наступления инвалидности.

По своему характеру и публично-правовому предназначению единовременное пособие, выплачиваемое лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом, относится к мерам социальной поддержки лиц, получивших при участии в указанных мероприятиях ранение.

Судом установлено, что ранение Р. получено до даты вступления в силу 1 января 2007 г. части 4 статьи 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

Статьей 27 данного федерального закона, определяющей, что данный федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования (10 марта 2006 г.), за исключением статей 18, 19, 21 и 23, действие этого федерального закона не распространено на ранее возникшие отношения. Более того, в пункте 2 указанной нормы прямо указано, что статьи 18, 19, 21 и 23 названного федерального закона вступают в силу с 1 января 2007 г. (то есть действие его части 4 статьи 21 о выплате единовременного пособия в размере 100 000 руб. распространяется на отношения, возникшие с 1 января 2007 г.).

В других статьях Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ также не содержится норм о его распространении на отношения, возникшие до введения его в действие.

Следовательно, при определении размера единовременного пособия, подлежащего выплате лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получившему ранение, не повлекшее наступления инвалидности, подлежит применению закон, действовавший на момент получения таким лицом ранения.

В данном деле к спорным отношениям подлежит применению пункт 4 статьи 20 Федерального закона о борьбе с терроризмом.

Однако указанное обстоятельство при разрешении административного спора учтено не было, вследствие этого судебные инстанции неправомерно применили к спорным отношениям положения части 4 статьи 21 Федерального закона о противодействии терроризму и при отсутствии законных оснований удовлетворили требования Р.

Определение № 222-КАД23-8-К10

По уголовным делам

50. Оставление судом без внимания обстоятельств дела, из которых следовало, что подсудимый находился в состоянии необходимой обороны, повлекло отмену судебных решений с прекращением уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

По приговору Уссурийского гарнизонного военного суда от 29 июля 2021 г. Х. осужден по части 1 статьи 335 УК РФ к штрафу за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с унижением чести и достоинства потерпевшего Н. и сопряженное с насилием.

Апелляционным постановлением Тихоокеанского флотского военного суда от 15 октября 2021 г. приговор изменен, Х. освобожден от назначенного наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Кассационным определением кассационного военного суда от 13 апреля 2022 г. кассационная жалоба защитника осужденного на приговор и апелляционное постановление оставлена без удовлетворения.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника осужденного, судебные решения отменила, уголовное дело в отношении Х. прекратила в связи с отсутствием в деянии состава преступления и признала за ним право на реабилитацию. В обоснование в кассационном определении приведены следующие доводы.

Согласно приговору 13 октября 2019 г. в ночное время Х., находясь на стоянке техники в полевом парке, желая отомстить Н., с которым не состоял в отношениях подчиненности, за примененное к нему насилие, в присутствии других военнослужащих повалил Н. на землю и нанес несколько ударов руками по телу и один удар по лицу, причинив физическую боль.

По выводу суда первой инстанции, тем самым Х. совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьи 335 УК РФ, а именно нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с унижением чести и достоинства потерпевшего, сопряженное с насилием, и при этом не находился в состоянии необходимой обороны, исключавшей преступность деяния, на что указывала сторона защиты.

Однако вывод суда о наличии в действиях Х. состава преступления, с которым согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, противоречит установленным по делу обстоятельствам и сделан с нарушением требований статьи 37 УК РФ.

В соответствии со статьей 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (часть 1). Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть

умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства (часть 2).

По смыслу закона и согласно разъяснениям, содержащимся в пунктах 8 и 11 постановления Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», состояние необходимой обороны может иметь место в том числе в случаях, когда защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается; общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам.

Уголовная ответственность за причинение вреда наступает для оборонявшегося лишь в случае превышения пределов необходимой обороны, то есть когда по делу будет установлено, что оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в части 2 статьи 37 УК РФ, такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть.

При этом ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает только в случае, когда по делу будет установлено, что оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Не влечет уголовную ответственность умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или легкого вреда здоровью либо нанесение побоев, а также причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства.

Указанные положения закона и разъяснения, изложенные в постановлении Пленума Верховного Суда, не учтены судами при принятии решений.

Как следует из показаний в судебном заседании осужденного, потерпевшего и двух свидетелей – очевидцев произошедшего, Н. при исполнении обязанностей военной службы предъявил Х. надуманные претензии, после чего нанес ему удар кулаком в лицо, а затем стал наносить удары кулаками по туловищу, а также рукам Х., которыми тот защищался. Х., не желая дальнейшего развития конфликта, отошел от Н., однако тот в продолжение своих противоправных действий поднял с земли замерзший кусок грунта и бросил его в Х., попав ему в лицо, чем причинил рваную рану верхней губы и потерю четырех зубов вследствие указанной травмы

(вред здоровью средней тяжести по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности менее чем на одну треть).

Лишь после того, как Х. повалил его на землю и нанес удары руками по туловищу и лицу, Н. прекратил свои преступные действия, извинился перед Х. и обещал оплатить лечение.

В судебном заседании Х. показал, что он не нападал на Н., с которым до этого виделся несколько раз, а оборонялся от него и никаких угроз в его адрес не высказывал. Лишь в целях прекращения конфликта и дальнейшего насилия со стороны Н. и после того, как тот выбил ему зубы, он совершил в отношении Н. действия, за которые осужден, поскольку понимал, что нападение на него не окончено. О том, что противоправные действия более предприниматься не будут, он понял только со слов Н., который стал просить у него прощения, обещал помощь в лечении. После этого он в отношении Н. никаких действий не совершал, что подтверждается показаниями Н. и двух свидетелей.

По приговору Уссурийского гарнизонного военного суда от 9 апреля 2021 г. Н. осужден по пункту «д» части 2 статьи 335 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно за совершение противоправных действий в отношении Х., признанного потерпевшим по данному уголовному делу.

Обстоятельства причинения Х. телесных повреждений по уголовным делам в отношении Н. и Х. установлены одни и те же.

Преступные действия Н. в отношении Х. совершались поэтапно и с повышающейся степенью общественной опасности.

Обстоятельства начала и развития конфликтной ситуации, характер действий Н. не позволяли Х. с очевидностью определить момент окончания применяемого к нему насилия.

Действия же Х., направленные на прекращение дальнейшего насилия со стороны Н., не причинили вреда его здоровью, не вышли за пределы необходимой обороны и, таким образом, в соответствии с частью 2 статьи 37 УК РФ не образуют состава какого-либо преступления.

Определение № 228-УД23-1-К10

**ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРАКТИКЕ
СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕБЫВАНИЕМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ЦЕНТРЕ ВРЕМЕННОГО
СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ,
В СПЕЦИАЛЬНОМ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ
УЧРЕЖДЕНИИ ЗАКРЫТОГО ТИПА**

(главы 31² и 31³ Кодекса административного судопроизводства
Российской Федерации)

ВОПРОС 1. В каком порядке осуществляется информирование уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации о возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел (далее – центр временного содержания), в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (далее – учебное учреждение закрытого типа)?

ОТВЕТ. Согласно части 2 статьи 285⁸, части 2 статьи 285¹⁵ КАС РФ о возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, суд информирует уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, который вправе участвовать в рассмотрении административного дела и дать заключение по нему.

Информирование осуществляется по правилам направления судебных извещений, которые в силу части 3 статьи 96 КАС РФ должны быть вручены с таким расчетом, чтобы уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации имел достаточный срок для подготовки к административному делу и для своевременной явки в суд.

Наряду с такими извещениями уполномоченному по правам ребенка в субъекте Российской Федерации направляются копии административного искового заявления и прилагаемых к нему документов, копии вынесенных определений, в том числе определения о принятии административного искового заявления к производству (о подготовке административного дела к судебному разбирательству).

В случае получения от уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации предварительного согласия на направление ему судебных извещений и копий иных документов по рассматриваемым и подлежащим рассмотрению с его участием административным делам на конкретный адрес электронной почты судебные извещения и прилагаемые к ним копии документов направляются уполномоченному по правам ребенка в субъекте Российской Федерации на данный адрес электронной почты.

Такое согласие может быть выражено путем направления уполномоченным по правам ребенка в субъекте Российской Федерации соответствующего письма в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа (пункт 36 постановления Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»). При наличии данного письма его копия приобщается судом к материалам административного дела.

ВОПРОС 2. Вправе ли суд признать обязательной явку уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации в судебное заседание по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа?

ОТВЕТ. Информирование уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации о возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, обусловлено обеспечением дополнительных гарантий соблюдения и защиты прав и законных интересов детей.

Уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации вправе участвовать в рассмотрении административного дела и дать заключение по нему (часть 2 статьи 285⁸, часть 2 статьи 285¹⁵ КАС РФ). Данное право он реализует по собственному усмотрению с учетом всех обстоятельств соответствующего административного дела.

При этом суд вправе рассмотреть административное дело, связанное с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, без участия уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации.

С учетом изложенного суд не вправе признать обязательной явку уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации в судебное заседание по соответствующему делу, вынести частное определение или применить меры процессуального принуждения в связи с тем, что уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации не дал заключения по административному делу или не принял участия в судебном заседании по нему.

ВОПРОС 3. В каких случаях уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации вправе участвовать в судебном заседании по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, посредством использования системы веб-конференции?

ОТВЕТ. При проведении закрытых судебных заседаний по административным делам исключена возможность использования систем веб-конференции (часть 8 статьи 11, пункт 2 части 4 статьи 142¹ КАС РФ).

Участие уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации в судебном заседании по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, является дополнительной гарантией обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Административные дела, связанные с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, рассматриваются в закрытом судебном заседании. Однако по ходатайству несовершеннолетнего, его законных представителей или представителя несовершеннолетнего такие дела могут быть рассмотрены в открытом судебном заседании, если этим не нарушаются права и законные интересы несовершеннолетнего или иного лица, не являющегося участником судебного процесса (часть 2 статьи 285⁹, часть 5 статьи 285¹⁶ КАС РФ).

При этом, как следует из положений части 2 статьи 14, пункта 2 части 3 статьи 135 КАС РФ, суд должен разъяснять лицам, участвующим в деле, представителям их процессуальные права и последствия реализации таких прав.

С учетом изложенного в определении о принятии административного искового заявления к производству, о подготовке административного дела к судебному разбирательству, копии которого направляются лицам, участвующим в деле, их представителям, необходимо разъяснять процессуальные права указанных выше лиц на заявление ходатайства о рассмотрении дела в открытом судебном заседании и возникновение при удовлетворении такого ходатайства возможности участия в судебном заседании всех лиц, участвующих в деле, в том числе уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, путем использования системы веб-конференции.

ВОПРОС 4. Может ли неинформирование уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации о возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, являться основанием для отмены решения суда?

ОТВЕТ. О возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, суд информирует уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, который вправе участвовать в рассмотрении административного дела и дать заключение по нему (часть 2 статьи 285⁸, часть 2 статьи 285¹⁵ КАС РФ).

Участие уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации в судебном процессе по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, обусловлено реализацией возложенных на него задач по обеспечению защиты прав и законных интересов детей, предупреждению нарушения их прав и законных интересов, содействию восстановлению нарушенных прав и законных интересов детей.

В связи с этим нарушение судом правил информирования уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации о возбуждении производства по соответствующему административному делу с учетом доводов апелляционной, кассационной жалобы (представления) на принятое решение может повлечь его отмену при установлении оснований, свидетельствующих о незаконности и (или) необоснованности принятого решения (части 2–4 статьи 310, части 1, 2 статьи 328 КАС РФ).

ВОПРОС 5. В какой срок должно быть рассмотрено административное дело о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания, если административное исковое заявление поступило в суд в выходной день и в этот же день истекает срок содержания несовершеннолетнего, помещенного в названный центр в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Федеральный закон № 120-ФЗ) на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел?

ОТВЕТ. Административное дело, связанное с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, предварительно помещенного в центр временного содержания, рассматривается до истечения срока нахождения несовершеннолетнего в центре временного содержания (часть 1 статьи 285⁹ КАС РФ).

С учетом изложенного, если административное исковое заявление о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания, предварительно помещенного в названный центр в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Федерального закона № 120-ФЗ на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел, поступило в суд в выходной день и в этот же день истекает срок содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания, административное дело подлежит незамедлительному рассмотрению.

ВОПРОС 6. Возможно ли продление срока рассмотрения административного дела, связанного с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания?

ОТВЕТ. Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации предусмотрены сокращенные сроки рассмотрения административных дел, связанных с помещением несовершеннолетнего в центр временного содержания.

Административное дело, связанное с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, рассматривается до истечения срока нахождения несовершеннолетнего в центре временного содержания; в остальных случаях административное дело рассматривается судом в течение десяти дней со дня принятия административного искового заявления к производству суда (часть 1 статьи 285⁹ КАС РФ).

По смыслу части 2 статьи 141 КАС РФ и разъяснений, данных в пунктах 33, 34 постановления Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», установленные названным кодексом сокращенные сроки рассмотрения и разрешения административных дел, в том числе административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, продлению не подлежат.

ВОПРОС 7. Возможно ли в резолютивной части решения суда при изложении выводов об установлении (продлении) срока содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания указывать период и событие, наступление которого свидетельствует о достижении цели помещения несовершеннолетнего в данный центр?

ОТВЕТ. При рассмотрении административного искового заявления, связанного с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, суд обязан вынести на обсуждение вопрос о сроке, в течение которого несовершеннолетний может содержаться в таком центре либо на который продлевается его содержание в нем, исходя из времени, минимально необходимого для достижения целей помещения несовершеннолетнего в названный центр (часть 2 статьи 285¹⁰ КАС РФ).

Решение суда по административному делу, связанному с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, должно отвечать требованиям, предусмотренным статьей 180 КАС РФ.

В резолютивной части решения суда по административному делу о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания должны содержаться сведения об удовлетворении административных исковых требований либо об отказе в их удовлетворении. В случае удовлетворения административных исковых требований о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания в резолютивной части решения суда должен быть решен вопрос о сроке содержания несовершеннолетнего в названном центре либо о сроке, на который продлевается содержание несовершеннолетнего в нем, а также о дате начала исчисления соответствующего срока (пункт 1 части 2 статьи 285¹¹ КАС РФ).

С учетом изложенного при удовлетворении административного иска о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания либо о продлении срока пребывания в нем в резолютивной части решения суда

выводы о сроке содержания несовершеннолетнего в центре могут быть изложены таким образом, чтобы свести до минимума ограничение свободы несовершеннолетнего, но при этом обеспечить достижение целей помещения несовершеннолетнего в центр временного содержания, например: на срок до передачи несовершеннолетнего законным представителям, но не более 30 суток; на срок до передачи несовершеннолетнего уполномоченному должностному лицу специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа, но не более 30 суток (применительно к несовершеннолетним, самовольно ушедшим из таких учреждений); на срок, необходимый для проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним, но не более 30 суток (в целях предупреждения совершения несовершеннолетним повторно общественно опасного деяния); на срок до получения путевки в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, но не более 30 суток.

ВОПРОС 8. Подлежит ли включению в устанавливаемый судом срок содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания срок содержания в нем несовершеннолетнего на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел до принятия решения суда?

ОТВЕТ. В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Федерального закона № 120-ФЗ несовершеннолетние, указанные в подпунктах 3–6 пункта 2 данной статьи, могут быть помещены в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел на срок не более 48 часов на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел, замещающих должности, перечень которых утверждается министром внутренних дел Российской Федерации.

По административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, срок содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания, помещенного в названный центр на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел, подлежит включению в устанавливаемый судом срок содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания. При этом в мотивировочной части решения суда должен быть обоснован конкретный срок пребывания несовершеннолетнего в центре временного содержания, а в резолютивной части решения суда должно содержаться указание на этот срок (часть 4 статьи 180, часть 2 статьи 285¹¹ КАС РФ).

ВОПРОС 9. В каком случае апелляционная жалоба на решение о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания

направляется судом первой инстанции в суд апелляционной инстанции до истечения срока на подачу апелляционных жалоб, представлений на соответствующее решение и рассматривается судом апелляционной инстанции незамедлительно?

ОТВЕТ. В соответствии с частью 5 статьи 302 КАС РФ до истечения срока обжалования административное дело не может быть направлено в суд апелляционной инстанции, за исключением случаев, в которых установлены сокращенные сроки подачи апелляционных жалобы, представления.

Согласно статье 285¹² КАС РФ решение суда по административному делу, связанному с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, может быть обжаловано лицами, участвующими в деле, в том числе несовершеннолетним, достигшим возраста четырнадцати лет, их представителями по общим правилам, установленным данным кодексом.

Вместе с тем, как следует из части 4 статьи 135 КАС РФ, лицо, участвующее в деле, представитель вправе подать ходатайство о неотложном рассмотрении и разрешении административного дела. При отсутствии оснований для отказа в удовлетворении такого ходатайства суд обязан вынести определение о его удовлетворении и принять все необходимые меры для такого рассмотрения.

Таким образом, в случае удовлетворения ходатайства лица, участвующего в деле, о неотложном рассмотрении и разрешении административного дела, в том числе на этапе подачи апелляционной жалобы на решение по делу, суд первой инстанции обязан незамедлительно совершить процессуальные действия, связанные с проверкой оснований для оставления апелляционной жалобы без движения, возвращения апелляционной жалобы, направлением лицам, участвующим в деле, копии жалобы и приложенных к ней документов, незамедлительно направить жалобу вместе с административным делом в суд апелляционной инстанции (статьи 300–302 КАС РФ). В свою очередь, суд апелляционной инстанции рассматривает такую жалобу в возможно короткий срок.